

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-
ЗАПОВЕДНИК М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПЯТИГОРСКЕ
МОСКОВСКОЕ ЛЕРМОНТОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Проблема авторства стихотворения
«Прощай, немытая Россия»
с точки зрения современной
филологической науки**

Сборник материалов международного
Круглого стола

12 мая 2017 г.

Пятигорск
2017

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2=411.2)52-8я43
Л 43

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВО «ПГУ» и оргкомитета международного Круглого стола

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Л.В. Витковская – доктор филологических наук, профессор,
В.И. Шульженко – доктор филологических наук, профессор

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Сафарова И.В. – кандидат исторических наук, директор Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске, председатель оргкомитета международного Круглого стола; **Соснина Е.Л.** – кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске, руководитель проекта «Международный Круглый стол по проблеме авторства стихотворения “Прощай, немытая Россия” с точки зрения современной филологической науки», **Кривецкая Е.С.** – кандидат филологических наук, член Союза писателей России, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в г. Пятигорске.

Проблема авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» с точки зрения современной филологической науки. Сборник материалов международного Круглого стола 12 мая 2017 г. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – 258 с.

В предлагаемом сборнике представлены доклады и сообщения участников международного Круглого стола, посвящённого изучению проблемы авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия», прочно вошедшего в лермонтовский лирический канон, с точки зрения современной филологической науки.

Материалы Круглого стола публикуются в авторской редакции по отбору редакционной коллегии

Общая редакция Е.Л. Сосниной

Дизайн обложки сборника разработан ст. н. сотрудником Гос. музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в г. Пятигорске *Н.Г. Сизоновой*

ISBN 978-5-4220-0869-8

© Государственный музей-заповедник
М. Ю. Лермонтова в Пятигорске, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Пятигорский государственный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
Оргкомитет Круглого стола	22
Сафарова И. В. Слово при открытии Круглого стола.....	24
Багратион-Мухранели И. Л. Риторическое и художественное в лирике М. Ю. Лермонтова	26
Берберова Е. Г. Трактровка понятия Родины мыслителями лермонтовской эпохи.....	35
Гальцев В. А. Опыт перевода стихотворения М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия!» на английский язык	39
Гекки Магомет «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...».....	45
Ефимов В., Ефимов Г. С какой же Россией прощался Лермонтов? ...	47
Заславский О. Б. Немытое тело в голубом мундире (о стихотворении М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия»)	56
Захаров В. А. Прощание с немытой Россией	62
Колупанова Т. Ю. Концепт «Россия» в идиостиле М. Ю. Лермонтова..	77
Купцова Н. Е. Амбивалентность любви М. Ю. Лермонтова как возможное доказательство его авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия».....	86
Ли Чжэнжун (перевод Ван Лидань) «Прощай, немытая Россия...»: подлинник или подделка?	91
Маркелов Н. В. Лермонтов не нуждается в адвокатах	99
Миллер О. В. Кто прощался с немытой Россией, уезжая на Кавказ? ...	100
Очман А. В. Об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия».....	110
Погребная Я. В. Стихотворение «Прощай, немытая Россия...» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова и споры о его авторской принадлежности.....	131
Прилепин З. Лермонтов как автор романа «Dухless».....	159
Пылёв А. И. Об османско-турецком термине «паша» и образе паши в творчестве М. Ю. Лермонтова.....	164

Сапрыгина Н. В. В защиту авторства М. Ю. Лермонтова.....	168
Сиротин В. И. Диагностика произведения.....	188
Соснина Е. Л. «Цветы среди грязной тины»: Эволюция развития мотива душевной «немытости» в социальной поэзии XIX – начала XX вв.	193
Фадичева Е. Н. Ещё раз о «немытой» России М. Ю. Лермонтова.....	227
Ходанен Л. А. Стихотворение «Прощай, немытая Россия...» в контексте политической и гражданской лирики М. Ю. Лермонтова: к проблеме авторства стихотворения	236
Юхнова И. С. Лирическая ситуация прощания в лирике М. Ю. Лермонтова	246
Рецензия на статью о стихотворении М.Ю. Лермонтова «прощай, немытая Россия» в новом Энциклопедическом словаре 2014 года.....	252
Резолюция Круглого стола.....	254
Сведения об авторах.....	256

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Вопрос об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия», давно и прочно вошедшем в лермонтовский лирический канон, непосредственно связан с исследовательской лермонтоведческой традицией, проявившейся в ходе организации и проведения научных Лермонтовских конференций в Пятигорске, на базе музея-заповедника М. Ю. Лермонтова. Так, на X юбилейной конференции, проводившейся в 1968 году, прозвучал доклад писателя и исследователя-лермонтоведа С. А. Андреева-Кривича, в котором автор рассказал о своей находке, сделанной в 1960 году в ЦГАЛИ. Им было найдено письмо Н. Н. Буковского А. В. Орешникову с ещё одним источником текста стихотворения «Прощай, немытая Россия». Буковский под текстом указал: «1841 г. Москва. Перед отъездом в последний раз на Кавказ». То есть, помимо четырёх, известных ранее источников текста, широко цитируемых сегодня [имеются в виду: 1) публикация Висковатого 1887 года¹; 2) публикация П. И. Бартенева – пушкиниста, основателя, издателя и редактора журнала «Русский архив» с примечанием: «Записано со слов поэта современником»²; 3) копия Бартенева в письме к издателю П. А. Ефремову от 9 марта 1873 г.³; 4) копия Бартенева на отдельном листе, посланная им Н. В. Путяте не позже 1877 г.⁴ (год смерти адресата), с припиской: «С подлинника руки Лермонтова»], был ещё один с указанием даты и места написания. Поскольку доклад С. А. Андреева-Кривича не был в своё время опубликован, современные исследователи, за исключением старейшего лермонтоведа О. В. Миллер, практически не упоминают в наши дни этот источник текста стихотворения, но сведения о нём можно получить, просматривая материалы отчёта о X-й лермонтовской конференции, проходившей в г. Пятигорске 16-17 октября 1968 года, которые ныне хранятся в фондах музея⁵. Уже тогда С. А. Андреев-Кривич обратил внимание на упрёки в адрес публикатора восьмистишия П. И. Бартенева, которые заключались в вопросе: «Не принял ли Бартенев правленную копию за оригинал?»⁶. Он подчеркнул, что оппо-

¹ Без указания на источник; в строке 6 читается «вождей».

² «РА», 1890, № 11, С. 375.

³ ЦГАЛИ, ф. 394, оп. 1, № 63, л. 46. Публ. К. В. Пигарева: «Изв. ОЛЯ АН», 1955. Т. 14, в. 4. С. 373.

⁴ ИРЛИ, оп. 2, № 52. Публ.: Соч. Л. под. Ред. Абрамовича – СПб., 1910-1913. Т. II. С. 336-37, 479.

⁵ ГБУК СК «Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова», фонд НВ, ед. хр. 61, л. 64.

⁶ Речь шла о канонизированном тексте стихотворения.

нентам довольно легко было избежать отрицательных суждений или колебаний по этому поводу, стоило лишь обратить внимание на одно обстоятельство: П. И. Бартенев, начиная с 1863 года, опубликовал девять писем М. Ю. Лермонтова к М. А. Лопухиной, письмо к С. А. Бахметьевой, текст стихотворения «Дай бог, чтоб ты не соблазнялся» с примечанием: «С собственноручного подлинника». А в 1872 году он сообщал П. А. Ефремову: «Я постараюсь Вам достать ещё лермонтовских вещей, и, кажется, довольно вкусных»¹. В числе этих «вкусных» вещей оказался роман, которому впоследствии издатели дали название «Вадим». Это была подлинная лермонтовская рукопись². Бартеневу лермонтовский роман был передан 7 ноября 1872 года, эта рукопись находилась в его руках довольно долго, он распорядился снять с неё копию. В числе прочих «вкусных» вещей оказалось стихотворение «Прощай, немытая Россия». С. А. Андреев-Кривич делает вывод, что утверждение о том, что Бартенев ошибся в определении почерка Лермонтова при ознакомлении со стихотворением «Прощай, немытая Россия» неубедительно, т. к. в его распоряжении довольно длительное время находилась очень большая рукопись М. Ю. Лермонтова. В переписке, связанной с поступлением рукописи «Вадима» к Бартеневу и вообще касающейся произведений Лермонтова, упоминаются фамилии М. А. Лопухиной, Шан-Гиреев, Столыпиной, Е. П. Веселовской (урожд. Шан-Гирей, троюродной сестры поэта), т. е. родственников и ближайших друзей М. Ю. Лермонтова. Исследователь делает предположение, что автограф восьмистишия «Прощай, немытая Россия» был получен Бартеневым от кого-либо из этих людей, и, может быть, даже когда-нибудь найдётся в материалах, хранившихся у перечисленных лиц. Вышеприведённые свидетельства можно использовать как контраргументы и против современных противников авторства М. Ю. Лермонтова знаменитого стихотворения. Ведь в последнее время возникла странная и неаргументированная версия о том, что П. И. Бартенев сам мог написать подобный маленький шедевр! Вот такие голословные обвинения в адрес человека, которому мы должны быть благодарны за сохранение и содействие в публикации лермонтовского и пушкинского наследия! Да и само лермонтовское слово было поставлено под сомнение. И это вместо того, чтобы с заботой и любовью хранить то, что оставлено нам великими людьми прошлого. Ещё более странной представляется попытка приписать авторство стихотворения «Прощай, немытая Россия» поэту-пародисту Д. Мина-

¹ ЦГАЛИ. Ф. № 191 (П. А. Ефремова). Ед. хр. 65. Л. II.

² Сегодня автограф романа «Вадим» хранится в ИРЛИ, тетр. XVI; на обл. автографа – страница с многочисленными зарисовками, сделанными рукой М. Ю. Лермонтова.

еву, в тексте которого встречается словосочетание «голубой мундир». Специалисты, изучающие лермонтовскую эпоху, встречают подобное словосочетание довольно часто. Почему, например, тогда не приписать авторство интересующего нас стихотворения современнику М. Ю. Лермонтова А. Арнольди, также использующему это выражение?!

12 мая 2017 года в пятигорском лермонтовском музее-заповеднике прошёл Международный Круглый стол по ставшей в последнее время актуальной теме: *«Проблема авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» с точки зрения современной филологической науки»*. В нём приняли участие свыше двадцати учёных-лермонтоведов из различных уголков России и зарубежья. Почему проведение подобного научного филологического форума стало необходимостью?

Ряд публикаций, вышедших в последнее время, выявил разногласия исследователей различного уровня по поводу авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия», как уже было указано выше, прочно вошедшего в лермонтовский лирический канон. Международная научная лермонтовская конференция, проведённая 12-14 мая 2016 года в г. Пятигорске на базе Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова, показала, что данные разногласия, часто сопряжённые с идеологической позицией участников спора¹, обсуждаются не только российскими, но и зарубежными учёными. В связи с вышеизложенным, и с целью продолжения исследовательской лермонтоведческой традиции на Северном Кавказе Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова в Пятигорске при поддержке Московского Лермонтовского общества, принял решение о проведении 12 мая 2017 года Круглого стола по обозначенной проблеме. Целью проведения Круглого стола стала необходимость возродить строго научный подход к проблеме авторства литературного наследия России. Были также введены определённые задачи: обсудить обоснованность включения в школьные программы стихотворения «Прощай, немытая Россия», отделить научный анализ литературного произведения от популистского подхода.

¹ См., например, статью, опубликованную на сайте писательницы и поэтессы Г. Г. Подольской: *«Патриотизмом опьянён, писал он, ненависти полн»: о статье В. Хатюшина «Давно разоблачённая фальшивка»*, где сказано, о том, что политика и наука как правило проповедают разные ценности и действуют разными способами, и приводится мнение о статье В. Хатюшина как о ещё одном неуклюжем образце политического притягивания за уши очередной научной полемики.

В РАМКАХ КРУГЛОГО СТОЛА В ФОРМАТЕ ДИСКУССИИ БЫЛО ПРЕДЛОЖЕНО ОБСУДИТЬ СЛЕДУЮЩИЙ КРУГ ВОПРОСОВ:

- Предыстория вопроса об авторстве восьмистишия.
- Основные точки зрения по поводу авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия».
- Как происходило литературное и философское осмысление драматизма истории имперской России в XIX веке?
- Развитие литературного образа «Немытой России».
- Антимонархическая идеология популярных духовно-эстетических движений лермонтовской эпохи, её отражение в литературе.
- Источниковедческий аспект рассматриваемой проблемы.
- Филологический и исторический аспекты проблемы авторства восьмистишия.
- Проблема интертекстуальности.
- Особенности идиостилия М. Ю. Лермонтова.
- Имманентный, структурный, семантико-смысловой, стилистический анализ стихотворения «Прощай, немытая Россия».
- Судьба исследуемого стихотворения в истории русской и мировой литературы.
- Лермонтоведение и псевдонаучные изыскания.
- Проблема вульгаризации лермонтоведения.
- Оппозиция двух мнений по поводу авторства рассматриваемого художественного текста в энциклопедических изданиях 1981 и 2014 гг.
- Современное лермонтоведение в конкурсах РГНФ и РФФИ.

А ТАКЖЕ СЛЕДУЮЩИЙ ПЕРЕЧЕНЬ АРГУМЕНТОВ,
КОТОРЫЕ БЫЛИ ЗАЯВЛЕНЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПИСЬМЕ
О ПОДГОТОВКЕ КРУГЛОГО СТОЛА:

Аргументы «против» авторства М. Ю. Лермонтова¹

¹ Несмотря на информационную поддержку в организации Круглого стола Московского Лермонтовского общества, сторонники версии, согласно которой отрицается авторство М. Ю. Лермонтова стихотворения «Прощай, немытая Россия», не приехали на научное мероприятие, проводившееся в Пятигорске 12 мая 2017 года. Тем не менее, все их публикации, появившиеся в печати, либо в интернете, были тщательно изучены, а позиции изложены в тезисной форме. Тем самым организаторы Круглого стола продемонстрировали свою готовность к открытому, корректному диалогу.

ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЕРСИИ: 1989 год – вплоть до настоящего времени.

НАИБОЛЕЕ ЯРКИЕ СТОРОННИКИ: *Бушин В. С.* – публицист, фельетонист, общественный деятель, подвергший в своих публикациях критике деятельность Никиты Михалкова, Евгения Евтушенко, Даниила Гранина, Анатолия Собчака, Бориса Ельцина, Александра Солженици-на, Станислава Говорухина, Эдварда Радзинского, Владимира Путина, Дмитрия Медведева, и многих других; *Эльзон М. Д.* – библиограф, книговед, кандидат педагогических наук; *Есаулов И. А.* – д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории словесности Российского православного университета, директор Центра литературоведческих исследований; *Кутырёва А. А.* – кандидат философских наук; *Бурляев Н. П.* – актёр, режиссёр; *Клечёнов Г. Е.* – кандидат исторических наук; *Краснов П.* – публицист; *Сокуров С. А.* – геолог, общественный деятель, писатель; *Щеблыкин И. П.* – д. ф. н., профессор Пензенского педагогического института; *Киселёва И. А.* – д. ф. н., Московский государственный областной университет; *Бондаренко В.* – писатель, автор книги о М. Ю. Лермонтове «Мистический гений»; *Хатюшин В. В.* – поэт, прозаик, переводчик, публицист, издатель.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ: сторонники версии часто ссылаются на мнение, высказанное 12 лет назад академиком *Н. Н. Скатовым* в интервью «Литературной газете», согласно которому отсутствие автора стихотворения – свидетельство против авторства М. Ю. Лермонтова, в порядке опровержения лермонтовского авторства строк восьми-стишия усматривается фактический изъян в словосочетании «за стеной Кавказа», – «*в то время как Лермонтов ехал служить на Северный Кавказ, то есть, строго говоря, не доезжая до его стены*»¹.

¹ Скатов Н. Всеведение поэта // Литературная газета. 2004. № 38-39. С. 8. По поводу позиции Н. Н. Скатова, 12 лет назад возглавлявшего Пушкинский Дом, участникам Круглого стола были даны разъяснения Ольгой Валентиновной Миллер, лермонтоведом и библиографом, заведовавшей в течение полувека лермонтовским кабинетом в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, консультантом проекта «М. Ю. Лермонтов: наследие» в Санкт-Петербурге. Она пояснила, что после опубликования Н. Н. Скатовым статьи, где было выражено его мнение по поводу авторства «Немытой России», ею была подготовлена своя статья, в которой доказывалось лермонтовское авторство. Поскольку Н. Н. Скатов тогда являлся фактически непосредственным руководителем, которому подчинялась известная лермонтовед, она представила ему статью на согласование. После чего Н. Н. Скатов не возражал против опубликования статьи О. В. Миллер, видимо считая её аргументы в защиту лермонтовского авторства достаточно вескими! Отметим, что новых статей академика Н. Н. Скатова по поводу авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» не последовало.

ТЕЗИСЫ:

1. Нет подлинного автографа.
2. Разночтения в копиях стихотворения.
3. Запутанная ситуация первопубликации стихотворения.
4. Поздняя дата публикации 1873 год.
5. Нет списков стихотворения, выполненных рукой переписчиков. Оно – никаким образом не дало о себе знать.
6. Стихи не являются талантливими, скорее посредственными.
7. Не мог Лермонтов назвать Россию «немьтой», нет в его наследии такого понятия. Образ «немьтой России» не возникает в более поздних литературных произведениях.
8. Изъян в словосочетании «за стеной Кавказа», – «в то время как Лермонтов ехал служить на Северный Кавказ, то есть, строго говоря, не доезжая до его стены».
9. В языке М. Ю. Лермонтова нет слова «паша».
10. Нет никаких набросков у Лермонтова, свидетельствующих о намерении написать что-либо о «немьтой России».
11. Стихотворения нет в книге Одоевского.
12. Использование словосочетания «голубые мундиры» наводит на мысль, о том, что поэт-пародист Минаев, использовавший словосочетание в пародии на лермонтовскую поэму «Демон», может являться автором восьмистишия (как предположение).
13. Первопубликатор стихотворения Бартенев может являться автором стихотворения (как предположение).
14. Несогласованность стилистической конструкции в стихах, как-то: «всевидающего глаза» (ед. число), «всеслышащих ушей» (мн. число).

ПРИМЕЧАНИЕ: Подчёркиванием выделены те постулаты, которые заведомо являются не соответствующими действительности, т.е. появились в результате либо плохого знания фактов, либо являются характерными примерами применения метода передёргиваний и натяжек в литературоведении.

Аргументы «за» авторство М. Ю. Лермонтова

ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЕРСИИ: 1887 год – вплоть до настоящего времени.

НАИБОЛЕЕ ЯРКИЕ СТОРОННИКИ: *Бартенев П. И.* – пуш-

кинист, историк, основатель, издатель и редактор журнала «Русский архив»; **Висковатый П.** – первый биограф М. Ю. Лермонтова; **Виноградов В. В.** – д. ф. н., автор труда: «Проблема авторства и теория стилей»; **Максимов Д.** – литературовед, убедительно подтвердил датировку стихотворения Висковатого, принятую теперь исследователями; **Андроников И. Л.** – доктор филологических наук, известнейший лермонтовед; **Динесман Т. Г.** – д. ф. н., литературовед, лермонтовед, автор ЛЭ 1981 г.; **Андреев-Кривич С. А.** – кандидат филологических наук, советский литературовед и писатель; **Герштейн Э. Г.** – литературовед, автор трудов по исследованию творчества М. Ю. Лермонтова; **Найдич Э. Э.** – д. ф. н., литературовед, лермонтовед; **Мануйлов В. А.** – д. ф. н., лермонтовед, редактор ЛЭ 1981 года; **Миллер О. В.** – лермонтовед, в течение полувека заведовавшая Лермонтовским залом в Пушкинском Доме РАН, автор многочисленных статей по лермонтоведению, составитель уникальных библиографических пособий, учитывающих всю литературу о М. Ю. Лермонтове, изданную в нашей стране и за рубежом с 1825 по 2001 гг., член редакционной коллегии «Лермонтовской энциклопедии» 1981 года и редакционного совета «Лермонтовских чтений» в Санкт-Петербурге; **Эйхенбаум Б. М.** – д. ф. н., лермонтовед; **Фадичева Е. Н.** – учёный секретарь Московского Лермонтовского общества; **Сапрыгина Н. В.** – к. ф. н., доцент кафедры социальной и прикладной психологии Одесского национального университета им. Мечникова, автор монографий: «Психолингвистика диалога» и «Авторская семантизация в художественном тексте»; **Очман А. В.** – д. ф. н., профессор ПГУ; **Маркелов Н. В.** – главный хранитель государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске, автор многочисленных публикаций по лермонтоведению и истории Северного Кавказа; **Погребная Я. В.** – д. ф. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы Ставропольского государственного педагогического института; **Прилепин З.** – писатель, журналист, поэт, лауреат национальной литературной премии «Большая книга» (2014 г.), премии Правительства России в области культуры (2016 г.), **Соснина Е. Л.** – к. и. н., доцент, главный научный сотрудник государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске; **Захаров В. А.** – профессор, лауреат Всероссийской Лермонтовской Премии 2001 года; **Ранкур-Лаферьер Д.** – американский филолог, работающий в психоаналитическом ключе; **Ли Ченжун** – д. ф. н., профессор Пекинского университета.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ: сторонникам версии импонирует мнение корифеев классического лермонтоведения, а также мнение пре-

зидента России **В. В. Путина**, который назвал М. Ю. Лермонтова своим любимым поэтом и рассказал, что у него на столике всегда лежит его книга. На встрече с учителями – победителями конкурса «Учитель года России – 2016» президент России прочитал стихотворение «Прощай, немытая Россия», отметив, что крайне оппозиционные взгляды великого поэта не мешали ему быть патриотом.

ТЕЗИСЫ:

1. Около 100 произведений М. Ю. Лермонтова не имеют автографа в оригинале, при этом никто не оспаривает их авторства.
2. Разночтения в копиях произведений М. Ю. Лермонтова – обычное явление.
3. Многие из произведений поэта имеют запутанную ситуацию с первопубликацией (редакции поэмы «Демон»; можно указать ошибки, имевшие место в прижизненном издании «Героя нашего времени», напр. нарушения в хронологии дат в «журнале Печорина», приводившие к смысловым противоречиям; драма «Маскарад» – уточнения по писарской копии с правкой рукой С. А. Раевского и т.д.).
4. 42 произведения М. Ю. Лермонтова, не известных в автографе, было опубликовано после 1873 года.
5. Имеются косвенные свидетельства о существовании списков стихотворения в кружке поэтов-петрашевцев.
6. Стихотворение имеет свою собственную судьбу в истории русской литературы и русского искусства, оно вдохновило М. Цветаеву, К. Бальмонта и др. авторов, отразившись в их творчестве. Автор стихотворения во многом предвосхитил то понимание духовного рабства, которое позднее по-разному преломилось в творчестве Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова. Стихотворение иллюстрировали А. А. Гурьев, А. В. Кокорин и др.
7. Отсутствие распространённости лексемы «немытый» как в долермонтовской поэзии Золотого века, так и словарях того времени. Современный «Словарь русской идиоматики» выстраивает такой синонимический ряд: «**немытый** – аморальный, безнравственный, бесстыжий..., порочный, не очищенный от грязи,... неблагопристойный». «Немытая» – эпитет-неологизм, характерный для М. Ю. Лермонтова, стоящий в одном ряду со словесными экспериментами типа: «всеслышащие

- уши», «всесожигающий костёр», возникшими в рамках т.н. «поэзии формульного типа».
8. Ещё И.Л. Андроников высказал мысль о том, что лексема «хребет» / «стена» Кавказа – не географический термин, его надо понимать метафорически. Речь идёт об анализе *художественного текста*.
 9. В языке М.Ю. Лермонтова только в сказке «Ашик-Кериб» шесть раз встречается слово «паша», кроме того, поэт рисовал портрет турецкого паши. Тема восточного деспотизма и рабской покорности по восточному типу подчёркивается введением в текст восьмистишия параллели из Корана «всевидаший-всеслышаший» (Ас-Сами (Всеслышаший) Аль-Басыр (Всевидаший), что перекликается с лермонтовскими словами: «/ **Быть может, небеса Востока / меня с ученьем их пророка / Невольно сблизили...**».
 10. Наброски, свидетельствующие о намерении написать произведение с тем, или иным сюжетом, встречаются у Лермонтова только в отношении значительных по объёму произведений (поэма «Мцыри», исторический роман и т.д.), но ни в отношении к лирическим произведениям, поэтому их отсутствие – не аргумент, свидетельствующий против авторства М.Ю. Лермонтова.
 11. Книга Одоевского включает лишь некоторые стихотворения последнего года жизни поэта. Поэтому отсутствие в ней текста «немой России» – не аргумент.
 12. Словосочетание «голубые мундиры» встречается у многих современников М.Ю. Лермонтова (А.И. Арнольди и др.), а также в поэзии (Н.П. Огарёв, 1857 г.), поэтому «Минаевская версия» не выдерживает критики.
 13. Обращается внимание (Миллер О.В.) на обстоятельство, которое исключает возможное авторство Бартенева: в письме Н.Н. Буковского к А.В. Орешникову есть сведения, не известные Бартеневу.
 14. Сочетание ед. числа и мн. числа как художественный приём у Лермонтова встречается и в других сочинениях. Например, в стихотворении «Я не хочу, чтоб свет узнал ...» (1837 г.): *Пускай шумит волна морей*.
 15. Использование формы восьмистишия, характерно для Лермонтова. Пастернак считал 8 строк идеальной формой стихотворения.

16. Исследование лексического состава, синтаксической структуры, образного строя, стихотворной формы и содержания восьмистишия убеждают в лермонтовском авторстве произведения.

ПРИМЕЧАНИЕ: Подчёркиванием выделены новые изыскания, которые были озвучены в рамках «Круглого стола».

В дискуссиях Круглого стола приняли участие ведущие учёные-лермонтоведы, представители следующих университетов и научных центров:

- Московское Лермонтовское общество,
- Государственный музей-заповедник М. Ю. Лермонтова в Пятигорске,
- Санкт-Петербургский университет,
- Московский Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет (ПСТГУ),
- Институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона,
- Институт иностранных языков Нанькайского университета, Китай,
- Пекинский педагогический университет, Китай,
- Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Украина,
- ФГБУ ВПО «Кемеровский государственный университет»,
- Нижегородский Национальный исследовательский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
- ФГБУ ВПО «Пятигорский университет»,
- Ставропольский государственный институт,
- Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ).

Во вступительном слове при открытии Круглого стола директор Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в Пятигорске И. В. Сафарова, говоря об актуальности рассмотрения проблемы авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» в наши дни, подчеркнула, что некорректное цитирование лермонтовских строк (например, украинскими радикалами) не может послужить поводом для пересмотра российского культурного наследия. Ведь строки «Немытой России» были написаны в определённый исторический период и являются осмыслением драматизма имперской истории страны.

Во время проведения научного мероприятия наблюдался незначительный разброс мнений.

Из 25 исследователей, принявших участие в работе Круглого стола, двое (*В. Ефимов, Г. Ефимов*) выразили убеждение в том, что стихи знаменитого восьмистишия – лермонтовские, но слово *немытая* – не принадлежит поэту, т.к. первопубликаторами текста был плохо разобранный им автограф стихотворения, впоследствии утраченный. Вероятно, это слово *немотная (немая)*¹.

Одна исследовательница (*Я. Погребная*), отметив, что «...образный строй и смысл стихотворения не противоречат ни убеждениям Лермонтова, ни общим принципам его поэтики», допускает возможность его включения в собрания сочинений М. Ю. Лермонтова в раздел произведений с точно не установленным авторством.

подавляющее большинство лермонтоведов, принявших участие в работе Круглого стола, пришло к однозначному выводу: историко-филологический анализ стихотворения «Прощай, немытая Россия», основанный на применении современных методов исследования (имманентный анализ, интертекстуальный анализ, метод «слово – образ» и др.), показывает несомненное лермонтовское авторство произведения. Оно является блестящим образчиком т.н. поэзии «формульного типа» (классификация Б. Эйхенбаума). Образ «Немытой России» был развит поэтами-петрашевцами – наследниками социальной поэзии М. Ю. Лермонтова в 1849 году, задолго до опубликования восьмистишия, что делает несостоятельными попытки некоторых исследователей привязать историю создания произведения к дате его появления в печати. Стихотворение имеет в русской литературе свою собственную судьбу, отразившись в творчестве многих крупных поэтов (М. Цветаева, К. Бальмонт, С. Есенин, В. Маяковский, Н. Полетаев, В. Набоков, К. Случевский и др.), что делает некорректными высказывания о «корявых образах», содержащихся в произведении. Аргументы «против» лермонтовского авторства, появившиеся в публикациях исследователей (как правило не зарекомендовавших себя в области лермонтоведения серьёзными научными трудами), вышедших в последнее время, не являются вескими, часто появляются в результате либо плохого знания фактов, либо являются характерными примерами применения метода передёргиваний и натяжек в литературоведении. Таким образом, нет никаких оснований

¹ В интернете имеется также вариация данной версии, высказанная анонимным исследователем, согласно которой изначальное слово было «немытная»: «У Лермонтова наверняка здесь было написано: *немытной России*. То есть, речь у поэта шла о той приграничной к Кавказу части России, где ещё не было налаженной *мытной* (пошлинной) службы». (См. сайт: otvet.mail.ruquestion/185995176).

ставить под сомнение лермонтовское авторство.

Участники Круглого стола сочли нецелесообразным исключение лермонтовского стихотворения «Прощай, немытая Россия» из школьных учебников, подчеркнули обоснованность его включения в издания произведений М. Ю. Лермонтова именно как лермонтовское (а не как приписываемое перу поэта).

Было также подчеркнуто, что мы не должны шарахаться в его оценках в зависимости от политической конъюнктуры, но воспитывать у молодых соотечественников чувство патриотизма «не с закрытыми глазами», основанного на знании своей истории, своей культуры.

В докладах, представленных участниками Круглого стола, аргументы в пользу лермонтовского авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» были распределены по следующим группам:

Источниковедение:

(В. А. Захаров; О. В. Миллер; Ли Чжэнжун; Ван Лидань)

- Первый публикатор текста, П. Висковатый, назвал произведение лермонтовским, заметим при этом, что многие свидетельства первого биографа поэта приобретают сегодня значения первоисточника.

- Историк П. И. Бартнев также назвал текст лермонтовским и в личной переписке указал на источники его получения (госпожа Столыпина, которая, видимо, испугалась, когда её внимание обратили на то, что в рукописи имеются строки противоположительного содержания и забрала автограф, Шан-Гирей, с которыми Столыпина хотела списаться по поводу автографа текста, и современник Лермонтова, имени которого Бартнев не назвал).

- Наличие лермонтовского образа в стихотворении «Гора высокая, вершина чуть видна» современника поэта, развившего образ «Немытой России», Д. Ахшарумова (1823-1910) даёт основание предположить возможность существования списков «Немытой России», находившихся не только у родственников М. Ю. Лермонтова, но у поэтов-петрашевцев, продолживших его дело, подхвативших знамя его социальной поэзии после его смерти. В этом смысле представляется перспективным поиск автографа стихотворения и в архивных материалах, связанных с именами поэтов-петрашевцев.

- К. В. Пигарев допускает, что в письме к Ефремову Бартнев цитировал текст по памяти, делая же список, обнаруженный в Мурановском архиве, переписывал текст непосредственно с подлинника.

- Обнаружение в 1960 году С. А. Андреевым-Кривичем в ЦГАЛИ письма Н. Н. Буковского А. В. Орешникову с текстом стихотворения «Прощай, немытая Россия»¹, под которым имелось указание на место и время его создания: «1841 г. Москва. Перед отъездом в последний раз на Кавказ», даёт возможность предположить, что информатор пользовался ещё какими-то другими материалами, которые дали ему возможность получить эти сведения.

История:

(Е. Г. Берберова; О. Б. Заславский, А. И. Пылёв)

- Развитие образа «Немытой России» появляется в русской литературе в 1849 г. (за 38 лет до первой публикации и за 24 года до первых, известных нам, письменных свидетельств о существовании восьмистишия Лермонтова) в стихотворении поэта-петрашевца, лирические образы поэзии которого являются типичными для гражданской поэзии и питаются аллегориями, непосредственно заимствованными у Лермонтова, что делает несостоятельными попытки некоторых исследователей некоторых современных исследователей привязать написание знаменитого восьмистишия к дате его опубликования, объявив при этом его возможными авторами пародиста Минаева, либо издателя Бартенева. «Минаевская» и «бартеневская» версии не выдерживают критики.

- Текст стихотворения «Прощай, немытая Россия» был опубликован при жизни современника М. Ю. Лермонтова (Д. Ахшарумова), развившего образ «Немытой России», который не возражал против лермонтовского авторства восьмистишия, ставшего знаменитым. Более того, до момента опубликования текста своей России «немытой со дня рождения», Д. Ахшарумов устроил чтение своих воспоминаний, включавших текст этого поэтического произведения у себя на дому, В. Г. Короленко, присутствовавший там, не только с интересом и симпатией отнёсся к современнику Лермонтова, развившему его образ, но и оставил отзыв о самом интересующем нас восьмистишии как о лермонтовском.

- Лексема «немытая» впервые зафиксирована в русской литературе в творчестве Николая Михайловича Языкова (1803-1846). В его стихотворении «Корчма» (02.01. 1825 г.) использован этот редкий для поэзии Золотого века авторский эпитет на грани прямого-переносного смысла. На вопрос: «Мог ли Лермонтов знать тексты Языкова?» можно

¹ Бурава С. Н. Сергей Алексеевич Андреев-Кривич (К 100-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2006 год: Краевед. Сб. / СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова. Отд. краевед. лит. и библиографии. – Ставрополь, 2006. С. 201-204.

дать определённо утвердительный ответ¹. Языкова участники литературно-философского кружка «Общество любомудрия», образованного в конце 1823 в Москве. В него вошли В. Ф. Одоевский (председатель), Д. В. Веневитинов, творческие связи которых с Лермонтовым являются доказанными. В 1833 году был опубликован сборник лирических произведений Языкова, куда вошло стихотворение «Корчма». И уже 1836 году (через 3 года) Лермонтов употребляет это слово в поэме «Монго» («Мунго») в переносном, метафорическом значении, в 1837-38 гг. возвращается к прямому значению слова в «Тамбовской казначейше». То есть, использование и распространение лексемы «немытая» в социальном смысле шло через литературно-философские кружки любомудров и петрашевцев, история которых самым тесным образом связана с именем М. Ю. Лермонтова.

- Это поразительно горькое стихотворение обретает свой истинный смысл лишь в контексте эпохи и всего творчества поэта. Для 30-х – 40-х годов чувства, описанные в нём, были характерным явлением.

Публицистика:

(Н. В. Маркелов; З. Прилепин; Сафарова И. В.)

- Исследование лексического состава, синтаксической структуры, образного строя, стихотворной формы и содержания этого маленького шедевра, то есть всех особенностей поэтического мышления того, кто его создал, убеждают в том, что именно Лермонтов и мог его написать.

Филология:

(И. Л. Багратион-Мухранели; А. В. Очман; Я. В. Погребная; Н. В. Сапрыгина; Е. Л. Соснина; Л. А. Ходанен; И. С. Юхнова)

- Стихотворение «Прощай, немытая Россия» соответствует лермонтовскому идиостилю (система стихосложения, новаторский характер и т.д.) Исследование лексического состава, синтаксической структуры, образного строя, стихотворной формы содержания этого маленького шедевра убеждают в лермонтовском авторстве.

- Форма восьмистишия характерна для М. Ю. Лермонтова (так, например, только за период 1831-1832 гг. поэт создал свыше десяти восьмистиший, среди них: «Как дух отчаянья и зла», «Силуэт» и «Я не люблю тебя; страстей...»). Причём малая форма не мешает признать

¹ Вацура В. Э. Языков Н. М. Лермонтовская энциклопедия: «Советская энциклопедия». – М., 1961. С. 642.

их законченными гениальными творениями). М. Ю. Лермонтов создавал восьмистишия и на французском языке. Примером может служить «NON, SI J'EN CROIS MON ESPÉRANCE» («Нет, если верить моей надежде»), стихотворение М. Ю. Лермонтова на франц. яз. (1832?). Местонахождение автографа неизвестно; в 1951 он был продан с аукциона в Мюнхене (ФРГ); принадлежал в своё время Верещагиной. Копия (сделанная по бумагам Верещагиной) – ИРЛИ. Впервые стихотворение было опубликовано П. Висковатовым в «РС», 1882, т. 35, № 8, с. 391.

- Парадигма интертекстуальности может быть рассмотрена в данном произведении как взрыв линейности текста. В восьмистишие прослеживается работа «чужого слова»: «немытая Россия», линейного контекста которого явно недостаточно для его понимания. Смысловые неясности проясняются только за счёт вертикальных интертекстуальных связей. Стихотворение вовлекает в своё смысловое поле огромное количество «чужих» текстов, осваивая их (например, западноевропейцев, путешествовавших по имперской России), т.е. подчиняя их общему механизму смыслопорождения. Интертекстуальные элементы запускают ассоциативный механизм, работа которого, однако, не бесформенна и не бесконечна, но разворачивается направленно и в поле напряжения между потенциально бесконечной ассоциативностью интертекста и смысловой очерченностью, эксплицитно выраженной в тексте.

- В стихотворении есть биографические мотивы и диалог Лермонтова с верховной властью.

- Звуковая и акцентная структуры, ритмика стихотворения говорят о том, что оно – лермонтовское.

- Структурный, семантико-смысловый и стилистический анализ стихотворения «Прощай, немытая Россия» показывает, что его структурные особенности и черты идиостиля соответствуют особенностям творческого почерка Лермонтова.

- Синтаксический параллелизм, инверсия, полустиишия, параллельные полустиишия становятся особенностью идиостиля М. Ю. Лермонтова. Можно также указать антонимичные полустиишия, пиррихий: *страна рабов* произносится как одна синтагма, обозначения стихотворных ритмов, Симметрия создаётся повтором ритма предыдущей строки и расположением пиррихий влево и вправо от ударной стопы. Эта конструкция – редкая, характерная для М. Ю. Лермонтова. Автор использует её для выделения финальных строк. Таким образом, автор стихотворения виртуозно владеет стихотворной техникой, а стихотворение, авторство которого оспаривается, есть бесспорный шедевр.

- Повторяющаяся на протяжении всей творческой эволюции в ли-

рике М. Ю. Лермонтова инверсия со словом «голубой»: «В тумане моря голубом» («Парус»), «Русалка плыла по реке голубой», «показались в дали голубой» («Три пальмы»), «Спит земля в сиянье голубом» («Выхожу один я на дорогу»), выявленная при сопоставлении со словом «голубой» в конце строки и рифмующимся словом, с «И вы, мундиры голубые...».

- Символизм образов стихотворения, содержащих в себе целый ряд значений – подчас противоположных, характерен для М. Ю. Лермонтова.

- Использование гомеровских (сложносоставных) эпитетов, характерных для М. Ю. Лермонтова («всевидящий глаз», «всеслышашие уши», «всесожигающий костёр»).

- М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Прощай, немытая Россия» прокладывает новые пути развития русской поэзии, опережая Тютчева и Некрасова.

- «Гражданская экзальтация», романтическая ирония, иносказание, – традиционные для Лермонтова мотивы и концепты, свойственные его художественной идеологии в целом.

Психология:

(Н. Е. Куцова)

- Амбивалентность любви М. Ю. Лермонтова рассматривается как возможное доказательство его авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия».

Теория перевода, педагогика:

(В. А. Гальцев, М. Гекки)

- В строках стихотворения «Прощай, немытая Россия» больше любви к Родине, чем в иных клятвенных заверениях в верности Отчизне.

- Человек, истинно любящий свою Родину, и должен быть самым горячим критиком всего плохого, что в ней есть.

Культурология:

(В. Ефимов; Г. Ефимов; В. И. Сиротин; Е. Н. Фадичева)

- Нет неопровержимых доказательств в том, что стихи «Прощай, немытая Россия» не принадлежат перу М. Ю. Лермонтова. И надо ли было так торопиться отразить сомнение в этом в новом издании «М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь»?

Лингвистика:

(Т. Ю. Колупанова)

- В стихотворении М. Ю. Лермонтова лексема «Россия» вступает в контекстуальные ассоциативные связи со «страной рабов и господ», с «немытой Россией», с местом, где царит произвол правящей власти. Это находит отражение и в семантической организации концепта *Россия*, содержательная форма которого включает в себя вышеприведенные смысловые ассоциации. В рассматриваемом произведении признаковое поле концепта *Россия* выстраивается вокруг своего смыслового ядра, обозначенного официальным именем *Россия* в значении «государство».

* * * * *

В целом на заседаниях Круглого стола было подчеркнуто, что при анализе авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» следует отказаться от психологии простых решений и проанализировать текст с профессиональной точки зрения.

Итак, проведение Международного Круглого стола по проблеме авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» дало новые веские аргументы по поводу лермонтовского авторства произведения с точки зрения различных гуманитарных наук: истории, источниковедения, филологии, психологии, теории перевода, культурологии, лингвистики. Разность в подходах при анализе текста заключается в тех методах, которые были выбраны тем, или иным исследователем, для наиболее глубокого анализа и понимания текста.

Метод – это как раз тот путь, который помогает найти вход в эту удивительную страну слов, в этот удивительный текст, состоящий из 8 строк, из 8 образов-символов, из 33 слов, сочетание которых магически действует на нас сегодня, заставляя нас думать, спорить, размышлять, доводит нас до состояния культурного шока спустя более полутора веков после его создания.

Е. Л. Соснина,

кандидат ист. наук, доцент,

главный научный сотрудник

Государственного музея-заповедника

М. Ю. Лермонтова в г. Пятигорске,

руководитель проекта:

*«Международный Круглый стол
по проблеме авторства стихотворения
“Прощай, немытая Россия” с точки зрения
современной филологической науки».*

ОРГКОМИТЕТ КРУГЛОГО СТОЛА:

1. **Сафарова И. В.** – кандидат исторических наук, директор Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в г. Пятигорске – председатель оргкомитета.
2. **Соснина Е. Л.** – кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в г. Пятигорске – сопредседатель оргкомитета, руководитель проекта.
3. **Сахаров А. А.** – магистр естественных наук, доцент Московского городского психолого-педагогического университета, член Союза писателей России, председатель Московского Лермонтовского общества – сопредседатель оргкомитета.
4. **Витковская Л. В.** – доктор филологических наук, профессор Пятигорского Государственного университета (ПГУ), заведующая НИ лабораторией «Русский язык на Северном Кавказе».
5. **Захаров В. А.** – кандидат исторических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Армении, Лауреат Всероссийской Лермонтовской премии.
6. **Кривецкая Е. С.** – кандидат филологических наук, член Союза писателей России, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в г. Пятигорске.
7. **Маркелов Н. В.** – главный хранитель фондов Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова в г. Пятигорске.
8. **Миллер О. В.** – бывший сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук, г. Санкт-Петербург, лермонтовед, в течение полувека заведовавшая Лермонтовским залом в Пушкинском Доме РАН, автор многочисленных статей по лермонтоведению, составитель уникальных библиографических пособий, учитывающих всю литературу о М. Ю. Лермонтове, изданную в нашей стране и за рубежом с 1825 по 2001 гг., член редакционной коллегии «Лермонтовской энциклопедии» 1981 года и редакционного совета «Лермонтовских чтений» в Санкт-Петербурге.
9. **Очман А. В.** – кандидат филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы Пятигорского Государственного университета (ПГУ).

10. **Погребная Я. В.** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Ставропольского государственного педагогического института.
11. **Пылёв А. И.** – кандидат филологических наук, доцент Кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
12. **Сапрыгина Н. В.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры социальной и прикладной психологии Одесского национального университета им. Мечникова.
13. **Фадичева Е. Н.** – учёный секретарь Московского Лермонтовского общества.
14. **Ходанен Л. А.** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора Кемеровского государственного университета.
15. **Чёрная Т. К.** – доктор филологических наук, профессор СКФУ, г. Ставрополь.
16. **Шульженко В. И.** – доктор филологических наук, профессор ПГУ, член союза писателей России.
17. **Юхнова И. С.** – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы Нижегородского Государственного Университета им. Н. И. Лобачевского.

И.В. Сафарова

(г. Пятигорск)

СЛОВО ПРИ ОТКРЫТИИ КРУГЛОГО СТОЛА

Актуальность рассмотрения проблемы авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» в наши дни

Мы начали наш Круглый стол с просмотра короткого видеоролика, который подготовила наша сотрудница Наталья Сизонова. В нём мы постарались отразить все составляющие современного взгляда на проблему авторства восьмистишия, вошедшего в лермонтовский лирический канон. Часто можно услышать вопрос, почему стихотворение *«Прощай, немытая Россия»* было опубликовано лишь спустя 46 лет после его написания. Как бы отвечая на него, мы показали в нашем видеоролике образ цензуры. Сегодня по популярности, пожалуй, невозможно найти аналога этому стихотворению. Строки из него пишут на плакатах и баннерах, о нём чаще всего спорят на страницах интернета, с этим стихотворением выходят на демонстрации и политические митинги. Украинские радикалы, например, (и этот сюжет тоже присутствует у нас), выходят на свои митинги с плакатами: *«Прощай, немытая Россия»*, желая продемонстрировать своё неприятие современной России, но при этом выдёргивают эту фразу не только из исторического контекста, но и из текста самого стихотворения. Такое некорректное цитирование породило ответную реакцию у наших патриотов. Но, выражая свою позицию: «Так о России нельзя!», они задались вопросом: «Как М. Ю. Лермонтов мог так написать о России?», и усомнились в авторстве произведения. Но разве чьё-то некорректное цитирование может послужить поводом для пересмотра своего культурного наследия? Ведь строки «Немытой России» были написаны в определённый исторический период и являются осмыслением драматизма имперской истории страны. И возникает волна митингов по России, которые проводятся теми, кому дорого лермонтовское слово. Мы видели кадры, на которых молодые люди, жители Санкт-Петербурга, вышли с баннерами, где стихотворение написано полностью, на улице Садовую (Садовая улица, д. 61), где в своё время жил М. Ю. Лермонтов, к памятнику М. Ю. Лермонтову в Александровском саду. Они требуют беречь лермонтовское наследие, они считают это стихотворение лермонтовским и борются за создание музея на бывшей лермонтовской квартире.

Ситуация накалилась настолько, что проведение подобного Круглого стола, стало просто необходимым. Поэтому сегодня мы пригласили в Пя-

тигорск ведущих лермонтоведов, специалистов-филологов. Мы хотим услышать их мнение по обозначенной проблеме. Для нас это тем более интересно, что мы имеем дело с совершенно неординарным текстом, который имеет свою собственную судьбу. Он стал не только нашим, российским, но и мировым наследием. То, что у нас на Круглом столе присутствуют специалисты из двух ведущих университетов Китая, где очень серьёзно занимаются проблемами русской филологии, где издаётся специальный журнал на русском языке, то, что в дискуссиях Круглого стола принимают участие представители из Украины, Канады, доказывает это. Кроме того, интересующее нас восьмистишие переводилось на многие языки народов мира: на французский, английский, итальянский, румынский. Переводилось именно как лермонтовское стихотворение. Это уже свершившийся факт, этого уже никто не сможет изменить.

То, что стихи «*Прощай, немытая Россия*» сегодня сотрясают все слои нашего общества, доказывает интерес к этой теме президента России. Наше видео-вступление заканчивается обращением В.В. Путина к молодым учителям России, в котором он призвал их очень тонко и продуманно говорить о патриотизме М. Ю. Лермонтова, при этом не вырывая текст интересующего нас стихотворения из исторического контекста.

Мы же, организаторы Круглого стола, предоставляем площадку для научных споров в надежде на то, что проблематика, затронутая в дискуссиях, откроет новые горизонты в понимании вопросов литературного наследия. Мы считаем, что издание специального сборника статей по итогам Круглого стола, безусловно, поможет многим разобраться в столь назревшей проблеме.

Риторическое и художественное в лирике М. Ю. Лермонтова

Новаторство и разнообразие лирики Лермонтова диктует различные подходы к её изучению в разные периоды развития отечественного литературоведения. Исследование стиховой речи Лермонтова Пумпянским, мелодики русского стиха Б. Эйхенбаумом, психологического и философского типов лирики Лермонтова, Боратынского, Тютчева, Л. Щемелевой, комплексное рассмотрение творчества в Лермонтовской энциклопедии (1981) создают иллюзию исчерпанности основных проблем творчества, справедливо рассматривающих декламационный, экспрессивно-эмоциональный и «железный» стиль, «стиль новой точности» поздней лирики. Однако ещё в середине прошлого века Пумпянский замечал: *«Переходим к замечаниям о втором, предметно-точном, стиле Лермонтова, – иначе говоря, переходим к вопросам гораздо более трудным, чем те, о которых речь шла выше. В самом деле, что у Лермонтова преобладает стих экспрессивный эмоциональный, ораторский и т.д., науке давно и хорошо известно; пусть эти определения неточны, но неверными их считать нельзя; вопрос нуждается (как и все серьёзные вопросы в науке) в дальнейшем, ещё более точном и глубоком исследовании, но контуры вопроса и решения ясны. Здесь же нам придётся встретиться с вопросом совершенно ещё тёмным»*¹.

Это более глубокое исследование, с нашей точки зрения, это необходимость рассмотрения лирики Лермонтова, (особенно поздней) в свете идей диалогичности Бахтина, с учётом семиотических исследований, касающихся проблем языка художественной литературы, теорий мифа, с точки зрения неориторки, в частности коннотативной семантики, учитывающей риторичность языка и «культурной археологии языка», исследующей формы перформативности в разное время.

Перформативность как способность речи быть эквивалентом невербального действия, сформировались под воздействием идей Дж. Остина², следствием которых становится изучение всё более очевидной историчности и социокультурной обусловленности характе-

¹ Пумпянский Л. В. Стиховая речь Лермонтова. Литературное наследство. т. 41-43. С. 360.

² Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М.: Идея – Пресс. Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13-135.

ра употребления, переживания и осмысления языка в его отношении к внеязыковой реальности, который свойствен той или иной культурной эпохе. А. Карабыков, рассматривая проблему культурно-исторической детерминации образа языка, функционирование перформативности в различные культурно-исторические эпохи, пишет: *«Так, например, используя констативную формулу благословения «Благословен X) Ср. («Благословен человек сей о Бога» Быт. 43:28), говорящий словно дает адресату увидеть в его X-а текущем положении результат благого воздействия свыше. И в то же время он совершает подлинно перформативный акт. Своими словами субъект этого акта как бы озвучивает таинственное и неизреченное действие божественной благодати тем самым делая его более реальным и потому достоверным с точки зрения реципиента. Таким образом, иллокутивная формула репрезентативного благословения может быть представлена в следующем виде «я утверждаю (или в случае меньшей очевидности действия Бога – «я объявляю»), что X благословен». И вместе с тем говоря: «Благословен X!»», я тем самым делаю его благословенным».* Произнесение этой формулы давало земное «продление» благословию, сила которого, как верили в Израиле, ниспосылалась людям свыше. Уверенность в том, что именно всевышний является истинным субъектом перформативов, сохранявшаяся на протяжении всей ветхозаветной истории, поддерживалось авторитетом писания, которое содержит соответствующие воззрения (ср. Числ. 6:27; Сир. 50:20; 4 Цар. 2:24)»¹.

Рассмотрение перформативности лирики Лермонтова – слова как дела – никак не противоречит традиционным подходам к её изучению, т.к. перформативные жанры – благословение, проклятие, молитва и др. широко представлены в его творчестве.

Традиционная для романтизма оппозиция *художественное / риторическое* не достаточна при анализе художественных текстов, поскольку понятие «риторическое» разработано гораздо меньше и постановка проблемы не укладывается в различие между «поэтом» и «пророком».

Лермонтов в стихотворении «Прощай, немытая Россия» прокладывает новые пути развития русской поэзии, опережая Тютчева и Некрасова. Если *«Тютчев – иногда певец иногда оратор, и эти две стихии своеобразно уравновешены в его поэзии придавая ей совершенно специфический характер»*, – считает Б. Эйхенбаум², то Брюсов, например,

¹ Карабыков А. В. Культурно-коммуникативный механизм и формы осуществления перформативности в истории культуры. Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук. Томск. ТГУ. 2014. С. 22-23.

² Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха. // Б. Эйхенбаум. О поэзии. Сов. Писат. ЛО, 1969. С. 396.

замечает: *«Иногда у Тютчева мысль просто изложена в стихотворной форме, и это, бесспорно, самые слабые из его созданий»*, но при этом утверждает, что *«поэзия Тютчева, в лучших своих созданиях жива не метафорами и антитезами, но целостностью замысла и певучестью строфы, как поэзия немецкая»*. Поздняя лирика Лермонтова, представляющая декламативный (ораторский), напевный и говорной стили, также отличается *«певучесть строфы»*, слитностью традиции ораторской и мелодической, в которых, к тому же, просматривается использованием приёмов риторике. В поздних риторически стихах Лермонтова также проявляется *«певучесть строфы»* наряду с использованием приемов риторике, как в стихотворении *«Прощай, немытая Россия»*. Интенциональная функция – обнаружение внутреннего эмоционального мира автора.

В книге 1922 года *«Мелодика русского лирического стиха»* Б.М. Эйхенбаум пишет: *«У Пушкина мы видим спокойные переходы от одних поэтических форм и жанров к другим и, наконец, – от стиха к прозе. Это путь его развития, естественное и органическое расширение его поэтического кругозора, при котором интенсивность сочетается с экстенсивностью. Наоборот у Тютчева, отходящего в сторону от большой дороги русской поэзии и сосредоточенного на определенных стилистических тенденциях, мы видим спокойную интенсивность в границах одной лирики... Совсем иное – у Лермонтова. Он лихорадочно бросается от одних форм и жанров к другим, делая опыты сразу и в лирике, и в поэме, и в драме (в стихах и в прозе), и в повести. И он всегда недоволен, он всегда возвращается к прежним опытам, начиная заново, вставляя старые куски и придумывая новые положения для своих героев (ср. «Исповедь» – «Боярин Орша» – «Мцыри»)*. *На нем тяготеет груз поэтических традиций, он связан прошлым, которое уже окрепло, устоялось. Он напрягает русский язык и русский стих, стараясь придать ему новое обличье, сделать его острым и страстным. Он учится у Шиллера, у Байрона, у Гюго – вводит новые рифмы, новые образы, которые тут же каменеют и давят его самого. Трагичны его усилия разгорячить кровь русской поэзии, вывести её из состояния пушкинского равновесия, – природа сопротивляется ему, и тело превращается в мрамор. Вот почему такой странной кажется его лирика. Стоит ему ослабить эту мраморную напряжённость, язык его становится неуверенным, ритм вялым, стиль как будто чужим. Характерно, что классические, хрестоматийные вещи Лермонтова – «Ангел», «Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Выхожу один я на дорогу...» принадлежат именно к числу этих «ослабленных» сти-*

хотворений... вопрос об отношении его к напевному стилю становится особенно важным»¹.

В классических работах лермонтоведения в аспекте анализа его поэтики неоднократно рассматривалась и мотивный анализ, и соотношение с исторической действительностью – «гражданская экзальтация», и романтическая ирония, иносказание, – традиционные для Лермонтова мотивы и концепты, свойственные его художественной идеологии в целом.

Среди мотивов творчества – мотив странничества и изгнания, роднящий стихотворение со стихами 1831 года «Ужасная судьба отца и сына» (1831) где поэт характеризует его жизнь как «жребий чуждого изгнанника на родине с названьем гражданина».

Затем мотив сопоставления России и Кавказа, свойственный всем периодам творчества. Заметим, что в XIX веке в понятие Кавказа входил не только горный, «незамирный», где шли военные действия, но и Грузия. В письме С. Раевскому, уезжая с Кавказа, Лермонтов пишет «Если бы не бабушка, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли есть поселение веселее Грузии». Исследования И. Андроникова и В. С. Шадури, посвящённые теме «Лермонтов в Грузии» раскрывают многочисленные факты любви поэта к этой стране. Но, несмотря на всю любовь, Кавказ не становится для Лермонтова идеальным местом пребывания на земле, он более трезв в оценках в отличие от Л. Н. Толстого, связывавшего свои представления о реализации утопии с Кавказом («Казаки», «Хаджи-Мурат»). «Характерна в этом смысле встреча Лермонтова со ссыльными декабристами в Ставрополе. Из слов М. А. Назимова, сказанных им П. А. Висковатову в 1880 году, видно, что Лермонтов не сблизился с ними.

Таким образом «за стеной Кавказа» («за хребтом Кавказа») для Лермонтова отнюдь не находится потерянный рай, каким он был для Мцыри. В поэме «Мцыри» – лучшее объяснение в любви к родине, от лирического Я и от лица героя – к Кавказу, идеальной родине. Хотя в стихотворении «Прощай, немытая Россия» находим переплетение субъектного и объектного планов, художественный смысл его отношения к России – мерцает, колеблется. С одной стороны – поэт находит нужным прощаться с ней, как с чем-то близким. С другой – Россия эксплицитно называется Турцией.

Лотман Ю. М. в статье ««Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова» подробно рассматривает оппозицию «дряхлого», сонного Востока, динамичного Запада и на их фоне Севе-

¹ Там же. С. 409-410.

ра – России. Стихотворение «Спеша на север из далека» – обратно по направлению движения к «Прощай...». Первые пять строф в пышном стиле мусульманских молитв, обращенных «к престолу вечному Аллы», сменяют строфы о судьбе оставленных на родине друзей.

Для стихотворения «Прощай...» важен мотив Востока / Запада / России. Смещаются акценты. Если раньше Россия традиционно позиционировалась как Север, то в стихотворении «Прощай...» она сатирически представлена не просто как Восток, а как Турция, т.е. деспотия – страна «пашей» и янычаров – жандармерии в голубых мундирах. Условность описания подчёркивает «быть может» за хребтом Кавказа – т.е. поэт сомневается, что в реальности, на настоящем Востоке – он сможет избежать тотальной неволи / слезки. Это сомнение не случайно. Лермонтов не уточняет, что он понимает в данном случае под Востоком. Он обращается к широкой традиции – к изображению Востока XVIII века французскими просветителями. Наряду с Востоком – синонимом деспотии, означаемой понятием Турция («Сударь, как можно быть турком?» Вольтера, затем высказывание Фр. Шлегеля – «Ни одно правительство не так хорошо, как хотелось бы. Но ни одно правительство не так ужасно, как турецкое»), существовал Восток сказочный, Восток экзотический, перешедший в Восток романтизма. В стихотворении «Прощай...» Лермонтов сохраняет оба его значения, стремясь к полноте мифа.

Э. Кассирер в работе «Технология политического мифа» рассматривая составляющие политического мифа, считал, что в нём всегда «сочетаются отчаяние и неколебимая надежда. Человек ощущает глубокое неверие в себя, в свои личные способности. В то же время он сверх меры верит в могущество коллективных желаний и действий. Волшебник, чародей, колдун обретают силу потому, что действует не как отдельная личность – в нём собрана и сосредоточена мощь всего племени»¹, цит. по Ю. В. Шатину². Лермонтов, осознавая поэтическую функцию как пророческую, сочетает факт своей лирической биографии с картиной общей оценки, говорит правду, идущую в разрез с общим мнением.

Описывая конкретную ситуацию своего изгнания, Лермонтов поднимается до создания политического мифа, используя приемы риторики. В статье «Риторика публицистического дискурса: между правдой и ложью» В. В. Шатин напоминает, что в «само изобретение риторики, на-

¹ Кассирер Э. Технология политического мифа. // Октябрь. 1993. № 7. С. 156.

² Шатин Ю. В. Риторика публицистического дискурса: между правдой и ложью. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Выпуск № 6: Журналистика/ том 11/ 2012. С. 95-98.

чатое Сократом, софистами и Платоном и доведённое до совершенства Аристотелем, было связано с необходимостью эпистемологического статуса самого понятия, занимающего промежуточное положение между софистикой, с одной стороны, и паррезией с другой. О борьбе платоновской Академии с софистами написаны десятки и сотни работ, в то время, как паррезии посвящены две работы: небольшой очерк Ф. Ницше «Горные тропы», читанной в Базельском университете и шесть лекций М. Фуко, произнесённые им незадолго до кончины, в университете Беркли и сохранившиеся в виде магнитофонной записи. Напомним, что под паррезией Платон понимает абсолютное говорение правды во всех ситуациях и в полном объёме. Из контекста рассуждений греческого философа следует, что паррезия оказывается несколько не меньшим злом в сравнении с софистикой. Во всяком случае, паррезиянцы изгоняются Платоном из идеального государства наряду с софистами, поэтами и музыкантами¹.

С точки зрения коннотативной семантики, Лермонтов нигде не эксплуатирует прагматическое измерение семиозиса.

Лермонтов, желая сказать правду, начинает стихотворение «Прощай...» с фигуры ложной генерализации, создания некоего «объективного фона», смысл которой – внушить читателю, что за достаточно частным случаем политической истории кроются глобальные проблемы. Все первые фразы связаны прочной метонимической связью, а третья и четвертая, в свою очередь находятся в отношении смежности. Но между ними лежит зазор, «пустое смысловое пространство», и оно создает для читателя возможность построения самых различных версий, что мы и видим в последнее время в отношении этого текста. Лермонтов также прибегает к использованию таких риторических фигур как энтимемы.

«В отличие от силлогизмов, использующие денотативные измерители языка, энтимемы всегда тяготеют к коннотативному сдвигу. Как часть коннотативной семантики они направлены на подмену знания мнением. Недаром в своем курсе риторики Ницше указывал, что нет «никакого нериторического, «естественного» языка, который можно было бы использовать, как исходную точку: сам по себе язык – это результат риторически трюков и приспособлений. Язык риторичен, ибо он стремится передавать только *doxa* (мнение), а не *episteme* (истину)»². Всякий риторический язык тавтологичен. Если логика и теория аргументации отвергают приём порочного круга в качестве приёма доказательства, то в риторике тавтология каждый раз усиливает эмоциональный накал вы-

¹ Там же, С. 95.

² Де Ман П. Аллегория чтения. Екатеринбург. 1999. С. 129.

сказывания, заражая своей суггестией доверчивого читателя. «Мразь – это мразь, а герой – это герой».

Важный приём, приводящий к агональному эффекту – использование риторических единиц – энтимем, закамуфлированных под силлогизмы. (Различают истинные и ложные силлогизмы которые основываются на нарушении закона достаточного основания. «Все люди смертны. Кай – человек. Кай смертен». Но «Все негры курчавы. Пётр – курчав. Пётр – негр». Энтимема может читаться как силлогизм. Энтимема всегда тяготеет к коннотативному сдвигу на подмену знания – мнением. Лермонтов не обманывает своих читателей называя Россию «немытой», а её правителей – «пашами». Он лишь ставит целью передать своё мнение.

Риторический язык всегда тавтологичен. Тавтология усиливает суггестию.

Категория коннотативности выражается противопоставлением языковых единиц, реализующих функцию сообщения и функцию воздействия, т.е. факты констатируются особыми эмоционально-оценочными оттенками. Такие словосочетания насыщены внутренней формой и только в контексте художественного произведения обретают смысл, выражают сложные образы, выполняют функцию воздействия, обращают на себя внимание читателя и производят стилистический эффект.

Этот эффект действует не прямо, а с помощью коннотации – дополнительного смысла, подтекста, семантической ассоциации. Коннотация является разновидностью, связанной со словом, т.н. прагматической информацией. Эта прагматическая информация отражает не сами предметы и явления действительного мира, а отношение к ним, определенный взгляд на них. Говорящий, использует лексику, имеющую определенную коннотацию. Это отношение и взгляд принадлежат говорящему не как отдельной личности, а как представителю языкового сообщества.

Таким образом, в стихотворении «Прощай, немая Россия» Лермонтов использует риторические приёмы, далекие от прямых ораторских обращений. Для резких, точных политических высказываний он в этом стихотворении отказывается от подражания стиховым приёмам Барбье. «Железный» стих, «облитый горечью и желчью» оказывается соединенным с «певучестью строфы», наряду с использованием приёмов риторики.

В первых двух строчках есть обращение «Прощай» и параллелизм с повторяющимся словом «страна», усиливающим эмоциональный строй, и антитезой её характеристики «рабов / господ». Постоянный для лирики Лермонтова мотив свободы / неволи и бегства, как жизненной позиции.

В стихотворении использована предельно простая лексика, нет метафор, но использован приём тавтологии, который усиливает коннотативную функцию и приводит к усилению агонального эффекта. Несмотря на то, что это стихотворение по терминологии Эйхенбаума нужно отнести к «ослабленным», оно остаётся классическим, предвосхищающим интонации поэзии Некрасова.

Думается, что сегодня настало время шире использовать приёмы дискурсивного анализа, относится к поэту (используя выражение И. Бродского) как к «инструменту языка» и пересмотреть, в свете этого, наше представление о риторике, паррезии, соотношении художественного и риторического начал классической поэзии.

Романтизм, обратившись к идее поэта-пророка актуализирует перформативные формы речи. Лермонтов широко использует их в лирике. Здесь и проклятие («А вы, надменные потомки»), и молитва («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»). Сама идея слова как действия близка ему. В стихотворении «Прощай, немытая Россия» поэт использует слово перформативно. Произнеся последние четыре строчки Лермонтов, используя речевую формулу, надеется «укрыться» (как щитом) поэтическим словом.

Литература:

1. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики языка. В кн. Ю. Д. Апресян. Избранные труды т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. 1995.
2. Барт Ролан. Миф сегодня. В кн. Р. Барт. Избранные работы. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Висковатов П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. Изд. В. Ф. Рихтера. М., 1891. С. 303.
4. Карабыков А. В. Культурно-коммуникативный механизм и формы осуществления перформативности в истории культуры. Автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук. Томск. ТГУ. 2014.
5. Кассирер Э. Технология политического мифа // Октябрь. 1993. № 7.
6. Лотман Ю. М. «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Кн. Для учителя. – М, Просвещение, 1988.
7. Де Ман П. Аллегория чтения. Екатеринбург. 1999.
8. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М.: Идея – Пресс. Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13-135.

9. Пумпянский Л. В. Стиховая речь Лермонтова. Литературное наследство. т. 41-43.
10. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М, 1991.
11. Шатин Ю. В. Риторика публицистического дискурса: между правдой и ложью // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Выпуск № 6: Журналистика/ том 11/ 2012. С. 95-98.
12. Эйхенбаум Б. М. Мелодика русского лирического стиха // Б. Эйхенбаум. О поэзии. Сов. Писат. ЛО, 1969.

Трактовка понятия Родины мыслителями лермонтовской эпохи

- Родина – это то место, где человек родился физически или духовно (Для Лермонтова Родина и Москва, и Кавказ, и Тарханы, и даже Шотландия – родина его предков, то есть это – как раз то истинное чувство всемирности, о котором говорил Мережковский), любовь к ней – это нечто постоянное, неизменное (*«Я Родину люблю и больше многих», «уж стоим мы головою за Родину свою»*).

- Отчизна (по словарю Ушакова устаревшее и риторическое слово). «Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего» – писал Н. В. Гоголь в повести «Тарас Бульба», «Отчизна там, где любят нас» – говорил М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Прощанье») – т.е. слово имеет некий эмоциональный подтекст.

- И страна, держава (кстати ДЕРЖАВА от ст. сл. – дрѣжава – владычество, могущество), т.е. иными словами власть, может быть порочной (*«изгнатьем из страны родной / Хвались повсюду как свободой»*, – писал М. Ю. Лермонтов или его же «О, полно извинять разврат!»).

«Моя родина – там, где есть свобода», – говорил 3-й президент США Томас Джефферсон.

Кстати, интересно посмотреть, как трактовалось понятие Родины мыслителями лермонтовской эпохи. Объясняя особенности своего патриотизма, своих взглядов на высокое предназначение России Чаадаев писал: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной...».

Мережковский обращает внимание на то, что никто из русских и, может быть, даже никто из европейцев не говорил так, как Чаадаев – «Моя Европа». Но, пожалуй, так говорил ещё и М. Ю. Лермонтов: «В горах Шотландии моей...». Достоевский утверждал: «У нас две родины – наша Русь и Европа». Мережковский с ним не согласен: «Нет, не две, а одна. Одна земля – «земля ничья – земля Божья», это чувство всемирности – русское народное чувство по преимуществу». Так что рассуждения о родине у русских мыслителей тоже неоднозначны.

Чаадаев, Владимир Соловьев и Бердяев, Леонтьев и Флоренский,

всю жизнь искали разгадку Сфинкса-России. Всякое прикосновение к Сфинксу, называемому «Россией», – это попытка примериться к самым гибельным её чертам. К её «разбойной красе», к её «осторожной тоске», к её туманной, обманной, запутанной судьбе. Эту мысль впоследствии разовьёт А. Блок: «*Россия – сфинкс. Ликуя и скорбя, И, обливаясь чёрной кровью, Она глядит, глядит в тебя, И с ненавистью, и с любовью*». Тема интересно преломилась в творчестве В. Ф. Ходасевича:

*И вот, Россия, «громкая держава»,
Её сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.*
(стихотворение «Не матерью, но тульской крестьянкой»).

То есть, русская поэзия пытается осмыслить те важные понятия, которые в очень сжатой, краткой форме, буквально как квинтэссенция заключены в интересующем нас восьмистишье.

«Прекрасная вещь – любовь к родине, но есть ещё нечто более прекрасное – любовь к истине. Не через родину, а через истину ведёт путь на небо», – писал Мережковский. Вспомним, что он говорит о философическом письме Чаадаева: отрицание Чаадаева – услышанная всеми «отходная» России; а вот утверждение, воскрешающий зов, остался никем не услышанный: «Пока из наших уст, помимо нашей воли, не вырвется признание во всех ошибках наших прошлого; пока из наших недр не исторгнется крик боли и раскаяния, отзвук которого наполнит мир, мы не увидим спасения». Не проклятие и гибель России, а покаяние и спасение – таков настоящий смысл «Письма» и всех вообще писаний Чаадаева.

Для 30-х – 40-х годов XIX века такие чувства были характерным явлением. Это было время, когда отечество можно было презирать и любить одновременно. О людях той эпохи пронизательно писал Герцен: «Русская жизнь их оскорбляла на каждом шагу, и между тем с какой святой непоследовательностью они любили Россию, и как безумно надеялись на ее будущее...». Официальный патриотизм был провозглашен в знаменитой фразе шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа: «*Прошлое России было блестяще, её настоящее более чем великолепно, а что касается её будущего, оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение*». Подобные заявления князь Пётр Андреевич Вяземский метко окрестил «квасным патриотизмом», а Чаадаев не менее метко определил эту формулу жандармской любви к отечеству как «разнузданный патриотизм». Ибо то, что казалось восхитительным

с точки зрения шефа жандармов, многим его соотечественникам внушало ужас и отвращение. Возвращаясь к «Философическому письму» Чаадаева видим следующие строки: *«Мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода... Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода... Мы живём одним настоящим в самых тесных его пределах... Мы так странно движемся во времени, что с каждым шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно...»*. Страшно сопоставлять казённые восторги Бенкендорфа с глухим отчаянием Чаадаева.

В это же время М. Ю. Лермонтов почти одновременно пишет два стихотворения «Прощай, немая Россия...» и «Родина». В них он не просто дает выход всей накопившейся обиде и глубокой ненависти к политическому строю, основанному на духовном рабстве, но и осмысливает само чувство Родины в том неповторимом и особенном виде, в каком оно сложилось у ряда мыслящих людей эпохи. Он психологически и философски его осмысливает как одно из важнейших явлений русской культуры.

«Родина» (1841) – одно из самых интересных по композиции и противоречивости передаваемого чувства стихотворений. Оно построено так, что должно с первой до последней строки шокировать читателя. В первой же строке поэт заявляет: да, я люблю отчизну, но... это странная любовь! И далее – *«не победит её рассудок мой»*. Любовь лирического героя к родине оценивается им самим как любовь «рассудку вопреки». Но почему рассудок должен победить такое естественное человеческое чувство как любовь к Отечеству?! Значит, есть что-то в России, за что не стоит её любить? Последующее перечисление общепризнанных достоинств России исполнено сыновних чувств: тут и дорого – кровью! – купленная слава, и *«полный гордого доверия»* покой, оплаченный сознанием государственного могущества, и богатство народной истории – и тем не менее оказывается, что ко всему этому поэт остается холоден.

У читателя растёт недоумение: что же дорого Лермонтову? По сути, всё стихотворение построено на антитезе, на противопоставлении «казенного патриотизма» и естественного человеческого чувства, которое по природе своей иррационально: признание «за что, не знаю сам» оставляет оттенок тайны в лермонтовском чувстве к Родине, как и во всякой подлинной любви. Поэт противопоставляет «рассудочной» любви к родине своё отношение – действительно «странное» и даже непозволительное с точки зрения общепринятой морали. Вторую часть

«Родины» открывает постепенно сужающаяся «панорама» российского пейзажа, с постепенным укрупнением деталей. «Холодное молчанье» степей, колыханье «безбрежных лесов», неоглядные разливы рек – все это скрывает некую загадку, обещание великого будущего; просёлочный же путь в ночной тьме, дрожащие огни деревень говорят о печали настоящего. Довольно резкая смена размера (шестистопный ямб сменяется четырехстопным) привлекает внимание к тем реалиям русской жизни, которые вызывают у лирического героя «многим незнакомую» отраду: все эти детали связаны с людьми, живущими на российских просторах, с теми, для кого жизненно важно «полное гумно», кто живёт в домах с «резными ставнями», а в праздник пляшет с «топаньем и свистом».

Таким образом, любовь к Родине оказывается для Лермонтова главным образом любви к своему народу. Именно к русскому, с его загадочной широтой души и силой духа... В стихотворении же «Прощай, немытая Россия» поэт задумывается о чистоте души этого народа, прежде всего о чистоте от рабства, для того, чтобы ему двигаться дальше во времени.

Литература:

1. Колупанова Т. Ю. Лексико-семантические особенности репрезентации концепта Россия в поэзии М. Ю. Лермонтова // «Мир русского слова» № 1. СПб.: Изд-во: «Общество преподавателей русского языка и литературы», 2015. С. 57-61.
2. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 томах. М: «Художественная литература», 1993.
3. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
4. Соснина Е. Л. Роль имманентного анализа художественного текста и литературное осмысление драматизма истории имперской России // Русский язык и межкультурная коммуникация, № 1 (15). – Пятигорск: ПГУ, 2017. С. 175-184.
5. Соснина Е. Л. «Прощай, немытая Россия» – стихи на смерть общественного быта (патриотизм правды и литературное осмысление драматизма истории имперской России). Пятигорск: ПГУ, 2017. – 110 с.
6. Соснина Е. Л. М. Ю. Лермонтов. Стихи на смерть общественного быта // «Кавказ». Открытый литературно-художественный альманах. Вып. № 21. – Эссентуки: «Творческая мастерская БЛП», 2017. С. 8-40.

Опыт перевода стихотворения М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия!» на английский язык

Поставив перед собой задачу перевести на английский язык известное стихотворение любимого поэта, я сразу определил для себя, что не буду искать имеющиеся тексты перевода. Рассуждал так: «А вдруг они мне понравятся? И что тогда?» Ведь придётся расстаться с интересной затеей. А этого мне очень не хотелось! Правда, я и не знал, имеются ли переводы этого стихотворения, выполненные известными поэтами или переводчиками.

Процесс перевода на английский язык образов и идей, созданных и воплощённых М. Ю. Лермонтовым, оказался и интересным, и трудным одновременно.

«Прощай, немытая Россия, ...». Уже первая строка, из-за которой некоторые исследователи стали утверждать, что М. Лермонтов не мог так сказать о своей Родине, – а значит, и авторство – не его! – ставит переводчика в затруднение: «Farewell, unwashed Russia...». Перевод дословный, но вы сразу понимаете, что: а) к этой строке вы точно не сможете подобрать рифму, и б) она просто лишена какой-либо поэтики. Далее. «Farewell», в отличие от «Good-bye», не оставляет никакой надежды на возвращение. Я решил оставить Михаилу Юрьевичу шанс вернуться. Поэтому я попробовал перевести так: «*Good-bye, my miserable land*» («До свидания, моя несчастная страна»). Слово *land* может переводиться как «земля», «суша», «местность», «страна». В английской поэтической традиции оно часто используется как «родина». В этом значении оно обычно сочетается с определением *native* («родная») – *native land*, но может использоваться и без определения. А вот определение *miserable* («несчастный», «жалкий»), я полагаю, можно рассматривать как достойную замену слишком резкого, почти нелитературного определения *unwashed* («немытая»).

«Страна рабов, страна госнод...». Дословно: «*A country of slaves, a country of gentlemen*». Мне более благозвучным и более поэтичным представляется такой перевод: «*The land of slaves and lords*». Классический Оксфордский словарь английского языка даёт, в отличие от русской традиции понимания слова *lord* как «лорд», «пэр», «член парламента», очень много переводов. Это и «человек во власти», и «дворянин», и «аристократ», и просто «начальник».

«И вы, мундиры голубые...». Подстрочник предлагает: «*And you, blue Uniforms*». Точно, дословно. Но как же это встроить в мелодику поэтической строки?! Под голубыми мундирами поэт, думается, подразумевал офицеров корпуса жандармов. Если он не стал конкретизировать образ своих соглядатаев, почему бы и переводчику не воспользоваться этим же метонимическим приёмом. Итак, перевожу: «*I'll never see the men in blue*» («Я никогда не увижу мужчин в голубом»). Мой строгий критик сейчас упрекнёт меня в том, что я необоснованно усложнил текст синтаксически. Ввёл новое предложение с подлежащим и сказуемым, вместо авторского словосочетания в позиции развёрнутого дополнения. Каюсь, грешен. Но ведь поэт, направляясь на Кавказ, знал, что будет участвовать в реальных военных действиях. Он надеялся, – и не без основания! – что там он не встретит жандармов, не очень стремившихся лезть под пули.

«И ты, им преданный народ». Главная сложность перевода этой строки состоит в том, как понимать слово «преданный». Можно понять, что безгласный, покорный народ России предан царю, жандармам, верен им и не готов к протесту. Тогда по значению подходят английские прилагательные «*faithful*» и «*reliable*» («надёжный»). Но ведь «преданный» можно понять и как «переданный». Царь передал *свой* народ в ведение жандармов для осуществления контроля за потенциальными бунтовщиками, заговорщиками. Поскольку ко времени написания стихотворения в истории России уже была жестокая расправа над декабристами, я склонен понимать прилагательное преданный именно во втором значении. Поэтому перевожу так: «*And men in shackles and cords*». Как продолжение предыдущей строки: («Я никогда не увижу мужчин в голубом»), имеем: «...И мужчин в кандалах и верёвках», т.е. заключённых, пострадавших за свои убеждения.

«*Быть может, за стеной Кавказа...*». Дословный подстрочный перевод: – «*Perhaps, behind the wall of the Caucasus*» – естественно, абсолютно неприемлем. Разное количество и слов, и слогов. Уложить трёхсложное английское слово Caucasus вместо русского слова Кавказ невозможно в силу того, что нельзя будет далее войти в выстроенный в первом четверостишии ритмический ряд. Используемое автором словосочетание «стена Кавказа» можно понимать и переводить по-разному. В прямом значении – это Кавказский хребет как географическое понятие¹. В переносном смысле – это нечто непреодолимое или трудно-

¹ Нет такого географического понятия: Кавказский хребет. Географически Кавказ состоит из многочисленных хребтов и отрогов. Основные из них: Боковой, Передовой, Скалистый, Пастбищный, Лесистый, Главный, или Водораздельный и прочие хребты. – Прим. редактора.

преодолимое. Решаю идти от первого смысла: хребет, горы, вершины, горные потоки. То есть от всей той красоты, за которую мы и любим наш Кавказ. Получилась строка: «*Behind Caucasian peaks and streams*» – «За Кавказскими горными вершинами и потоками». Замена существительного *Кавказ* прилагательным Кавказские, полагаю, вполне допустима. Но некоторые исследователи считают, что Кавказская стена как фортификационное сооружение существовала в реальности. Тогда возможен и такой перевод этой строчки: «*Perhaps, behind Caucasian wall*» – «Возможно, за Кавказской стеной», т.е. получаем почти дословный перевод Лермонтовкой строки.

«*Сокроюсь от твоих пашей...*». Дословно: «*I'll hide myself from your Pashas*». Меня (а может, не одного меня?..) удивило использование поэтом слова «паша». Чтобы подтвердить свои сомнения, обратился к толковому словарю русского языка под редакцией С.И. Ожегова. И прочитал в нём то, что и ожидал: «Паша – титул высших сановников и генералов в старой Турции и Египте». И более – никаких толкований. Возможно, Лермонтов, употребляя не совсем подходящее в данном контексте слово, таким образом иронизировал над следившими за ним в столице жандармскими чиновниками всех рангов, от неусыпного призора которых он стремился укрыться?

Как бы то ни было, дословный перевод меня никак не устраивал. И вот тут я стал рассуждать. Есть основания считать, что стихотворение было написано Лермонтовым в 1841 году. Известно, что поручик ехал в кавказскую ссылку по предписанию шефа жандармов Бенкендорфа. Возникла интересная и парадоксальная ситуация. С одной стороны, поэт вынужден подчиниться приказу, и это его, человека свободного и независимого духа, может, даже возмущает. С другой стороны, он понимает, что, отправившись на театр военных действий, он на время... обретёт желанную свободу! Так у меня возникла строка, которая выражала стремление поэта к личной свободе и в которой... не было пашей: «*I'll hide my proud mind*» – «Я спрячу (*сокрою*) свой гордый дух».

«От их всевидящего глаза». Неумолимый дословный переводчик предлагает использовать глагол *over-see* («присматривать за кем-то, чем-то», «контролировать»), преобразованный в причастие *over-seeing* в сочетании со словом *all* («весь», «вся», «всё», «все») в препозиции. Русское слово «всевидящий» – не самое простое и не слишком частотное в нашей речи. Его английский аналог – *all-overseeing* – труднопроизносим и поэтому, как мне кажется, противопоказан к использованию в поэзии. Нужно было искать новый подход к передаче авторского смысла. И я, каюсь, снова решил идти крамольным путём. Рассуждал так: поэт

хочет скрыться от ненавистных ему людей. Для него важно такое душевное состояние, при котором никто не будет пытаться залезть к нему в душу, покопаться в его мыслях и устремлениях. И в этот момент я понял, что в английском переводе третьей строки, – а позже и четвёртой, – мне снова придётся (как и в первом четверостишии) ... изменить авторский синтаксис. Получились такие завершающие строки:

*«And none will touch my thoughts at all,
And none will hear my sigh»*

*(«И совсем никто не прикоснётся к моим мыслям
И никто не услышит моего вздоха»)*

Уже завершив перевод всего стихотворения, я решил вернуться к начальной его строке. То, что я заменил столь возмущавшее критиков поэта слово «немытая» в применении к России на менее жёсткое английское *miserable* («несчастливая», «жалкая»), возможно, несколько успокоило бы дружный хор непримиримых ура-патриотов. Но я был вынужден убрать из текста и название любимой мной, – и, безусловно, Михаилом Юрьевичем Лермонтовым! – Родины. Я решил попробовать изменить перевод первой строки. Получилось так:

*«Oh, Russia, farewell to you...»
(«О, Россия, прощаюсь с тобой...», «О, Россия, прощай!»)*

Теперь в английской строке было не только слово, выражающее расставание без возможности на возвращение – *farewell*, но и звучало название страны. Однако неумолимые законы стихосложения требовали в самом начале строки (и всего стихотворения!) поставить это совсем лишнее *Oh*, которое, кстати, по-английски звучит как дифтонг – (ou). И я решил сохранить первый вариант перевода строки.

Позже я получил возможность прочитать перевод этого стихотворения на французский язык, выполненный Мариной Цветаевой. Представьте моё удивление, когда я обнаружил, что у неё ... тоже нет упоминания слова «Россия» в первой строке первого четверостишия! Более того, вместо слова «Кавказ» в начале второго четверостишия мы видим *monts de glace* – «горы льда», «ледяные горы». Получается, замечательная поэтесса испытывала при переводе лермонтовских строк примерно *те же трудности*, что и я?..

Я и раньше понимал, как сильно рискует переводчик стихов. Осо-

бенно, если он решает переводить стихи великого поэта. Ведь приходится становиться, в какой-то степени, ... соавтором! И в этом – огромная ответственность. Впрочем, читателю всегда дано право решать, удачный получился перевод или нет.

Вот окончательный текст моего перевода этого небольшого стихотворения гения русской словесности, которое уже более столетия не может примирить людей, верящих в авторство Лермонтова, с теми людьми, которые считают, что поэт не мог такого написать:

*Good-bye, my miserable Land,
The land of slaves and lords,
I'll never see the men in blue
And men in shackles and cords.*

*Perhaps, behind Caucasian wall
I'll hide my proud mind,
And none will touch my thoughts at all,
And none will hear my sigh.*

Вместо послесловия:

Я знаю это стихотворение со школьных лет как стихотворение моего любимого поэта. Честно признаюсь, о существовании разных мнений по поводу авторства данного произведения я узнал совсем недавно. И был премного удивлён. Между тем, в далёком 1990-м году (27 лет назад!) это стихотворение, а именно, идеи, в нём заложенные, помогли мне написать проблемную статью: «Так ли воспитывать патриотов?», которая была опубликована в нашей краевой газете «Ставропольская правда» (№№ 125-126 от 2 июня 1990 г.). Статью я решил написать после открытого партийного собрания, прошедшего в моей родной ессентукской средней школе № 8, на котором обсуждался вопрос военно-патриотического воспитания школьников. Предлагаю вашему вниманию отрывок из той статьи:

«... Один из выступающих высказал мысль, которую можно свести к следующему: нам всем пора прекратить критиковать негативные явления в нашем обществе и, в частности, в армии, так как это играет на руку нашим врагам за рубежом...

Не могу согласиться с этой точкой зрения. Как же тогда быть со строками М. Ю. Лермонтова:

*«Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ?»*

Вряд ли у кого-нибудь из нас поднимется рука бросить камень в поэта, столь «непатриотично» говорящего о своей Отчизне, хотя бы потому, что в этих строках больше любви к Родине, чем в иных клятвенных заверениях в верности Отчизне, которые приходится слышать от ура-патриотов. Человек, истинно любящий свою Родину, и должен быть самым горячим критиком всего плохого, что в ней есть. Однако с этой точкой зрения согласны далеко не все. Вот я и хочу предложить своим землякам порассуждать о патриотизме, о том, что мы вкладываем в это понятие...».

Немалых трудов мне стоило найти ту свою публикацию. Я перечитал всю статью и с удивлением обнаружил, что с некоторыми собственными идеями я, в условиях сегодняшней действительности, уже и не соглашусь. Но если говорить о представленном вам отрывке, то в нём я и сейчас готов подписаться под каждым словом.

Тем исследователям, которые упорно не верят в лермонтовское авторство обсуждаемого стихотворения, я как человек, верящий в его авторство, приведу, может, неожиданный аргумент. Вот фраза, принадлежащая великому русскому литературному критику – и современнику М. Ю. Лермонтова – В. Г. Белинскому. Это из его знаменитого письма Н. В. Гоголю: «Вы не заметили, что Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности? Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного...». Не кажется ли вам, что М. Ю. Лермонтов своим стихотворением не столько прощается с Россией и её пассивным, долготерпеливым народом, сколько зовёт этот народ к пробуждению утерянного в нём человеческого достоинства? Это ли не абсолютно правильная позиция настоящего патриота?

Дорогой Михаил Юрьевич! Спасибо вам за то, что Вы объяснили мне, как нужно любить Родину, а также то, кого и что в ней нужно ненавидеть. И ещё. Знаете ли Вы, дорогой наш двадцатилетний поручик, что Вы не только *остались в нашем сердце навсегда*, но и через 176 лет после своего ухода вызываете своим творчеством столь бурные споры?..

«Тебе, Кавказ, суровый царь земли...»

«...Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, то, зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа...». – Из письма Ислама Крымшамхалова в редакцию журнала «Мусульманин», 1910 г., № 2.

*«Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ!»*

Куда ярче можно выразить любовь к России: «Как сладкую песню отчизны моей...».

Да, Любил Михаил Юрьевич Россию!
Тогда как же быть с немойтой Россией?

Это крик души за свою беспомощность сделать её возвышенной до уровня «цивилизованной» Европы или «дикого» Кавказа.

Искусство строится на сравнениях и контрастах: день – ночь, белое – чёрное, добро – зло и т.д.

Рабский труд детей в имперской России – аталычество и трудовое воспитание на Кавказе.

В XIX веке в России на женщинах пахали, они таскали баржи бурлаками, кормили грудью щенков барских псов...

На Кавказе не полагалось женщине косить сено, колоть дрова. Всадник, при встрече с женщиной, пешился и держал коня за узду... Если молодой барчук догонял крестьянина-аксакала, то обязательно сходил со скакуна и предлагал ему свою лошадь.

В царской России крестьяне продавались гораздо дешевле домашних животных.

Да что же я повторяюсь? Обо всём этом давным-давно рассказал сам Михаил Лермонтов, любивший Кавказ как сладкую песню отчизны своей, как и Пушкин:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

P.S.

А нам Александр Сергеевич рекомендовал: Смирись, Кавказ: идёт Ермолов! Хотелось бы спросить у гения: «Смирись, Поэт, идёт Дантес?». Но «изверги» кавказцы не спросили, а простили:

*И Пушкин был когда-то молод,
До вознесения до небес...*

Возможно я немножко перехвалил Кавказ? А как же иначе? Я же кавказец.

P.P.S.

Сегодня «Немытую Россию» ох как любо-дорого смаковать немытым оппонентам Великой России!

С какой же Россией прощался Лермонтов?

Версия.

Известно с какой – с «немытой»! Однако «немытая» «страна рабов, страна господ» оскорбляет слух «патриотов»¹. Они оспаривают принадлежность этих стихов Лермонтову и даже требуют исключить их из школьных программ, вспоминая те благословенные для «патриотов» 30-е годы, когда Сталин набирал силу, и эти стихи исчезли оттуда вместе со всеми «русофобскими творениями». Выражения и приёмы дискуссии этими «патриотами» заимствованы из тех же времен борьбы со шпионами и врагами народа.

Адекватный ответ «патриотам» дан в статье журналиста Новой Газеты Т.И. Лихановой². Но вот, – пишет Лиханова, – сомневаются в авторстве Лермонтова известные литературоведы М. Д. Эльзон³, приписывающий авторство издателю журнала «Русский архив» Бартеневу П. И., и директор Пушкинского Дома (1987-2005) Н. Н. Скатов⁴.

Убедительные возражения против авторства Бартенева приведены в статье известнейшего лермонтоведа О. В. Миллер⁵. Филолог Н. В. Сапрыгина также опровергает авторство Бартенева и на основе анализа стихосложения доказывает авторство Лермонтова⁶.

В статье «Пародируя поэта», помещённой в подборке с характерным названием «“Прощай, немытая Россия” – идеологическая диверсия»⁷, А. Кутырева, ссылаясь на мнение Скатова, пишет: «Давайте спросим себя, что у нас здесь вызывает в первую очередь недоумение, и что не

¹ Сокуров С. Прощай, «немытая Россия». Кто же автор? krugozormagazine.com/show/rusia.1274.html; Краснов П. «Прощай, немытая Россия»: Лермонтов этого не писал // Культура, 2014, 3 февраля; Ключёнов Г. Об одной очень старой мистификации // Литературная Россия. 1994. № 7.

² Лиханова Т. Каждому Лермонтову – свой Госдеп. Новая Газета. 2014. novayagazeta.spb.ru

³ Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия...» // Звезда. 2004. № 2.

⁴ Скатов Н. Всеведение поэта // Литературная газета. 2004. № 38-39. С. 8.

⁵ Миллер О. В. Кто прощался с немытой Россией, уезжая на Кавказ? // Рус. Литература. М., 2005, № 3. С. 216-20.

⁶ Сапрыгина Н. В. И всё-таки Лермонтов! // Докска. Зб. Науковихпрац з філософії та філології. Вип. 10. Стратегія інтерпретації тексту: методи міжлітзастосування. Одеса, ОНУ, 2006. С. 264-272.

⁷ Кутырёва А. А. Кто был автором стихотворения «Прощай, немытая Россия»? – Лермонтов. Тайны жизни и творчества; под ред. Д. А. Алексева. М., 2014.

согласуется со всеми остальными строчками. Спросим и признаемся: первая строка – «немытая Россия». Воспитанный в дворянской среде, пансионе Московского университета, вращавшийся в высших аристократических кругах, Лермонтов вряд ли мог писать и говорить «немытая» по отношению к Родине, которой он только что посвятил поразительной силы строки любви. Вполне можно предположить, что он не употреблял это слово и в обиходной среде». Эти доводы не лишены здравого смысла, их трудно опровергнуть¹, это не штампы из лексики оголтелых «патриотов».

Отметим, что слово «немытый» всё-таки дважды встречается у Лермонтова:

1 – в поэме «Казначейша»: *«толпа мальчишек городских, немытых, шумных и босых...»*.

2 – в поэме «Монго»: *«...ходил немытый целый день...»*.

В обоих случаях это слово употреблено в буквальном, «санитарно-гигиеническом» смысле², и это, пожалуй, не повод распространять немытость на всю Россию.

С другой стороны, подспудное недоумение от строки «немытая Россия» можно почувствовать и у сторонников авторства Лермонтова. Они предлагают это «оскорбительно-дерзкое» выражение «понимать метафорически» и как «афористическое выражение бедственного состояния родины»³. Объяснение не очень убедительно, т.к. Лермонтов всегда находил слова, выражающие его мысли наиболее точно, ярко и конкретно. Филолог Г. Подольская замечает: «Оппоненты не без определенных оснований оспаривают авторство Лермонтова»⁴. О. В. Миллер пишет: «Такой авторитетный литературовед, как Г. П. Макогоненко, счёл, что “Прощай, немытая Россия” по своему пафосу не могло быть написано в одном году с “Родиной” и отнёс его к 1840 году»⁵.

¹ Оспорить эти доводы можно довольно легко, основываясь на профессиональном знании русской литературы, рассматривая развития образа социальной «немытости», обратившись к творчеству Д. Д. Ахшарумова, И. С. Тургенева, К. К. Случевского, К. Д. Бальмонта и др. – Прим. редактора.

² Трудно согласиться с тем, что в поэме «Монго» («Мунго») слово «немытый» употреблено в буквальном, «санитарно-гигиеническом» смысле. Исследователями отмечалось (Очман А. В.), что «немытость» родственника и друга поэта – бытовая черта человека, не слишком заботящегося о соблюдении норм и правил общепринятого поведения и этикета: «...И не тянул ноги он в пятку, / Как должен каждый патриот». – прим. редактора.

³ Динесман Т. Г. «Прощай, немытая Россия», стих. Лермонтова (1841) // ЛЭ. М.: «Советская энциклопедия», 1981. С. 452.

⁴ Подольская Г. Патриотизм опьянён, писал он, ненависти полн»: о статье В. Хатюшина «Давно разоблачённая фальшивка». galinapodolsky.com.

⁵ Миллер О. В. Кто прощался с немойтой Россией, уезжая на Кавказ? // Рус. Литература. М., 2005, № 3. С. 216-20.

При обдумывании доводов участников полемики возникает ощущение неуместности в стихотворении слова «немытая». Действительно, прочтите стихи без него – перед вами предстает образ николаевской России. Что добавляет к этой картине слово «немытая»? Только брезгливое немотивированное оскорбление. Во всяком случае, отталкиваясь от него, трудно вообразить бедственное положение народа, его отсталость и произвол чиновников.

У противников авторства (да и у некоторых сторонников) Лермонтова вызывает недоумение одна строка, даже одно слово «немытая», а подвергают сомнению авторство всего стихотворения. Но ведь возможно, что только это слово не принадлежит Лермонтову, и вместо вопроса «кто мог написать такие стихи?» следует спросить «какое слово мог написать Лермонтов?». Непростая история опубликования этого стихотворения допускает возможность непредвзятой замены исходного слова близким по написанию словом «немотная».

Мы предполагаем, что исходным словом было **немотная**, т.е. Россия, страдающая тяжелым недугом – немотой, и стихи у Лермонтова выглядели так:

*Прощай, немотная Россия!
Страна рабов страна господ
И вы, мундиры голубые
И ты, послушный им народ.
Быть может за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышающих ушей.*

Анализируя это стихотворение, можно видеть, что слово «немотная», в отличие от «немытая», согласуется со всеми остальными строками по смыслу и стилистике. Слово «немотная» подчёркивает характернейший признак рабства. Немота – фундамент рабства. Назначение голубых мундиров – поддерживать состояние немоты общества, а отнюдь не следить за мытостью народа. Рабом можно быть, ежедневно принимая ванну. С другой стороны, покорный (или в других вариантах – послушный, преданный) народ – это свидетельство и результат немоты общества. **Вездесущие глаза и уши – необходимые инструменты для контроля за немотой общества.**

Всего два слова «немотная Россия» и это уже образ по-лермонтовски точный, чувственно и информационно насыщенный, понятный даже без последующих семи строк. Остальные строки – это детализация

образа «немотная Россия», они связаны только с немотой и ни с чем иным (ни с какой-то непонятной немьтостью).

Воспитанный в дворянской среде Лермонтов вполне мог написать «немотная». Более того, слово «немой» встречается в его произведениях 86 раз (при том, что Лермонтов, известный как «певец свободы», употребил слово «свобода» 83 раза¹): Вот несколько примеров:

*«Ужель мы только будем петь **Иль с безнадежием немым**
На стыд отечества глядеть, Друзья мои?», – спросил Вадим.*

*душа моя в немом страданьи
в немом благоговеньи*

*толпа вздыхателей немых
в безумье мрачном и немом*

*и в изумлении немом толпа раздвинулась
как та земля и мрачный и немой*

*среди ветров онемевших
немой восторг*

*с почтением немым
немая речь любви*

*немым встревожена желаньем
и т.д.*

Вряд ли можно назвать другого поэта, так часто употребляющего слово «немой», настолько часто, что это можно считать одной из черт своеобразной лексики Лермонтова.

«Немотная Россия» вполне согласуется со стихотворением «Родина» и не требует изменения его датировки, предлагаемого Г. П. Макогоненко. Немотность России поэт испытал на себе, будучи отправленным в ссылку за стихи на смерть Пушкина.

Т. Г. Динесман приводит записанные Ю. Ф. Самариним (апр. 1841) слова Лермонтова: «Хуже всего не то, что некоторые люди страдают,

¹ Алфавитно-частотный словарь // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуро В. Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. – М.: Сов. Энцикл., 1981. – 746 с.: ил. А

а то, что огромное большинство страдает, не сознавая этого»¹. Это ли не симптом немоты от непонимания своего рабства?

О. В. Миллер пишет: «Посетив Россию в 1839 году, французский путешественник А де Кюстин писал: «Я видел в России людей, краснеющих при мысли о гнёте сурового режима, под которым они принуждены жить, не смея жаловаться. Эти люди чувствуют себя свободными только перед лицом неприятеля, они едут на войну в глубине Кавказа, чтобы отдохнуть от ига, тяготеющего на их родине». – Удивительно, – отмечает О. В. Миллер, – насколько эти строки созвучны стихотворению Лермонтова»². Но, заметим, это же описание немоты от страха. Добавим, что в этой же книге³ де Кюстин замечает: «Россия – нация немых» и пишет о «немоте вельмож».

Немоту, как характернейшую черту российского общества, отмечают и другие великие поэты России. «Народ безмолвствует» – писал Пушкин о событиях, происходивших в России за 200 с лишним лет до Лермонтова. Спустя более 100 лет после гибели поэта Анна Ахматова пишет, что российский народ живет на родной земле «хворая, бедствуя, *немотствуя* на ней» («Родная земля»).

«Немотная Россия» – это диагноз, поставленный поэтом-патриотом, желающим своей стране совершенствования; диагноз, необходимый для понимания недуга и путей его излечения.

А вот беспредметное оскорбление «немытая Россия» несовместимо с творчеством Лермонтова⁴. Хотя партия учила нас, что Лермонтов – борец с самодержавием, он нигде прежде не высказывался осуждающе о России и о престоле, скорее наоборот:

*Вам солнца божьего не видно
за солнцем русского царя!*

*Так нераздельны в деле славы
Народ и царь его всегда.*

¹ Динесман Т. Г. «Прощай, немытая Россия», стих. Лермонтова (1841) // ЛЭ. М.: «Советская энциклопедия», 1981. С. 452.

² Миллер О. В. Кто прощался с немой Россией, уезжая на Кавказ? // Рус. Литература. М., 2005, № 3. С. 216-20.

³ Кюстин А. де. «Россия в 1839 году» с комментариями к книге / Перевод с французского О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. – СПб.: Крига, 2008.

⁴ Безусловно, субъективная позиция автора статьи, т.к. понятие необходимости социального очищения не может быть рассмотрено как оскорбление, а глагол «мыть» – «смыть» используется поэтом в его творчестве (См., напр., «Смерть поэта»: «*И вы не смоте всей вашей чёрной кровью...*»). – Прим. редактора.

Лермонтов обличал не столько трон, сколько «жадную толпу, стоящую у трона», не столько государство, сколько общество:

*... мы вянем без борьбы.
Перед опасностью позорно малодушны.
И перед властью – презренные рабы.*

Он считал, что монархия может дать свободу народу:

*Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел –
Ты полагал
Народ унизить под ярмом.
Но ты французов не узнал!*

И небезосновательно – такие монархии как Соединенное Королевство или Королевство Нидерландов существуют до сих пор, и свободы в них побольше, чем во многих республиках.

Разве совместимы со словами «немытая Россия» строки:

*я родину люблю, и больше многих
люблю отчизну я, но странную любовью!
Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын, как русский, – сильно пла-
менно и нежно!
прекрасны вы, поля земли родной, ещё прекрасней ваши непогоды*

И наконец, Лермонтов – гений поэтических образов, его фразы красивы изящны и смыслово точны:

*сквозь туман кремнистый путь блестит
белеет парус одинокий*

Это – образы, сотворенные поэтом и художником! И разве могло ему изменить эстетическое чувство настолько, чтобы написать «немытая Россия»?

* * *

Первое свидетельство об этих стихах появилось в 1873 г. М. Д. Эльзон пишет: «П. И. Бартенев в это время переписывался с П. А. Ефремовым как издателем “Сочинений” Лермонтова. Его письмо с сообщением о повести и с текстом стихотворения “Прощай, немытая Россия” по-

явилось у адресата едва ли не одновременно с выходом первого тома (1873)»¹. Здесь же М. Д. Эльзон приводит впервые полный текст письма. В нём П. И. Бартенев пишет: «С рукописью Лермонтова произошла оказия: прежде, чем <была> кончена копия, её потребовала назад доставительница г<оспожа> Столыпина и обещалась списаться с Шанги-реями» – и далее текст стихов. Неожиданный отзыв рукописей был вызван, вероятно, опасными стихами, услышанными впервые при снятии копии. Отзыв означал фактически запрет копирования. Таким образом, г-жа Столыпина не дала возможности Бартеневу снять полноценную копию, но дала надежду на возможность получения материалов в будущем. И действительно, «Юношеская повесть», упомянутая в письме Бартенева, была опубликована уже в октябре 1873 г. в «Вестнике Европы». А вот автограф стихов нигде не появился.

Получается, что П. И. Бартенев видел автограф только один раз, во время прерванного копирования. Учitando, что почерк Лермонтова не назовёшь каллиграфическим, очень возможно в условиях оказии прочитав «немытая» вместо необходимого «немотная». Слово «немытая» *оказалось* в тексте в результате *оказии*, случившейся с уважаемым П. И. Бартеневым, и потому стало предметом нападков патриотов и поиска ими других авторов. А сторонникам авторства Лермонтова сложно объяснить употребление поэтом этого слова и его смысл в тексте.

Кстати, в процитированном письме Бартенева, для изучения которого было достаточно времени и средств, есть пометка «нрзб.», т.е. разобрать рукопись могло быть делом непростым. Вскоре Бартенев пишет письмо Н. В. Путьте с текстом стихов о немытой России, но неидентичным первому варианту, видимо потому, что не имел копии и воспроизводил текст по памяти. Письмо не датировано, но писалось не позднее 1877 г. – года смерти Н. В. Путьты². В печати стихи появились значительно позднее, когда надежды на получение автографа от родственников поэта не оправдались. Стихи были опубликованы впервые П. А. Висковатовым в журнале «Русская старина» № 12 за 1887 г. Затем – им же, в первом томе «Сочинений Лермонтова» в 1889 г. и П. И. Бартеневым в журнале «Русский архив», № 11 за 1890 г. с рядом разночтений, которые можно объяснить попытками П. И. Бартенева (как единственного источника текста) как можно точнее вспомнить только однажды виденный текст. Заметим, что если бы авторами стихов были П. И. Бартенев

¹ Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия...» // Звезда. 2004. № 2.

² Пигарев К. В. Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия» // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1955. Т. 14. Вып. 4. С. 372-373.

или Д. Д. Минаев, как утверждают конспирологи, то разночтений не было бы, да и списки стихов были бы изготовлены в нужном количестве. Впрочем, понятия о чести и порядочности в те времена были другие. Будем благодарны Бартеневу и Висковатову за их труды по поиску и сохранению произведений поэта.

* * *

Постоянные размышления поэта о России, её историческом развитии, её будущем и своем месте в России прослеживаются в его произведениях «Предсказание», «Монолог», «Вадим», «Дума». Однако впервые эти мысли соединились и вылились в поразительно краткий, но ёмкий поэтический образ «немотная Россия», обнаживший «до оснований, до корней, до сердцевины» и суть российского общества, и основы, на которых оно держится. Не пресловутые «дураки и дороги» не нищета и отсталость, не произвол чиновников, а немота – корень российских бед. Немота – антитеза свободе слова, свободе мысли, свободе творчества, при наличии которых решаемы все эти проблемы. Эти стихи – квинтэссенция, итог раздумий поэта, неутешительный диагноз. Это не «гневная инвектива», не «обращение к официальной России», а прощание с любимой, но безнадежно больной Родиной. В немотной России нет места свободному поэту. Это разговор с собой, в нём – сострадание и грусть, подведение черты за прошедшим, перед шагом в неясное будущее. Возможно, стихи были прочитаны в узком кругу друзей, не могли быть размножены, потому что более опасны, чем стихи на смерть Пушкина, они содержат нелестную характеристику всей страны.

Великолепный лирик и певец русской природы Ф. И. Тютчев писал: «умом Россию не понять...». Может быть потому не смог понять Россию, что дослужился на государевой службе до тайного советника? А вот поручик М. Ю. Лермонтов так понял Россию, что в восьми строках дал гениально-точную характеристику российского общества, актуальную на протяжении последних нескольких веков.

Sunday, 12 June 2016.

Литература:

1. Сокуров С. Прощай, «немытая Россия». Кто же автор? krugozormagazine.com/show/rusia.1274.html
2. Краснов П. «Прощай, немытая Россия»: Лермонтов этого не писал // Культура, 2014, 3 февраля.

3. Ключёнов Г. Об одной очень старой мистификации // Литературная Россия. 1994. № 7.
4. Лиханова Т. Каждому Лермонтову – свой Госдеп. Новая Газета. 2014. novayagazeta.spb.ru
5. Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немая Россия...» // Звезда. 2004. № 2.
6. Скатов Н. Всеведение поэта // Литературная газета. 2004. № 38-39. С. 8.
7. Миллер О. В. Кто прощался с немой Россией, уезжая на Кавказ? // Рус. Литература. М., 2005, № 3. С. 216-20.
8. Кутырёва А. А. Кто был автором стихотворения «Прощай, немая Россия»? – Лермонтов. Тайны жизни и творчества; под ред. Д. А. Алексеева. М., 2014.
9. Динесман Т. Г. «Прощай, немая Россия», стих. Лермонтова (1841) // ЛЭ. М.: «Советская энциклопедия», 1981. С. 452.
10. Подольская Г. Патриотизмом опьянён, писал он, ненависти полн»: о статье В. Хатюшина «Давно разоблачённая фальшивка». galinapodolsky.com.al он
11. Алфавитно-частотный словарь // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; Гл. ред. Мануйлов В. А., Редкол.: Андроников И. Л., Базанов В. Г., Бушмин А. С., Вацуро В. Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. – М.: Сов. Энцикл., 1981. – 746 с.: ил. А
12. Кюстин А. де. «Россия в 1839 году» с комментариями к книге / Перевод с французского О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. – СПб.: Крига, 2008.
13. Пигарев К. В. Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немая Россия» // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1955. Т. 14. Вып. 4. С. 372-373.
14. Сапрыгина Н. В. И всё-таки Лермонтов! // Докса. Зб. Наукових прац з філософії та філології. Вип. 10. Стратегії інтерпретації тексту: методії межі їх застосування. Одеса, ОНУ, 2006. С. 264-272.

**Немытое тело в голубом мундире
(о стихотворении М. Ю. Лермонтова
«Прощай, немытая Россия»)¹**

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей²*

О том, что стихотворение «Прощай, немытая Россия» принадлежит М. Ю. Лермонтову, никаких сомнений не возникало до относительно недавнего времени. Однако в конце 1980-х гг. начали появляться работы, ставящие его авторство под сомнение. Исходная мотивация носила не собственно литературоведческий, а откровенно патриотический характер: якобы стихотворение антироссийское, а потому Лермонтов написать его не мог. Утверждение это было настолько очевидной нелепостью, что специального опровержения и не заслуживало, а посему серьёзной полемики такого рода «аргументация» тогда не вызвала. Однако в 2004 г. появляется статья, в которой авторство Лермонтова, решительно отвергаемое, приписывается археографу и библиографу П. И. Бартеневу [Эльзон 2004]. Убедительные возражения были даны в работах: [Миллер 2005] и [Сапрыгина 2006], где приводится литература по этому вопросу, доказывающая, что никаких текстологических оснований для опровержения нет и, напротив, в нём содержатся несообразности, касающиеся психологии работы самих исследователей над рукописями поэта. Вместе с тем в ситуациях, когда авторство гения отвергается, возможен и другой, более эффективный путь оценки: это – *внутренний анализ* текста. Открывающиеся в ходе и результате такого

¹ Впервые статья была опубликована в издании: Статьи и материалы межвузовской научной конференции «Кормановские чтения». Вып. 15. Ижевск, 2016. С. 138-143.

² Текст приводится по [Лермонтов 1954]. Существует другой вариант, в котором вместо «пашей» стоит «царей», а вместо «стеной» – «хребтом».

анализа его красота и глубина – лучшие доказательства авторства гения (в нашем случае – Лермонтова). Такой подход уже продемонстрирован во 2-й части статьи Н. Сапрыгиной, рассмотревшей *звуковую* и *акцентную* структуры, а также *ритмику* стихотворения, обнаружив в ней целый ряд красивых элементов *симметрии*.

Цель настоящей заметки – предложить *имманентный* анализ других аспектов текста, представляющих самостоятельный интерес и необходимых для понимания смысла целого. Главная мотивация для нас – изучение поэтики Лермонтова, тогда как опровержение возражений против его авторства – вынужденная дополнительная нагрузка. Несколько странно, что до сих пор стихотворение это почти не рассматривалось с точки зрения поэтики; надеемся, что работа Н. Сапрыгиной и наша хотя бы заполнят этот пробел.

* * *

Традиционно один из главных акцентов при рассмотрении смысловой структуры стихотворения «Прощай, немытая Россия...» делается на образе *голубых мундиров* как указания на корпус жандармов. Однако остаётся в тени то обстоятельство, что образ этот не изолирован, а включён в текст как элемент более общей системы, центральное место в которой занимают такие категории, как *одежда* и *тело*, включая его *внешнюю оболочку*. Так, в 1-й строке эпитет «*немытая* Россия» предполагает длительность времени несменяемой одежды. Тема *одежды* вводится затем в 3-й строке: упоминаются «*мундиры*». А поскольку они представлены как характерная черта николаевской России, то отделить *голубые* жандармские мундиры от страны как таковой невозможно. Соответственно возникает образ *одежды*, приросшей к немытому телу *России*, грязь которой получает государственный статус. Получается двойная метонимия: *мундиры* представляют не только жандармов как часть вместо целого, но и, по смежности, тело страны. В свою очередь, нераздельность жандармов и *народа* означает, что жандармский мундир, контактирующий непосредственно с народным телом, сам представляет собой эквивалент корки грязи. На звуковом уровне связь *мундиров* и *немытого* тела страны выражается в созвучиях *м, н¹*. Между жандармами и народом существует в тексте также непосредственная звуко-смысловая связь. Слово «*жандарм*», как известно, происходит от фр. *gendarme*

¹ По мнению Н. Сапрыгиной, «созвучие *н, м* (немытая) и *м, н* (мундиры) создаёт впечатление, что мундиры – пропылённые» [Сапрыгина 2006: 269]. Перевод внимания на физическое свойство мундиров ослабляет фундаментальную коллизию стихотворения и сглаживает неразрывную связь между мундирами и самым существом страны (её телом), с неизбежностью возникающую в тексте стихотворения.

(*gent d'armes*) – вооруженный человек. Но *gens* – это люди, *gent* может употребляться в значении «народ» (уст.). Тот факт, что этимологически слово, обозначающее народ или массу людей, входит в состав слова «жандарм», создаёт в контексте стихотворения иконизм и означает, что *народ* действительно «предан» жандармам, сросся с ними, представляя собой единое целое!

Ещё одна метонимия реализуется посредством *всевидащего взгляда* и *всеслышащих ушей* – благодаря такой проникающей способности отношение смежности устанавливается между жандармским корпусом и чем угодно, становясь в тексте универсальным. Но *глаза* и *уши* относятся к внешнему покрову тела – оболочке, ответственной за контакты с остальным миром. В результате грязь, собственное тело, жандармские *мундиры* и *наблюдение* за потенциальными инакомыслящими – всё слилось в монструозное целое.

Попытка избежать контакта с таким «телом» побуждает лирического героя к преодолению ещё одного своего рода внешней оболочки – *стены Кавказа*. Однако в слове «СОКРОЮСЬ» просвечивает всё та же «РОССИЯ»: в графический и звуковой состав слова как бы проникают *её всевидящий глаз* и *всеслышащие уши*. Так что надежды *сокрыться от её паши* – сомнительны¹. Об этом свидетельствует и ряд других обстоятельств. Обратим внимание на то, что композиционно стихотворение делится на 2 строфы: в 1-й речь идёт собственно о России; а во 2-й – о Кавказе. И хотя эта часть Кавказа также очевидно является частью Российской империи, но по смыслу текста он противопоставляется остальной («основной») России. Значимая граница между ними проходит по *стене* (хребту) Кавказа. А поскольку основная Россия представлена в 1-й строфе, а Кавказ – во 2-й, то получается, что *хребет Кавказа* дублирует пробел между строфами.

Однако субъекты *слежки* (*паши, всевидящий глаз, всеслышащие уши*) появляются именно во 2-й строфе, где выражена надежда лирического героя избежать слежки. Эти субъекты как бы перемещаются по ту сторону Кавказского хребта вслед за героем. Обратим внимание на звуковую реализацию такого перемещения: заключительные две строки текста насыщены шипящими: «всевидаЩий глаз, всеслыШащие уШи», имитирующими шорох, сопровождающий осторожные движения *соглядатаев*².

¹ Обратим внимание еще на одну вероятную анаграмму: в 1-й строфе говорится о системе власти, с которой интегрирован народ, а в завершающей строке в сочетании «*им преданный народ*» просвечивает «империя» (см. лат. *imperium* – власть, владычество).

² [Сапрыгина 2006: 269] упоминает, что здесь «подчёркивается шум, шорох – знак присутствия посторонних».

Ещё одна метонимия – во 2-й строфе, в кавказской части текста: «паша» означает «наместник», т.е. кавказский заместитель (представитель) российской власти¹.

Но какая-то надежда спрятаться всё же остается. Она выражена через семантизацию элементов, которые в нехудожественном тексте остались бы несущественными. На фоне демонстративного употребления двух личных местоимений *вы* и *ты* в 1-й строфе особенно значимым становится отсутствие *я* во 2-й; но 2-я строка, где говорится о действиях «я», своей эллиптической конструкцией – определённо-личным глаголом («сокроюсь» (вместо «я сокроюсь»)) – задаёт особую значимость: «я» как бы скрылось, а вместе с ним – и автор.

В таком контексте вновь значимой становится категория границы – окончание текста с неизбежно следующим за ним белым полем (обычно не несущим никакого смысла) в данном случае де-автоматизируется. Герой как бы скрылся! Здесь напрашивается несколько неожиданная параллель с тем, как Лермонтов читал «Штосса», о чём остались воспоминания Е. П. Ростопчиной. А именно – он принес огромную тетрадь. Однако потом выяснилось, что «написано было около двадцати страниц, а остальное в тетради была белая бумага» [Ростопчина 1989: 363]. Нами приводились ранее аргументы, что за этой шуткой скрывался серьёзный смысл: автор наглядно воплощал эффект исчезновения текста, значимый в «Штоссе» [Заславский, 2012]. Так что в обсуждаемом стихотворении и в «Штоссе» представлены два варианта одного и того же семиотического приёма: иконическая реализация *исчезновения* (героя или самого текста), так или иначе связанного с обрывом текста².

Есть в этом ещё один важный аспект: чтобы «исчезновение автора» состоялось, об этом должен узнать и читатель произведения. Но тогда получается, что автор скрылся и от него, так что воедино слились «немытая» Россия со своими соглядатаями и читатель! Другими словами, автор как бы заставляет своих читателей почувствовать их принадлежность к «немытой» России, а потому –и ответственность за происходящее. Обратим также особое внимание на то, что власть непосредственно представлена в тексте *мундирами голубыми*, однако потенциальное воздействие её на лирического героя передается через *их глаза и уши*.

¹ Вариант текста с «твоих пашей» вписывается в общую систему метонимий, характерную для стихотворения, и в этом смысле представляется более содержательным, чем с «твоих царей».

² Любопытно, что оба произведения написаны примерно в одно и то же время: «Штосс» – в марте-апреле 1841 г.; рассматриваемое стихотворение – по-видимому, в апреле того же года (см. об этих произведениях в «Лермонтовской энциклопедии», 1981).

Но у мундира нет лица! В этом противоречивом сочетании мы видим предвосхищение поэтом гоголевских образов.

* * *

Результаты анализа стихотворения (и в данной работе, и в статье Н. Сапрыгиной) свидетельствуют о том, что автором его мог быть только выдающийся поэт. Рассматривать в такой роли П. И. Бартенева (как это сделал М. Эльзон) представляется ничем не оправданным (подробнее см. в статье Н. Сапрыгиной). Между тем альтернативных вариантов его авторства для обсуждения их всерьёз представлено не было. И сложность здесь двойная: найти и предложить в качестве автора не просто выдающегося поэта, но такого, который бы в соответствующее время тоже был отправлен в ссылку на Кавказ (ввиду очевидной автобиографичности текста). Но допустим, что, преодолев все эти сложности, такую кандидатуру «патриоты» всё же представят. Тогда, следуя своей патриотической логике, им пришлось бы поставить тот же вопрос, но обращённый уже не к Лермонтову, а к другому, столь же выдающемуся поэту: как мог он написать *такое* «антироссийское» стихотворение? Это логическая ловушка, из которой нет выхода.

По совокупности аргументов, представленных в статьях О. В. Миллер, Н. Сапрыгиной и в нашей, логичней заключить, что в авторстве Лермонтова нет ни малейших сомнений. Подчеркнём, однако, что авторство его и без того было очевидным, сомнения же в нём принадлежали не науке, а её «патриотической» имитации. Поэтому главное для нас – не в опровержении подобных нелепостей, а в исследовании самого стихотворения. Надеемся, что данная работа в сочетании со статьей Н. Сапрыгиной станут стимулом для дальнейшего изучения поэтики лермонтовского шедевра. Что же касается гражданского его характера, то отметим полную бескомпромиссность Лермонтова. Согласно известному выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина о том, что необходимо различать понятия «отечество» и «Ваше превосходительство», подытожим: в этом стихотворении Михаил Юрьевич Лермонтов показал, какая трагедия происходит со страной, когда такие понятия сливаются до неразличимости.

Литература:

1. Заславский О. Б. Закончен ли «Штосс»? // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2012. Т. 71. № 4. С. 52-59.
2. Лермонтов М. Ю. «Прощай, немытая Россия...» // Лермонтов М. Ю. Соч.: в 6 т. М. Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957. Т. 2. Сти-

хотворения 1832-1841. 1954. С. 191.

3. Миллер О.В. Кто прощался с немойтой Россией, уезжая на Кавказ // Русская литература. 2005. № 3. С. 216-220.
4. Сапрыгина Н. И все-таки Лермонтов! // ДОКСА: Збірник наукових праць з філософії. 2006. Вып. 10. С. 264-272. (URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/1376>)
5. Ростопчина Е.П. Из письма к Александру Дюма, 27 авг. / 10 сент. 1858 г. // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
6. Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немойтая Россия...» // Звезда. 2004. № 2. С. 203-209.

В. А. Захаров

(г. Москва)

Прощание с немойтой Россией

*Под Курском соловьи поют,
В Москве зады, как прежде, лижут...
Я Родину люблю свою,
Но государство – ненавижу!*

*Везде ворьё, куда не плюнь,
Бориску вновь зовут «на царство»...
Я Родину свою люблю,
Но ненавижу государство!*

Александр Розенбаум

«Кто прощался с немойтой Россией, уезжая на Кавказ?», – так назвала свою великолепную статью Ольга Валентиновна Миллер ученица В. А. Мануйлова, старейший лермонтовед России¹. После её скрупулезного, высоко научного и выверенного исследования всякие мнения по поводу *принадлежности* авторства стихотворения «Прощай немойтая Россия» какому-либо другому лицу, кроме Лермонтова, должны быть навсегда отвергнуты.

Удивительно, но до 1989 года ни у кого из литературоведов не возникло сомнений, что автором стихотворения «Прощай немойтая Россия» был Лермонтов. Почему именно тогда появилась на страницах советской печати первое утверждение в подложности этого стихотворения?

Здесь необходимо совершить вовсе не литературоведческий экскурс в недалёкое прошлое. Без этого понять суть появившегося спора будет невозможно. Больше того, этот спор носит вовсе не литературоведческое направление. Противники авторства Лермонтова выступают, прежде всего, с позиций политико-идеологических, что в корне меняет идею научного спора.

Все, как всегда, оказывается довольно просто. Пресловутая программа «ПЕРЕСТРОЙКА», программа незамедлительного снятия коммунистического идеологического запрета со всего в СССР, обя-

¹ Миллер О. В. Кто прощался с немойтой Россией, уезжая на Кавказ // Русская литература. 2005. № 3. С. 216-220.

вила свободу любому мнению, особенно критике всего старорусского, классического наследия. И тут же, как на дрожжах, стали расти никому доселе неизвестные псевдопатриоты. Все вдруг ударились в религию, в мусульмано-населённых регионах – в ислам, в русско-населённых – в христианство. Все неожиданно стали объясняться в любви к царской власти и объявили себя православными, стали крестить свои лбы.

Все, называвшие себя русскими патриотами собрались вокруг тогдашнего Союза писателей России, газеты «День» и журнала «Кубань», возглавляемого тогда Канашкиным. Такие великие советские прозаики-патриоты как Распутин, Лихоносов, Белов, Крупин и др. оказались в стороне. На первые места выходят крикливые доселе мало кому известные проходимцы. Я лично знал Канашкина, как и всю публику, которая там крутилась, я в то время жил в Краснодарском крае. Знал и тех, кто были вокруг Проханова и иже с ним, я был в Союзе писателей России в дружбе с потрясающим человеком, Сергеем Лыкошиным. Однако все эти, бывшие члены КПСС, а теперь ставшие православными-патриотами, которые только-только научились лоб крестить и то часто путали, а куда три перста класть – вначале налево или направо... Эти неофиты, появившиеся в начале 90-х годов прошлого века, принесли больше вреда православию и патриотизму, нежели пользы. Вот эти личности и взялись крушить, под видом сохранения всего русского, всё, что им было непонятно и неясно.

Ну, а кто такой Бушин? Да, советский и российский писатель, публицист, литературный критик, фельетонист, общественный деятель. Вот и всё, что о нем найдете в интернете. Но это далеко не Бунин и не Распутин. Наверное, у него есть свой читатель, мне лично его творчество совершенно не интересно, как и тысячам читателей России.

И вот в 1989 году, пользуясь ослаблением контроля со стороны идеологического отдела ЦК КПСС при Горбачеве, Бушин выступил с заявлением, что сознательный и целенаправленный вброс и тиражирование фальшивки под названием «Прощай немытая Россия» в советское время попадал в общую парадигму подчеркивания критики самодержавия просвещёнными русскими умами. Приведя целый ряд своих доморощенных соображений, доказывающих фальсификацию, Бушин обратился к учёным с тем, чтобы они обратили пристальное внимание на происхождение данного стихотворения¹.

Через пять лет, в феврале 1994 года, в преддверии 180-летнего юбилея поэта, версию Бушина в своей небольшой и малообоснованной статье, напечатанной в «Литературной России» (ЛР 1994, 18.02.94) поддер-

¹ «Слово», 1989, № 10, «Кубань» 1989, № 10, 1991, № 5 и 9.

жал некий Г. Е. Ключёнов, утверждавший причастность к мистификации / фальсификации археографа и издателя П. И. Бартенева.

Ну и снова вопрос, а кто такой Ключёнов?

Ключёнов Геннадий Евгеньевич, 1945 г.р., уроженец Костромы, кандидат исторических наук, в прошлом старший научный сотрудник института Латинской Америки РАН, ныне пенсионер, публицист, краевед, интересующийся музейным делом и отношениями с церковью.

Спустя десять лет, в 2004-2006 гг. некая мадам А. А. Кутырёва двумя своими публикациями поддержала версию Бушина, и, как она считала, весьма аргументированно доказывала, что автором фальшивки являлся Д. Минаев, а Бартенев был лишь её распространителем.

Кто такая Кутырёва и чем она известна в лермонтоведении?

Кутырёва Александра Александровна, 1949 г.р. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и политологии Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии с 1992 по 2012. Окончила философский факультет Московского университета в 1971 г., Академию общественных наук при ЦК КПСС в 1984 г. Сфера научных интересов – социальная философия, философия культуры. Кандидатская диссертация на тему «Роль сельской интеллигенции в развитии культуры села». Последние десять лет специализировалась на литературном творчестве революционных демократов XIX века. О Лермонтове не написала ни строчки.

В 2004 году в журнале «Звезда» свою лепту внёс уже известный литературовед М. Д. Эльзон.

Эльзон Михаил Давидович (1945-2006) – историк русской литературы, библиограф. Родился в семье театрального администратора. Окончил Ленинградский институт культуры (1967). Ученик Б. Я. Бухштаба. Работал в Научно-исследовательском секторе Института культуры, в Библиотеке Академии наук, с 1992 г. – в Российской национальной библиотеке, научный сотрудник отдела библиографии и краеведения. В круг его научных интересов входили история книжного и издательского дела, история библиографии. Был известным петербургским библиофилом, собрал редкую коллекцию книг и автографов, которую еще при жизни передал в Отдел рукописей и в книжный фонд РНБ. Кандидат педагогических наук (1972). Автор более 800 публикаций. Основные работы: указатель «Библиофильство на страницах русских журналов» в 6 томах (Воронеж, 1975-1978). Он подготовил к печати сборники произведений Н. Гумилева, В. Ходасевича, автор статей и публикаций, посвященные А. С. Пушкину, Н. А. Некрасову, А. А. Фету. Известно, что Эльзон был большой фантазёр, который ув-

леклись какой ни будь идеей, с пеной у рта утверждал, что он точно знает, что тот или иной поэт или писатель по такому-то или иному поводу думал. Вот свои фантазии он и выкладывал в свои сообщения, а иногда и в свои писания.

В 2004 году, в связи со 190-летием Лермонтова версию Бушина фактически подтвердил и поставил под сомнение авторство Лермонтова в своей статье Н. Н. Скатов. Николай Николаевич Скатов (2.05.1931) – советский и российский филолог, литературовед. Доктор филологических наук, член-корреспондент РАН. В 1987-2005 – директор Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. С 2005 года по настоящее время – советник Российской Академии наук... Он являлся крупным специалистом в области истории русской литературы, автор более 300 научных и литературно-критических работ, в том числе 23 книг. Он – автор и редактор школьных и вузовских учебников. Н. Н. Скатов – член редколлегии и редсоветов целого ряда литературных и научных изданий: «Университетская книга», «Литература в школе», «Аврора», «Наше наследие» и другие. Трудно сказать, что его подвигло на этот шаг, бывшего члена КПСС, а теперь отрекающегося от всяких марксистско-ленинских идей. Думается, у него развился новый метод отказа от всего прошлого коммунистического мировоззрения, господствовавшего и в литературоведении. Вероятно, это была одна из попыток показать себя передовым российским литературоведом-аналитиком, патриотом, сокрушающим старые советские легенды.

В декабре 2010 года с отрицанием авторства Лермонтова выступил ещё один, с позволения сказать «специалист», Валерий Хатюшин.

Валерий Васильевич Хатюшин (род. 13 ноября 1948) – русский поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, публицист. Лауреат Литературной премии им. Сергея Есенина (2001), а также Международных литературных премий им. М. А. Шолохова и А. П. Платонова (2007). Главный редактор журнала «Молодая гвардия». С 1986 года член Союза писателей СССР и России. Закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького. Хатюшин – автор более тридцати книг и множества острых статей, опубликованных в российской и зарубежной периодике.

В феврале 2011 года Павел Краснов, известный по интернету историк и публицист, автор нескольких книг и многочисленных статей, также поддержал мнение Бушина, повторив при этом мнения ранее публиковавшихся Ключёнова, Кутырёвой и Скатова.

В том же 2011 году появилась статья С. А. Сокурова – «“Немытая Россия” и грязный автор фальшивки».

Сокуров Сергей Анатольевич, прозаик, поэт, публицист, член Союза писателей России. Был основателем Русского общества им. А. Пушкина, созданного во Львове в 1988 г., одновременно возглавлял созданный при обществе Русский культурный центр. Работает в жанрах беллетристики, поэзии, публицистики. Автор 20 книг, выпущенных различными издательствами Львова и Москвы. Более 500 публикаций в газетах «Известия», «Культура», «Учительская газета», «Литературная газета» и др. Его литературная и общественная работа оценена Орденом Преподобного Сергия Радонежского, Пушкинской медалью Фонда 200-летия А. С. Пушкина («за большой вклад в осуществление программ поддержки отечественной культуры»).

В 2012 к этому хору голосов присоединился писатель Владимир Бондаренко статьёй «Мистический гений. Благословение и проклятье М. Лермонтова».

Владимир Григорьевич Бондаренко (16.02.1946, Петрозаводск) – российский литературный критик, публицист. Брат поэтессы Елены Сойни. В 1969 году окончил Государственный лесотехнический институт в Ленинграде, затем – Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. После его окончания работает заведующим литературным отделом в Малом театре, во МХАТе им. М. Горького у режиссёра Татьяны Дорониной.

С 1990 года является заместителем главного редактора газеты «День», с ноября 1993 года – заместителем главного редактора еженедельной газеты «Завтра». С мая 1997 года – редактор приложения к газете «Завтра» – «День литературы». Член Союза писателей России с 1991 года. Публикуется в газете «Литературная Россия», журнале «Наш современник». Награды: «Большая литературная премия России» Союза писателей России (2004) за книгу «Три лика русского патриотизма». В 2014 году в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия» вышла его книга «Лермонтов. Мистический гений». И хотя в «Литературной газете» об этой книге восторженно написано, что она «впервые за много лет содержит попытки ответов на самые неоднозначные вопросы. Что в ней раскрывается основа жизненной позиции Лермонтова, объясняется его противостояние не только власти, светской и духовной, но и бытовым обстоятельствам» (ЛГ. № 1-2 (6445) (15-01-2014), на деле же это пафосное восприятие книги, ничего общего не имеет с текстом, вышедшим под фамилией Бондаренко. Это обычный пересказ нескольких книг биографий поэта, дополненный всякими высокими размышлениями о религиозности и патриотизме. Пустая и никчемная книга. Чтобы написать подлинную биографию поэта надо перелопатить столько материала, что и представить трудно. Ведь до сих пор никто из настоящих

специалистов-лермонтоведов за это не взялся. А вот, видите ли, Бондаренко не побоялся¹. Я вспоминаю подобного же автора по фамилии Афанасьев, он потом стал монахом Лазарем и стал автором, а точнее плагиатором кучи статей в новом Лермонтовском энциклопедическом словаре (2014 г.).

Бондаренко – ссылаясь на исследователей, которым он в данном случае верит, утверждает, что *«Прощай, немая Россия»* – это не Лермонтов, а Минаев. Возражения по тексту – смешные. Лермонтов де не мог написать *«за стеной Кавказа»*.

Действительно, проще было бы «в горах Кавказа», но поэт не настолько прост. У него уже есть прямолинейное *«ломить стеной»*, а выражение «за стеной» сообщает этой строке иной смысл. Во-первых, речь о самом Кавказе, который весь, как стена. И, во-вторых, это стена между НАМИ – воюющими, и между НИМИ – интригующими в столичной безопасности.

Тем более, что стихи про страну рабов, страну господ – это и есть тот самый *«железный стих, облитый горечью и злостью»*, брошенный в лицо обществу.

Считаю крайне необходимым обратить внимание на очень серьезную рецензию А. В. Очмана, написанную после прочтения опуса Бондаренко, в ней известный исследователь даёт убийственную характеристику этому «специалисту», новому лермонтоведу: «научная немощь, профессиональная недобросовестность буквально вопиют едва ли не с каждой страницы книги», заключил рецензент².

Итак, мы видим, что объявились новоявленные специалисты по русской литературе XIX века: господа Краснов, Ключёнов и Кутырева, Бондаренко? Их имена ничего не говорят учёным-филологам. В тексте их публикаций вы не найдете ни одной научной ссылки, а вот слухов и сплетен в них предостаточно. Ну как после прочтения их статей серьёзные учёные-литературоведы могут отнестись к этим псевдонаучным размышлениям...

В 2013 году к этому хору присоединился ещё голос РГНФ – главного органа, дающего финансирование под утвержденные им проекты.

«Во время проходившего в РГНФ 17 октября 2013 г. совещания руководителей проектов целевого конкурса состоялась дискуссия, в которой обсуждался «лермонтовский эдиционный канон», в частности,

¹ Владимир Ильицкий. Лермонтоведы-группы и шотландские чудеса URL: <http://www.ajournaliv.ru/2014/07/lermontov/>

² Очман А. В. Рецензия на книгу В. Бондаренко URL: <http://www.proza.ru/2014/01/17/77>

как издавать «юнкерские» поэмы и как быть со стихотворением «Прощай, немытая Россия». Текстологическая неопределённость возникла со статусом «юнкерских» поэм – индивидуальное или коллективное творчество. Нужны убедительные аргументы в их атрибуции. По общему мнению участников совещания, в научном издании должна быть воспроизведена обценная лексика, тем более что отточия не помогают читателю, его фантазии и познаний не хватает, чтобы верно прочесть и понять текст. «В обсуждении проблемы атрибуции стихотворения «Прощай, немытая Россия», включённого в школьную программу и почти во все издания как лермонтовский текст, возобладала скептическая точка зрения: мистифицирована история текста, нет автографов, известны два «списка», оба исходят от П. И. Бартенева; до 1873 г. текст никому не был известен и, судя по всему, не существовал. М. Эльзон предположил, что автором этого стихотворения был сам П. И. Бартевев. «Стихотворение подражательно – узнаваем первый стих: «Прощай, свободная стихия...» (Пушкин). Так ученически Лермонтов в зрелые годы не писал. Каждый его стих уже был воодушевлён поэзией. Здесь же – выверенная риторика, но нет поэзии»¹.

Информация удивительная. Неужели в РГНФ нет специалистов-литературоведов²?! Ну, даже если таковые там отсутствуют, так заплатите за аналитическую справку, которую составит специалист. Это будет дешевле, чем выделять деньги под несуществующие проекты. Вот вам чиновничья коррупция налицо. Вот куда уходят деньги, в воздух. А в лермонтоведении имеются действительно важные проекты. В лермонтовских музеях имеются квалифицированные специалисты, которые на энтузиазме делают колоссальную работу. Вот кого надо финансировать. И я хочу назвать РГНФу ту главную тему, которая действительно требует финансирование – создание научной биографии поэта. 200 лет прошло со дня рождения Лермонтова, а написать такую работу невозможно из-за отсутствия того самого пресловутого финансирования. Но денег под него так никто и не выделяет. А вот под выдуманные темы, высосанные из пальца – пожалуйста. И какие критерии имеются у РГНФ чтобы в конце концов решить, правильно ли было проведено финансирование, имеется ли реальный результат и насколько этот результат важен. Итак, деньги выделены финансистами от науки, вот только пока неизвестно кто их получил. Где фамилии этих великих специалистов, кто их знает?

¹ Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия...» // Звезда. 2004. № 2. С. 208.

² Захаров В. Н. Современное лермонтоведение в конкурсах РГНФ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 4 (73). – М., 2013. С. 127.

Итак, все обвинения этих господ, что стихотворение «Прощай, немытая Россия» не принадлежит Лермонтову, сводятся, в основном, к следующим пунктам:

- 1) на произведении нет автографа автора;
- 2) произведение впервые появилось через 32 года после гибели поэта, а в печати появилось только в 1887 году;
- 3) стиль произведения не соответствует стилю Лермонтова. Образы «голубые мундиры», «паши» не встречаются в его творчестве;
- 4) наиболее вероятный истинный автор – поэт-пародист Дмитрий Минаев, яркий антипатриот и антигосударственник, даже русофоб, активно писавший свои пародии и эпиграммы как раз в тот период, когда стихотворение «нашлось». Именно для Минаева характерны стилистические обороты этого стихотворения.

5) Лермонтов не мог быть антипатриотом.

Ну, во-первых, до нас не дошли многие рукописи Лермонтова. Часть его произведений печатается по спискам, в которых существует немало разночтений.

Согласно «Лермонтовской энциклопедии»: «Неизвестны донныне около 100 автографов стихотворений Лермонтова (прибл. четвёртая часть их общего числа), среди них: «Нищий», «Умирающий гладиатор», «Бородино», «Ветка Палестины», «Дары Терека», «Воздушный корабль», «Завещание», «Из под таинственной холодной полумаски» (...) Из поэм утрачены автографы полного текста «Сашки», а также автографы «Моряка», «Хаджи Абрека», «Монго», «Песня про... купца Калашникова», «Тамбовской казначейши», последней ред. «Демона». Погибли многие письма, которые Лермонтов посылал с Кавказа московским и петербургским друзьям»¹. Поэтому представление, что лермонтовский архив безупречно сохранился и только одного «Прощай, немытая Россия» почему-то не найдено, ложно.

И это относится не только к Лермонтову, а и ко многим другим великим писателям и поэтам. Вот пример: известное письмо Некрасова, реабилитирующее его в так называемом «Огарёвском деле», не сохранилось в оригинале. Оно известно лишь по копии, которые снимали с писем Некрасова для департамента полиции. Однако, с тех пор как эта копия нашлась, обвинение с Некрасова было снято.

Во-вторых, не только эти, но и многие другие произведения, рисунки Лермонтова появились спустя много лет после его гибели. Вот, например, его рисунок турецкого посла, сделанный в 1833 году, случайно был обнаружен только в 1962 году (!!!)

¹ Статья «Рукописи Лермонтова».

А Светлана Бойко обнаружила неизвестное стихотворение Лермонтова и опубликовала его более чем через 170 лет после написания!

В 1873 году в России было издано Собрание Сочинений М. Ю. Лермонтова; во время его подготовки стало известно стихотворение «Прощай, немая Россия». Уже после 1873 года было опубликовано 42 стихотворения Лермонтова, автограф которых до сих пор неизвестен. Среди них есть и незначительные стихотворения в альбом. Несмотря на отсутствие автографа, их принадлежность Лермонтову никем не оспаривается.

В-третьих, по поводу стиля и отдельных слов, якобы не встречающихся в его творчестве, например, «паша», «мундиры голубые». Каноническому «пашей» в той публикации в списках существуют два варианта: «вождей» и «царей».

Сочетание «голубой мундир» для Лермонтова было не ново. Применительно к жандармам оно впервые было зафиксировано «Национальным корпусом русского языка». Оно имеется и в дневнике знаменитого А. В. Никитенко. Описывая праздник в Петергофе, проходивший 2 июля 1830 года, он, в частности писал: «Вслед за нами приехали девицы Полоновы, сестры моего товарища, и мы вместе отправились в сад. Нельзя сказать, чтобы там было большое оживление. Пестрая толпа чинно, почти угрюмо бродила по дорожкам; нигде веселья, а везде только одно любопытство. Гуляющие, казались не живыми лицами, а тенями, мелькающими в волшебном фонаре. Несколько больше движения замечалось у палаток, над входами в кои виднелись надписи: «Лондон», «Париж», «Лиссабон» и проч. Но и тут *известные особы в голубых мундирах* спешили приводить в надлежащие формы каждое свободное движение»¹.

Заметим, это написано при жизни Лермонтова и за пять лет до рождения Минаева, которому все сомневающиеся приписывают авторство этого стихотворения.

Однако критики не унимаются. Анализ показывает, – пишут записные патриоты, – полное несоответствие стилю Лермонтова. Так, «голубые мундиры», «паши» не встречаются у автора «Родины» нигде более.

Ну, что сказать этим специалистам, не читавшим произведения Лермонтова. По поводу такого слова как «паша», которые у поэта якобы больше нигде не встречаются. Но, простите, у Лермонтова в сказке «Ашик-Кериб» слово «паша» упомянуто 6 раз: «*В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песьельников*», «*Иди с нами к великому паше, – закричали они*», «*и ваши паша мне не начальник*», «*Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше*», «*– Пой, – сказал паша*», «*и эта песня так понравилась гордому паше*».

¹ Никитенко А. В. Записки и дневник (1804-1877 гг). Т. 1. – М.: 1904. С. 201.

Слово «паша» есть в пьесе Лермонтова «Странный человек».

Да, известно, что многие слова, словосочетания или фразы встречаются в его произведениях всего один раз и больше не повторяются. Вдумайтесь, Лермонтов погиб, когда ему было неполных 27 лет!!! И дошедшие до нас произведения, да, да, именно дошедшие, не дают права, чтобы сделать сколько-нибудь массовые сопоставления встречающихся и не встречающихся в его творчестве слов, и выражений.

Ну, вот, хотя бы это:

степью лазурную, цепью жемчужную...

По поводу «пашей», многих критиков авторства удивляет ещё и такой подозрительный, по их мнению, факт, как мог Лермонтов назвать высший класс российского чиновничества «пашами», ведь он пишет не об Османской Империи, тогда, как считают, было бы все правильно, но он же служит в Российской Империи. Я понимаю, что подобные вопросы не заслуживают внимания, чтобы на них отвечать, тем не менее, поскольку и это ставят в одну обойму отрицания авторства Лермонтова этого стихотворения, то необходимо ответить всем сомневающимся господам псевдоаналитикам.

Вспомним одно стихотворение Лермонтова, которое называется «Жалобы турка» (автограф существует). Вот оно:

*Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой*

*Умы и хладные и твердые как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!
Друг! этот край... моя отчизна!*

*P. S. Ах! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? – все мы человеки!*

Комментируя это произведение молодого поэта, советские лермонтоведы писали: «Юный Лермонтов не только всесторонне развит, но и активно интересуется политикой. Однако открыто высказывать свои взгляды не решается по той причине, что еще сведи воспоминания о расправе над декабристами. Тем не менее, в 1829 году 15-летний поэт пишет стихотворение «Жалобы турка», которое будет напечатано лишь спустя полвека в Германии, да и то после тщательной правки цензурой. На это есть свои причины, ведь в стихотворении речь идет совсем не о Турции, которая в тот период переживает не самые лучшие времена, а о России. Слова, вложенные в уста иноверца, вполне применимы и к русским. И провести эту параллель совсем не сложно, если внимательно вчитаться в строки, которые сегодня уже стали бессмертными»¹.

Иными словами, 15-летний юноша уже понимал, что в его государстве не все так хорошо, как этого хотелось бы. Некоторые спрашивают, с чего бы это поэт Российской империи решил написать жалобы от имени жителя Османской империи и какую такую «истину скрывала ложь»? Неужели Лермонтов находил между Российской и Османской империями что-то общее?

Я не хочу опускаться до мнения вульгарного социологизма, его представители писали: «Не сложно догадаться, на какие именно события и обстоятельства намекает Лермонтов, который является ярким поклонником декабристов и сочувствует тем, кто не побоялся выступить против царизма. Но открыто говорить об этом невозможно, поэтому автор позволяет себе лишь намеки на то, что происходит в России. К слову, в Турции того времени тоже царит тирания, однако это не мешает читателю проводить параллели и делать выводы, которые поражают своей безысходностью и прямолинейностью. Да и сам Лермонтов в финале стихотворения чуть ли не открыто признается в том, что именно он подразумевает в написанных выше строках, отмечая: «Друг! этот край... моя отчизна!»².

А в шеститомном Полном собрании сочинений поэта, Т. П. Голованова, комментируя это стихотворение, прямо писала: «Выражая в стихотворении резкий протест против самодержавно-крепостнических порядков в России, Лермонтов маскирует свои революционные настроения заглавием «Жалобы турка»³.

И подобных высказываний о борьбе Лермонтова против царизма

¹ Анализ стихотворения Лермонтова «Жалобы турка». URL: https://45parallel.net/analysis/mikhail_lemontov/zhaloby_turka.html

² Там же.

³ Лермонтов М. Ю. Полное собрание соч. в шести томах. Т. 1. – М.: Л., 19 С. 392.

было полно в работах советских литературоведов. Но Лермонтов никогда революционером не был! И не имел никаких революционных настроений. Это советский идеологический бред. А вот недовольным властью был и не раз. И таких примеров, при внимательном чтении произведений Лермонтова, можно найти немало.

Повторюсь, до нас не дошло большое количество писем, записок и произведений поэта, об их существовании доподлинно известно, что таковые были. И мы не можем даже предположить, что в них могло быть.

Ну, и в-пятых, считать, что Лермонтов не мог делать антипатриотические высказывания, это расписаться в своём собственном невежестве. Если вы считаете, что А. Проханов, В. Бондаренко, Н. Бурляев и иже с ними, настоящие русские патриоты, я могу только посочувствовать тем, кто так примитивно мыслит, господа критики. А куда тогда деть Пушкина, с его известным высказыванием, что «довелось родиться в России с умом и талантом». Или оно тоже неподлинное? А это похлеще чем прощай немытая Россия...

У многих русских писателей можно найти очень непатриотические мысли. Тогда можно любого человека обвинить в антипатриотизме за то, что он не стоял на площадях, не кричал «долой царя», не был либералом. А вот своё несогласие с политикой правительства Лермонтов высказывал в своих произведениях, тонко, умно и довольно смело. Вот, следует привести один из таких примеров, для сомневающихся, по поводу критики Лермонтовым царской власти. Вот фрагмент из его поэмы «Беглец»:

*Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у СУПОСТАТА
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья <...>*

Кого Лермонтов назвал СУПОСТАТОМ думаю не секрет для всех.

И уже без всяких намёков Лермонтов высказался в незаконченном романе «Вадим» (автограф сохранился): «**Русский народ**, этот сторукий исполин, скорее перенесет жестокость и надменность своего повелителя,

чем слабость его; он желает быть наказываем, но справедливо, он согласен служить – но **хочет гордиться своим рабством, хочет поднимать голову, чтоб смотреть на своего господина**». Разве в этом прозаическом тексте не тот же смысл, разве непонятно, что Лермонтов, действительно, считал Россию «страной рабов и господ». Однако это, впрочем, ничуть не мешало ему любить «говор пьяных мужичков» и уважать «сторукую исполина». Посмотрим, как это Лермонтов выразил.

Все эти самонадеянные критики, ищущие соринку в чужом глазу и не видящие в своем бревна, приводят в качестве альтернативного примера строки знаменитого стихотворения «Родина»:

*Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья,
Но я люблю – за что, не знаю сам –
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.*

Я хочу специально отметить, что в пылу спора мы часто путаем два понятия: **РОДИНА** и **ГОСУДАРСТВО**. Да, Лермонтов любил свою

РОДИНУ!!! Но он нигде открыто не выступал против государства, в котором жил, против его внутренней и внешней политики. Однако поэт четко разделял эти два понятия – РОДИНА и ГОСУДАРСТВО.

Да, у него был свой, критический взгляд на те, или иные действия правительства, и в его строках можно найти немало слов подобной критики.

П. Бартенеv писал библиографу П. А. Ефремову (9 марта 1873 г.): «Вот ещё стихи Лермонтова, списанные с подлинника», – но сообщал при этом другой текст, в котором строка 4-я читается: «И ты, послушный им народ».

В 1890 г. тот же Бартенеv поместил в 11 номере «Русского архива» третий текст, сопроводив его примечанием: «Записано со слов поэта современником» (4-я строка читается в нем: «И ты, им преданный народ»; 6-я – «Укроюсь от твоих пашей»). Таким образом, Бартенеv отказался от публикации первых двух редакций, якобы «списанных с подлинника», в пользу третьей.

Вот что пишет О. В. Миллер: «В. Я. Брюсов, который некоторое время работал в редакции «Русского архива», писал: «Как издатель Бартенеv принадлежал, бесспорно, не к нашей эпохе. Современные методы исследования и издания документов были ему чужды... Он почитал себя вправе не только сокращать, но порою даже подновлять печатаемый текст»¹. Поэтому не исключено, что он счёл возможным заменить «преданный народ» на «послушный» или «покорный», так как «преданный» в смысле «переданный», «отданный» в употреблении первой половины XIX века к семидесятым годам звучало уже двусмысленно, что смущало многих исследователей и в наши дни².

Этими «художествами» страдал и издатель журнала «Русская старина» М. И. Семевский, о чём я писал. Публикуя письмо Катеньки Быховец и сравнив его с имеющейся в ИРЛИ копией Аккеремблома, я увидел, как Семевский изменил несколько слов для него оказавшихся или непонятными, или посчитавшими их ошибкой автора письма. В оригинале было написано: «колонны обвиты цветами», Семевский не поняв этого решил, что автор ошибся и заменил *обвиты* на *обиты*.

И Бартенеv и Семевский были людьми одного возраста и одной заправки, они искренне считали, что они вправе вносить в текст любого оригинального документа свою правку. Так они были воспитаны. Они совершенно не знали о существовании такой науки как палеография, их

¹ Брюсов В. Обломок старых поколений: П. И. Бартенеv // Русская мысль. 1912. Кн. 12. С. 116.

² Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. – М., 1961. С. 105.

никто не учил правилам издания документов. И в то же время благодаря им до нас дошло огромное количество свидетельств, которые после их публикации исчезли или погибли в водовороте страшных исторических потрясений, обрушившихся на нашу страну.

П. А. Висковатый, впервые опубликовавший это стихотворение, отнес его без всякого объяснения к 1841 году. В издании сочинений Лермонтова, вышедшем в 1891 г., Висковатый сделал примечание, источником которого послужил, по-видимому, лишь текст самого стихотворения. Из этого примечания следует, что оно написано «в досаде на некоторых недоброжелателей» поэта, не допустивших его добиться отставки в 1841 г.

Кстати, архива Висковатого тоже нет, а ведь в нём было немало такого, что так и не было никогда опубликовано. Поиски архива оказались безрезультатны. Я был первым, кто сообщил, куда после революции переехали его сыновья, подальше от столицы, подальше от того кошмара, который начался в 1917 году. Это был город Чарджоу. Там они жили тихо, занимались преподавательской работой, но вовсе не гуманитарных наук. Однако этот факт остался не известен лермонтоведам¹.

Вот почему мне неприятно видеть битие в грудь всяких, объявляющих себя православными, неопитов, которые и в храм-то не ходят, и не исповедуются, как это делал Лермонтов, что зафиксировано не раз документально.

Все их рассуждения не имеют ничего общего с наукой, с подлинным лермонтоведением. Это просто дешёвая идеологизация, прикрытая завесой принадлежности к православию.

¹ Захаров В. А. Павел Александрович Висковатый – 160 лет со дня рождения // Ставропольский хронограф на 2002 г. Краеведческий сборник. – Ставрополь, 2002. – С. 217-227.

Концепт «Россия» в идиостиле М. Ю. Лермонтова

Лингвистика XXI в., развивающаяся в русле антропоцентрической парадигмы научного знания, рассматривает язык как отражение сознания, менталитета народа, его культуры и мировоззрения, в связи с чем исследователи, в частности С. Г. Воркачев, говорят о так называемом «лингвокультурологическом повороте»¹, который начался в российском языкознании в конце XX в. и продолжается до сих пор. При таком подходе язык предстает как особый создатель и интерпретатор окружающей действительности и определяется учеными как «один из ключей к культуре общества и внутреннему миру человека»². Носители языка, в свою очередь, предстают как носители национальноспецифических концептуальных систем, центральной и ключевой единицей которых является особое гносеологическое образование, именуемое концептом. По словам З. Д. Поповой и И. А. Стернина, концепт представляет собой «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету»³. Сказанное в полной мере относится и к концепту *Россия* – ментальной этнокультурной единице, выступающей как комплекс представлений, эмоций, ассоциаций и оценок, которые возникли в процессе ее функционирования в русской культурно-языковой среде. Смысловое оформление рассматриваемого концепта возникло в результате соединения словарного значения с личным и этническим опытом русского народа, в связи с чем его объективация в русском языке связана с лексемами *Русь, родина, отчизна, отечество*.

Об особой эмоциональной окрашенности, приобретенной рассматриваемым концептом в процессе его бытования в русском языковом пространстве, свидетельствуют данные «Русского ассоциативного сло-

¹ Воркачев С. Г. *Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография.* – Волгоград, 2008. – С. 10.

² Карасик В. И. *Языковые ключи.* – М., 2009. – С. 5.

³ Попова З. Д., Стернин И. А. *Когнитивная лингвистика.* – М., 2010. – С. 34.

варя», в котором часть ассоциатов на слово-стимул *Россия* имеет ярко выраженную оценочную коннотацию: *великая, любимая, величие, гордость, свободная, большая, в нищете, во мгле, выругаться, помойка*¹. Кроме того, о своеобразном смысловом наполнении концепта *Россия* в культурно-языковом сознании русского народа говорит и его употребление в пословицах и поговорках, в которых предмет нашего анализа предстает как национально маркированная единица: *Русским богом да русским царем святорусская земля стоит; Земля русская вся под богом; Русь святая, православная, богатырская, мать святорусская земля*².

Необходимо отметить, что содержательное значение даже базовых для национальной картины мира концептов (к числу которых мы относим и концепт *Россия*) может значительно трансформироваться в идиостиле конкретного автора, т.к. здесь данные дискретные единицы предстают в первую очередь как сочетание ощущений, понятий и представлений, чувств и эмоций определенного писателя. В подобном случае говорят о художественном, или текстовом, концепте. По словам С. А. Аскольдова, «связь элементов художественного концепта зиждется на совершенно чуждой логике и реальной прагматике художественной ассоциативности»³, которая представляет собой сугубо индивидуально-авторскую норму, не укладывающуюся в общепринятые правила и стандарты.

В связи с вышесказанным, интересным, на наш взгляд, представляется исследование лексико-семантических особенностей концепта *Россия* в идиостиле М. Ю. Лермонтова, чей секрет творчества, по замечанию учёных, заключался «не в рациональности и не в ясности, а в особом подборе направляющих художественную ассоциацию образов и слов»⁴. Кроме того, лексему *Россия* по праву можно считать одной из ключевых семантических единиц в поэзии писателя, о чем свидетельствует ее частотность (так, по данным «Лермонтовской энциклопедии» тринадцать из сорока двух употреблений данного слова приходится на поэтические тексты писателя⁵), богатая языковая репрезентация и особая, авторская, интерпретация ее значения.

Проведённый нами анализ поэзии М. Ю. Лермонтова показал, что признаковое поле концепта *Россия* выстраивается здесь вокруг своего

¹ Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 2002. – Т. 1. – С. 561.

² Даль В. И. Пословицы русского народа. – М., 1957. – С. 327.

³ Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. – М., 1997. – С. 275.

⁴ Там же. – С. 276.

⁵ Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М., 1981. – С. 752.

смыслового ядра, обозначенного официальным именем *Россия* в значении «государство, расположенное в Европе и Азии; страна, в которой большинство населения составляют русские»¹. Россия в этом случае рассматривается писателем как явление сугубо политическое, в связи с чем в структуре соответствующего концепта одну из значимых и определяющих позиций занимает сегмент «государство»: «Но спят усачи-гренადеры – / В равнине, где Эльба шумит, / Под снегом холодной *России* / Под знойным песком пирамид» («Воздушный корабль»); «Опять, народные витии, / За дело падшее Литвы / На славу гордую *России* / Опять шумя восстали вы» («Опять, народные витии...»); «Я пробегал страны *России*, / Как бедный странник меж людей...» («К Д...ву»).

Стоит отметить, что этноним *Россия* в стихотворных текстах М. Ю. Лермонтова зачастую содержит в себе эмоциональную, выразительную оценку российской действительности 30-х гг. XIX века, очевидцем которой являлся писатель. Как отмечает Г. П. Макогоненко, «глубоко оригинальной особенностью поэтического дара Лермонтова, обнаружившейся уже в юношеском творчестве, была его способность чутко слушать свое время, откликаться на события политической жизни, выражать свое отношение к враждебной действительности, которая обездоливает и порабощает людей, искажает духовный мир личности»². Резкое неприятие М. Ю. Лермонтовым социально-политической обстановки в стране приводит к тому, что в его творчестве концепт *Россия* приобретает содержательные компоненты «закабалённая», «закрепощённая», т. е. «взятая в кабалу, поставленная в зависимость от кого-нибудь»³: «Прощай, немытая *Россия*, / Страна рабов, страна господ, / И вы, мундиры голубые, / И ты, им преданный народ» («Прощай, немытая Россия...»); «*Россию* продает Фадей / Не в первый раз, как вам известно, / Пожалуй он продаст жену, детей / И мир земной и рай небесный...» (Эпиграмма на Ф. Булгарина, I); «Настанет год, *России* черный год, / Когда царей корона упадет; / Забудет чернь к ним прежнюю любовь, / И пища многих будет смерть и кровь...» («Предсказание»).

Актуализации подобной авторской позиции способствуют свободные сочетания имен прилагательных с ключевыми словами, номинирующими исследуемую лексику (*Россия*, *родина*, *страна*), что позволяет выявить признаковое наполнение концепта *Россия*: *нищая*, *сырая*, *порочная*, *немытая*. Особого внимания в ряду данных слов заслуживает

¹ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. – С. 1139.

² Макогоненко Г. П. Творческий путь Михаила Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах. – М., 1986. – Т. 1. – С. 8.

³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М., 2008. – С. 177.

последнее определение (*немытая*), которое, по мнению исследователей, «представляет собой исключительную по поэтической выразительности и чрезвычайно ёмкую историческую характеристику, вместившую в себя всю отсталость, неразвитость, иначе говоря нецивилизованность, современной поэту России»¹.

Итак, мы можем говорить о том, что в стихотворениях М. Ю. Лермонтова исследуемая нами лексема вступает в контекстуальные ассоциативные связи со «страной рабов и господ», с «немытой Россией», с местом, где царит произвол правящей власти. Это находит отражение и в семантической организации концепта *Россия*, содержательная форма которого включает в себя вышеприведенные смысловые ассоциации.

К репрезентантам рассматриваемой этнокультурной единицы в поэтических произведениях М. Ю. Лермонтова относятся лексемы «патриотической триады» – *Родина*₁ (*родина*₂) – *Отечество*₁ (*отечество*₂) – *Отчизна*₁ (*отчизна*₂). Доминантой данных синонимических единиц, передающих у писателя идею родной страны, является, безусловно, слово *родина* как наиболее многозначная и частотная единица этого ряда.

На наш взгляд, очень яркое и ёмкое определение данной лексемы принадлежит С. Г. Тер-Минасовой, которая говорит о том, что «родина – это всегда личностное, персональное восприятие «своего» демографического пространства, <...> ценностное отношение к которому для субъекта X определяется тем, что: X родился здесь и с детства ощутил себя в кровнородственной связи с окружающими и с ушедшими поколениями; в этом месте X впервые воспринял себя как «часть» окружающей природы (микро- и макрокосма); X впервые обрел здесь друзей и близких и стал «частью» этого неформального социума; X осознал «свой внутренний мир» среди родных и близких на родном языке и воспринимает себя как «часть» этого общего с ними мира; X овладел здесь родным языком и стал «частью» говорящих на нем; X испытал здесь и продолжает испытывать эмоционально положительное отношение к родным местам, к своим родителям и кровнородственным «корням», к близким людям, к знакомым с детства традициям, к родному языку»².

В. И. Даль в своем многотомном и фундаментальном труде – «Толковом словаре живого великорусского языка» – говорит о том, что *родина* – это «родимая земля, чье место рожденья; в обширном значе-

¹ Белинский В.Г. М.Ю. Лермонтов // Белинский В.Г. Статьи и рецензии 1840-1844. – Л., 1941. – С. 452.

² Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – С. 177.

нии – земля, государство, где кто родился; в тесном значении – город, деревня»¹. А если мы обратимся к современным толковым словарям, то увидим, что здесь слово *родина* предстает как многозначное, и трактуется следующим образом: 1. Отечество, родная страна. *Защита Родины*. 2. Место рождения, происхождения кого-нибудь; место возникновения чего-нибудь. *Приехать на родину*². В ходе нашего исследования мы будем исходить из первого, обширного (по В. И. Далю), определения данной лексемы, в связи с которым можно говорить о России как о «большой родине»³ М. Ю. Лермонтова: «Что уж хитрить, пожалуй к бою; / Уж мы пойдем ломить стеною, / Уж постоим мы головою / За *родину* свою!» («Бородино»); «... Старался часто Ингелот / Тревожить пыл его страстей / И полагал, что в них найдет / Он пользу *родины* своей» («Последний сын вольности»); «И душно кажется на *родине*, / И сердцу тяжело, и душа тоскует» («Монолог»); «Всю ночь у пушек пролежали / Мы без палаток, без огней, / Штыки вострилы да шептали / Молитву *родины* своей» («Поле Бородина»).

Как видно из приведенных примеров, Россия-родина в поэзии писателя предстает, согласно С. Г. Воркачеву, как «предел расширения персональной сферы человека, включающей все, что он считает своим, имеющим то или иное отношение к его личности»⁴.

Еще одним экспликантом концепта *Россия*, как было отмечено выше, является лексема *отечество*, называющая «страну, где родился данный человек и к гражданам которой он принадлежит»⁵. В этом понятии органически сливаются географическая и общественная составляющие нашей жизни, в связи с чем отечество представляет собой единство социального и природного факторов. Стоит отметить, что в поэзии М. Ю. Лермонтова рассматриваемое слово имеет торжественную, возвышенную окраску и употребляется преимущественно в контекстах, связанных с защитой интересов родной страны: «И вдруг раздался крик войны, / Подъяты знамена: / Спешат *отечества* сыны – / И ноги в стремени! («Гость»); «Ужель мы только будем петь, / Иль с безнадежием немым / На стыд *отечества* глядеть, / Друзья мои?» («Последний сын вольности»).

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2003. – Т. 4. – С. 11.

² Ожегов С. И. Указ. соч. – С. 549.

³ См.: Воркачев С. Г. Лингвоидеологема «Родина» в научном дискурсе // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2014. – № 1 (28). – С. 5-8.

⁴ Там же. – С. 6.

⁵ Ожегов С. И. Указ. соч. – С. 386.

К данной лексической единице очень близко примыкает и другой репрезентант концепта *Россия – отчизна*, говорящий о духовной сопричастности М. Ю. Лермонтова к судьбе своей страны: «Ужель никто из них не добежал / До рубежа **отчизны** драгоценной?» («Сашка»). Как правило, функционирование этого слова в поэтических текстах писателя сопровождается ярко выраженной эмоциональной окраской, указывающей на то, что Лермонтов испытывает к России особое, сакраментальное чувство, сочетающее в себе неподдельную любовь и ярко выраженный патриотизм: «И крепко, крепко наши спали / **Отчизны** в роковую ночь» («Поле Бородина»); «**Отчизны** верные сыны / Еще надеждою полны: / Там, меж грядями темных туч, / Сквозь слезы бури, солнца луч / Увеселяет утром взор / И золотит туманы гор» («Последний сын вольности»); «Свершит блистательную тризну / Потомок поздний над тобой / И с непритворною слезой / Промолвит: „он любил **отчизну!**”» («Великий муж! Здесь нет награды...»).

Необходимо отметить, что помимо названных номинаций России в поэтических произведениях М. Ю. Лермонтова используются также и следующие описательные наименования (перифразы):

– *родная земля*: «Пришел – с гусями за спиной – / Былую песню заиграл... / Напрасно! – князь **земли родной** / Приказу ханскому внимал...» («Песнь барда»).

– *родная страна*: «О, взгляни приветно в час разлуки / На того, кто с гордою душой / Не боится ни людей, ни муки, / Кто умрет за честь **страны родной**» («Стансы»); «Новгородцы! Обо мне / Не плачьте... я **родной стране** / И жизнь и счастье принес... / Не требует свобода слез!» («Последний сын вольности»); «И было ль то привет **стране родной**, / Названье ли оставленного друга, / Или тоска по жизни молодой, / Иль просто крик последнего недуга – Как разгадать?» («Сашка»).

– *русская земля*: «Горе тебе, **русская земля**, / Атаман между ними сидит. / Хоть его лихая семья, / Как волны, шумна – он молчит» («Атаман»).

– *гордая страна*: «Увы! Пред властию чужой / Склонилась **гордая страна**, / И песня вольности святой / (Какая б ни была она) / Уже забвенью предана» («Последний сын вольности»).

– *святая родина*: «Княжит Рурик в Новгороде, / В диких дебрях бродят юноши; / С ними есть один старик седой – / Он поёт о **родине святой**, / Он поёт о милой вольности» («Песнь Ингелота»).

– *свободный край*: «Свершилось! дерзостный варяг / Богов славянских победил; / Один неосторожный шаг / **Свободный край** поработил!» («Последний сын вольности»).

Немаловажным является то, что Россия у М. Ю. Лермонтова – это не только геополитическое образование, но и, как справедливо отмечал А. Н. Толстой, «весь народ, совершающий на данной площади свое историческое движение. Это – прошлое народа, настоящее и будущее. Это – его своеобразная культура, его язык, его характер»¹. В связи с этим в структуре концепта *Россия* можно выделить еще один смыслообразующий компонент – «общество», возникший в результате метонимического переноса наименования страны на людей, ее населяющих. И если мы обратимся к анализу данного сегмента исследуемой лексемы, то увидим, что Россия у М. Ю. Лермонтова – страна безвольная, малодушная, смирившаяся, живущая без надежды на счастливое будущее: *«Мы, дети севера, как здеиные растенья, / Цветём недолго, быстро увядаем... / Как солнце зимнее на сером небосклоне, / Так пасмурна жизнь наша. Так недолго / Её однообразное течение... / И душно кажется на родине, / И сердцу тяжело, и душа тоскует... / Не зная ни любви, ни дружбы сладкой / Среди бурь пустых томится юность наша, / И быстро злобы яд её мрачит, / И нам горька остылой жизни чаша; / И уж ничто души не веселит»* («Монолог»).

Наблюдая увядающую, неактивную, безынициативную Россию, писатель обращается к её героическому прошлому и в одном из своих самых известных и выдающихся стихотворений – «Бородино» – противопоставляет поколение великих предков слабому поколению последекабрьской России: *«Да, были люди в наше время, / Могучее, лихое племя: Богатыри – не вы! / Плохая им досталась доля: / Не многие вернулись с поля... / Не будь на то господня воля, Не отдали б Москвы!»* («Бородино»). В связи с этим в пределах рассматриваемого концепта развиваются такие взаимоисключающие характеристики, как мощь и бессилие. Как считает В. Г. Белинский, данная антитеза – это своеобразная «жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел»².

Проведённый нами анализ показывает, что в концепте *Россия* у М. Ю. Лермонтова отражаются представления писателя о современном ему обществе. Исходя из взглядов исследователей, можно говорить также о том, что в его поэзии этот концепт «латентно этнонимичен»³, потому что в нем присутствуют оценки как носителей русского менталитета, так и всего русского национального характера.

¹ Цит. по: Воркачев С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография. – Волгоград, 2008. – С. 29.

² Белинский В. Г. Указ. соч. – С. 160.

³ См.: Воркачев С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография. – Волгоград, 2008.

В целом, необходимо отметить, что высказывания поэта о России отличаются особой лиричностью и сопровождаются дополнительными эмоциями, по словам ученых, связанными с включением данного предмета «в центр своей аксиологической области и в свою личную сферу»¹. Так, писатель открыто заявляет о своей любви к родной стране: «Печалью вдохновенный, я пою / О ней одной – и все, что чуждо ей, / То чуждо мне; **я родину люблю**» («Я видел тень блаженства; но вполне...»); «**Люблю отчизну я**, но странною любовью! / Не победит ее рассудок мой» («Родина»). Приведенные высказывания, на наш взгляд, подтверждают мысль ученых о том, что «в сознании русского народа, отстоявшего свою страну в двух отечественных войнах, несмотря на его «бродячий дух» – русские поселения можно встретить в Калифорнии и Чили – «отчизнолюбие» от века занимало место, значимость которого не менялась»² на протяжении многих столетий.

Итак, можно утверждать, что концепт *Россия* в поэзии М. Ю. Лермонтова зачастую приобретает ярко выраженную эмоциональную окраску, в связи с чем наделяется различными элементами коннотации (высок., презр., неодобрит.) и включает в себя разнообразные семантические ассоциации. На уровне отдельных лексических единиц Россия – это прежде всего Родина, отечество, отчизна, которые связаны с содержательными компонентами «государство» и «общество». Все это дает вполне определенные основания считать, что концепт *Россия* в поэтических текстах писателя предстает как многоплановая и многогранная лексическая единица, приобретшая новый, индивидуально-авторский смысл.

Литература:

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
2. Белинский В. Г. М. Ю. Лермонтов // Белинский В. Г. Статьи и рецензии 1840-1844. – Л.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1941. – 264 С.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1563 с.
4. Воркачев С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография. – Волгоград: Парадигма, 2008. – 199 с.
5. Воркачев С. Г. Лингвоидеологема «Родина» в научном дискурсе // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2014. – № 1 (28). – С. 5-8.

¹ Воркачев С. Г. Указ. соч., 2014. – С. 6.

² Воркачев. Указ. соч., 2008. – С. 5.

6. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. – 992 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык. – Медиа. – Т. 4. – 2003. – 688 с.
8. Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
9. Лермонтов, М. Ю. Сочинения в двух томах. – М.: Правда. – Т. 1, 2. – 1988, 1990. – 720 с., 704 с.
10. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
11. Макогоненко Г. П. Творческий путь Михаила Лермонтова // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах. – М.: Правда, 1986. – Т. 1. – С. 3-38.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «Издательство Оникс»: «Издательство «Мир и Образование», 2008. – 736 с.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. – 314 с.
14. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: АСТ-Астрель. – Т. 1. – 2002. – 784 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 624 с.

**Амбивалентность любви М. Ю. Лермонтова
как возможное доказательство его авторства стихотворения
«Прощай, немытая Россия»**

Один из самых весомых аргументов в оспаривании авторства М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Прощай, немытая Россия» заключается в том, что стихотворение непатриотично и противоречит взглядам Лермонтова на Россию, например, изложенным в стихотворении «Родина». Попробуем разобраться с психологической точки зрения мог ли М. Ю. Лермонтов написать такие строки. Чтобы говорить на эту тему, необходимо понять природу любви Лермонтова, которой часто была свойственна высокая степень амбивалентности. Его способность испытывать противоречивые чувства к одному и тому же объекту очень заметна уже в ранней любовной лирике. Чтобы разобраться в природе лермонтовской любви, возьмём теорию объектных отношений из психоанализа.

Теория объектных отношений (object relations theory) – психодинамическая теория, утверждающая, что стремление к взаимоотношениям является главной мотивирующей силой в человеческом поведении. Понятие «объект» появляется впервые у Фрейда, и он описывает его как средство для удовлетворения инстинктов. Он установил соответствие между тревогой, связанной с объектами, и ассоциативными фантазиями, которые коррелируют с фазами психосексуального развития (страхи потери объекта, потери любви объекта). По его мнению, беспомощность и зависимость Ребёнка обуславливают детское ощущение опасности и потребности быть любимым, которые ребёнок пронесёт через всю свою жизнь¹. Материнская фигура – самый первый объект, с которым ребёнок устанавливает близкие отношения. С момента рождения мать является для него главным источником удовлетворения. Послание Матери Ребёнку – это, прежде всего, милосердие: «Я люблю тебя, малыш, просто за то, что ты есть. Не плачь. Я здесь. Я позабочусь о тебе, накормлю тебя, вылечу, приласкаю и дам почувствовать вкус доброты». Когда же Мать отказывается отдавать себя (это означает, что настоящая мама раздражена и говорит: «Отстань и позаботься о себе сам»), Ребёнок переживает тот запредельный ужас, что являет собой сущность

¹ Филлис Тайсон, Роберт Тайсон «Психоаналитические теории развития». – М.: «Когито-центр», 2017. С. 322.

и источник всякого страха¹. Мать становится для Ребёнка враждебным объектом, который он стремится как бы «уничтожить» – именно этим можно объяснить агрессию ребенка по отношению к матери, когда он оскорбляет её и готов броситься на неё с кулаками. Ему кажется, что, если «плохая» Мать уйдёт, вместо неё придёт «хорошая», которая защитит и позаботится. Для этого он направляет на «плохую» Мать всю свою агрессию. Теоретики, придерживающиеся теории влечений Фрейда, исходят из того, что агрессия является врождённым состоянием и оказывает существенное влияние на форму контактов и взаимодействия в детском возрасте. Причём речь здесь может идти не только непосредственно о материнской фигуре, но и о замещающих её объектах.

Ни один взрослый человек никогда не перестанет нуждаться в матери. Накопленный опыт человечества подтверждает, что никто и никогда окончательно не становится взрослым. Величайшие духовные лидеры признавались, что и у них в душе по-прежнему живёт испуганный, нуждающийся в заботе ребенок². Поэтому описанный выше подход может наблюдаться и во взрослом возрасте, когда человек может бессознательно видеть материнскую фигуру в других женщинах, прежде всего в тех, к кому испытывают сильную привязанность, что даёт сильную амбивалентность в чувствах к объекту любви.

Возьму для иллюстрации так называемый Ивановский цикл – большой цикл юношеской любовной лирики М. Ю. Лермонтова, датируемой 1830–32 годами и обращенный к Н. Ф. Ивановой. В первых стихотворениях цикла лирический герой видит в своей возлюбленной идеал, любит её «всем напряжением душевных сил» и дорожит ею «больше своей непобедимой гордой чести». Хочу обратить внимание на ожидания поэта от возлюбленной – он ждёт чтобы она примирила его «с людьми и бурными страстями» и стала его «защитой перед бесчувственной толпой». Такие ожидания скорее характерны от материнской фигуры, нежели чем от фигуры возлюбленной. Далее, после того, как возлюбленная его «обманом наградила» и поэт считает, что она не оправдала его ожиданий, появляется упрекающий, обвинительный тон, он разрывает связь с объектом своей любви («знай, мы чужие с этих пор»³). К объекту своей прежней любви поэт теперь испытывает крайнее презрение.

Доказательством того, что любовь лирического героя Лермонтова сохраняла высокую степень амбивалентности и в 1841 году, может

¹ Джинетт Парис. Мудрость психики: глубинная психология после наук о мозге. – М.: «Когито-центр», 2012. С. 12.

² Там же, С. 219.

³ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2010. С. 153.

служить стихотворение «Свидание». В ожидании встречи, лирический герой преисполнен самых светлых любовных мечтаний:

*Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои¹*

Однако, как только у героя родились подозрения, причём совсем не подтверждённые, герой просто уверен, что он прав («я знаю») его тон сразу кардинально меняется:

*Твоя измена чёрная
Понятна мне, змея!²*

Возвращаясь к Ивановскому циклу, проследим поведение лирического героя после того как он узнал об обмане. В стихотворении «Я не унижусь пред тобой», герой хочет порвать путы несвободы, в которые его поместила «страсть сильнейшая» и стремится бежать из травмирующей его ситуации:

*Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга
Я удалюсь, может быть³.*

Когда человек злится на других и переполнен жалостью к себе, он всерьёз подумывает, о том, чтобы сбежать, надеясь найти успокоение в другом, далёком месте. Такой же мотив гнева и бегства, где южные горы служат убежищем, звучит в интересующем нас стихотворении «Прощай, немытая Россия». Родина, часто воспринимаемая как материнская фигура, также вызывает у поэта очень противоречивые эмоции. Он уже в ранней лирике признаётся в своих горячих чувствах к ней: «я Родину люблю и больше многих», при этом его любовь носит безусловный характер – «но я люблю, за что не знаю сам». Тем не менее, Родина неотделима от правящего режима. Уже в 1832 году поэт замечает, что «куда ни взглянешь, красный ворот, как шиш, торчит перед тобой» и, всё же, он многое своей Родине прощает, хотя и не всё может понять («не победит ее рассудок мой»). Чаша терпения переполняется в апреле 1841 году, когда, получив предписание в 48 часов покинуть Петербург и отправиться на Кавказ, поэт приходит в сильное возбуждение⁴. Имен-

¹ Там же, С. 243.

² Там же, С. 244.

³ Там же, С. 153.

⁴ Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. «Русская Панорама». – М., 2003. С. 535.

но в такой момент и могло родиться стихотворение «Прощай, немытая Россия». Поэт в этот момент видит в России враждебную ему фигуру отвергающей его матери и непроизвольно бросает жёсткие обвинения в её адрес. В стихотворении очень ярко звучат эмоционально окрашенные презрение и злоба. Такие сильные эмоции может вызывать только очень любимый объект, тем более что Лермонтов искренне считает, что любит Россию «больше многих». Отсюда и такой вызывающий тон стихотворения. Если бы поэт так не любил свою Родину, он бы так не нападал на неё¹. Тем не менее, психологически невозможен разрыв с Родиной навсегда, как невозможен разрыв ребенка с матерью.

Если вновь обратиться к Ивановскому циклу, то сразу после упреков и обвинений, звучит понимание, что окончательный разрыв не произошёл:

*Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть²*

Эти строки повторяются дважды в разных стихотворениях в 1832 году. И в отношении России, есть уверенность, что гнев быстро пройдёт, поэт успокоится и, если бы не дуэль, он снова был бы в России³.

В свете теории объектных отношений становится понятно, что Лермонтов вполне мог написать утром стихотворение «Родина», признаваясь России в любви, а вечером «Прощай, немытая Россия», испытывая гнев – он просто видит две разных России – одна вызывает самые теплые чувства, другая, глубоко задевшая его, рождает чувство негодования и обиды.

Известно, что каждое литературное произведение заканчивается тогда, когда выражена его идея. Две финальные строки стихотворения «Прощай, немытая Россия» дают понимание того, чем так сильно был оскорблён Лермонтов – ощущением «несвободы» от постоянной слежки. Ущемление своей свободы Лермонтов всегда воспринимал очень остро, а значит, есть и аксиологическое (ценностное) совпадение, которое также может быть косвенным доказательством авторства М. Ю. Лермонтова с психологической точки зрения.

¹ Даниэл Ранкур-Лаферьер. Русская литература и психоанализ. – М.: «Ладомир», 2004. С. 246.

² Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2010. С. 153.

³ Даниэл Ранкур-Лаферьер. Русская литература и психоанализ. – М.: «Ладомир», 2004. С. 247.

Литература:

1. Даниэл Ранкур-Лаферьер. Русская литература и психоанализ. – М.: «Ладомир», 2004.
2. Джинетт Парис. Мудрость психики: глубинная психология после наук о мозге. – М.: «Когито-центр», 2012.
3. Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. Русская Панорама. – М., 2003.
4. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2010.
5. Филлис Тайсон, Роберт Тайсон. Психоаналитические теории развития. – М.: «Когито-центр», 2017.

Ли Чжэнжун,
перевод Ван Лидань
(г. Пекин, г. Нанькай, Китай)

«Прощай, немытая Россия...»: подлинник или подделка?

В 2014 году отмечалась двухсотлетняя годовщина со дня рождения великого русского поэта М. Ю. Лермонтова. К этой дате китайский журнал «Русская литература и искусство» выпустил специальный номер «М. Ю. Лермонтов 200 лет» (2014, № 3), куда вошла статья Ивана Андреевича Есаулова, вызвавшая значительный интерес. Несмотря на это, и на то, что она демонстрирует совершенно новый взгляд на творчество поэта, моё внимание привлекли некоторые спорные вопросы, которые стоит обсудить.

Первый интересный вопрос: статья Есаулова на самом деле скопирована из двух других статей. После прочтения статьи я осознал, что темы первой и второй частей в ней совершенно разные и по-разному описывают проблему. В первой части¹ автор рассуждает о проблеме подлинности и авторстве стихотворения М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия». А вторая часть статьи² трактует главную идею православных догматов совершенно по-новому в произведении «Песня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». И для того, чтобы найти единый смысл двух частей, я стал искать русский первоисточник этой статьи и нашёл. Я обнаружил, что эта статья состоит из двух других.

Первая статья (то есть первая часть статьи И. А. Есаулова) – «Прощай, немытая Россия...» (*esaulov, blog, Uncategorized, Jan 16, 2014*). Вторая статья (то есть вторая часть статьи И. А. Есаулова) – «Закон и благодать» (*Esaulov, Статьи, Uncategorized, Oct 08, 2014*)³. Прочитав статью, я пришел к заключению, что в ней проявляется очень важная тенденция, то есть утверждается идеологическая позиция «нео-неославянофильства» современного лермонтоведения и прослеживается влияние религиозных догматов на содержание произведений М. Ю. Лермонтова. Но я готов затронуть только один вопрос. И. А. Есаулов пишет, что «в последние десятилетия в русском литературоведении наметились резкие изменения в изучении русской классической литературы, в том

¹ «Русская литература и искусство», 2014, № 3. С. 8-10.

² Там же, С. 10-14.

³ См. также: М. Ю. Лермонтов: Энциклопедический словарь. М.: Индрик, 2014. С. 161-163.

числе, и творчества Лермонтова», что «ещё относительно недавно его творчество понимали в соответствии с общей революционно-демократической мифологией, согласно которой Лермонтов – это борец с царизмом, последователь декабризма, революционный романтик, вольнодумец и богоборец», «однако творчество Лермонтова все-таки не вмещается полностью в подобное понимание. В целом же ряде случаев эта революционно-демократическая мифология задаёт и ложную перспективу, мешает увидеть подлинный лик поэта. А иногда и просто подменяет предмет своего изучения».

Тут я не вполне понимаю, что такое «революционно-демократическая мифология». Посмотрим, как объясняет это сам И. А. Есаулов. Он приводит один пример:

*«Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей»*

Разве это и есть «революционно-демократическая мифология»? И. А. Есаулов считает, что это стихотворение уже стало «визитной карточкой» как Лермонтова, так и фантастической «немой» России. По мнению И. А. Есаулова, это стихотворение не принадлежит перу Лермонтова, потому что в тексте есть много неточностей. И. А. Есаулов считает, что это «ложная перспектива», так как «мистифицирована история текста» («Прощай, немая Россия»).

И. А. Есаулов заметил, что многие разделяют мнение, что «в обсуждении проблемы атрибуции стихотворения «Прощай, немая Россия», включённого в школьную программу и почти во все издания как лермонтовский текст, возобладали скептическая точка зрения: мистифицирована история текста, нет автографов, известны два «списка», оба исходят от П. И. Бартенева; до 1873 г. **текст никому не был известен и, судя по всему, не существовал**. М. Эльзон предположил, что автором этого стихотворения был сам П. И. Бартенев¹. Стихотворение подражательно – узнаваем первый стих: «Прощай, свободная стихия...» (Пушкин). Так ученически Лермонтов в зрелые годы не писал. Каждый его

¹ Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немая Россия...» // Звезда. 2004. № 2. С. 208.

стих уже был воодушевлён поэзией. Здесь же – выверенная риторика, но нет поэзии (В. Н. Захаров)».

И. А. Есаулов также отметил, что такое скептическое отношение к лермонтовскому авторству не им самим изобретено, он цитирует статью В. Н. Захарова «Современное лермонтоведение в конкурсах РГНФ», опубликованную в Вестнике РГНФ (2013, № 4, 74). Насколько я знаю, Вестник Российского гуманитарного научного фонда – это один из авторитетных и солидных журналов. Однако у меня осталось много вопросов к точке зрения В. Н. Захарова, выдвинутой им в этом солидном научном журнале.

1-й вопрос. Почему М. Эльзон предположил, что автором этого стихотворения был сам П. И. Баргенов?

2-й вопрос. Почему лишь «скептическая» точка зрения в статье М. Эльзона рассматривается в статье В. Н. Захарова уже как точное суждение (определение), а в статье И. А. Есаулова стихотворение «Прощай, немытая Россия» – уже не лермонтовский текст, и его надо удалить из основного корпуса стихотворений поэта? Ведь М. Эльзон пришёл только к такому выводу: «до тех пор, пока не найдется утраченный (?) «подлинник» (?), о котором П. И. Баргенов сообщил П. А. Ефремову, либо список, безусловно датируемый до 1873 г., вопрос об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия...» следует считать открытым. Если печатать его в сочинениях Лермонтова, то лишь в разделе “Dubia”». И точка. М. Эльзон лишь предложил включить это стихотворение в раздел «Dubia».

3-й вопрос. В статье И. А. Есаулова написано, что «Стихотворение подражательно – узнаваем первый стих: «Прощай, свободная стихия...» (Пушкин)». Спрашивается, почему Лермонтову нельзя было подражать Пушкину?

4-й вопрос. В статье И. А. Есаулова ещё сказано, что «так ученически Лермонтов в зрелые годы не писал. Каждый его стих уже был воодушевлён поэзией. Здесь же – выверенная риторика, но нет поэзии. (В. Н. Захаров)». Разве это стихотворение было сочинением ученика? А на какой период приходились так называемые зрелые годы творчества Лермонтова? Ведь поэт прожил только неполные 27 лет. Неужели в стихотворении нет поэзии?

Наконец, к подобным выводам И. А. Есаулов, возможно, приходит потому, что надеется, что «сомнительный текст, десятилетиями выдававшийся за лермонтовский, как подчёркивалось в публикациях последних лет неоднократно, во всяком случае, уже не будет в школах и университетах России подаваться как своего рода «визитная карточка» как

Лермонтова, так и фантастической «немытой» России»¹.

Как китайскому исследователю-любителю русской литературы, мне очень нравится творчество Лермонтова, но, по сравнению с Вами, я всё-таки иностранный исследователь и, следовательно, я Ваш ученик. Прошу Вас помочь мне разобраться, действительно ли стихотворение «Прощай, немытая Россия...» написано Лермонтовым? Это стихотворение подлинник или подделка?

Я читал статью К. В. Пигарёва «Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия...», опубликованную в «Известиях Академии наук СССР. Отделение литературы и языка»². Автор утверждает, что «Стихотворение Лермонтова «Прощай, немытая Россия...» в автографе не известно», что «Впервые оно было напечатано П. А. Висковатовым в журнале «Русская старина» за 1887 г. (№ 12, С. 738-739) в следующей редакции: “Прощай, немытая Россия, Страна...”».

Продолжение цитаты: «В таком чтении стихотворение вошло в I том «Сочинений» Лермонтова, выпущенный в 1889 г. под редакцией того же Висковатова».

Далее читаем: «В следующем 1890 г. стихотворение вновь появилось как «неизданное» в журнале «Русский архив», № 11, стр. 375, с пометой после текста: «Записано со слов поэта современником». От текста, напечатанного в «Русской старине», текст «Русского архива» отличается чтением 5-6 строк...».

К. В. Пигарев продолжает: «В иной редакции стихотворение было помещено Д. И. Абрамовичем в «Полном собрании сочинений» Лермонтова, т. 2, СПб., 1910, стр. 336-337, вышедшем в серии «Академическая библиотека русских писателей». Здесь строка 4 читается: «И ты, послушный им народ», строка 5 – так же, как в тексте «Русской старины», а строка 6 – “Укроюсь от твоих пашей”».

Продолжение цитаты: «Источником текста указана копия Лермонтовского музея, причём из комментария явствует, что текст воспроизведен в издании не вполне точно, – вероятно, по цензурным соображениям».

Итак, имеем в виду, что разночтения в копиях стихотворения, по мнению К. В. Пигарева, может быть, были вызваны по причине цензуры.

Далее К. В. Пигарев пишет, что «Комментатор отмечает, что стих

¹ «Русская литература и искусство. 2014, № 3, С. 10.

² Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. XIV. Вып. 4. С. 372-373.

б в упомянутой копии читается иначе, чем в «Русской старине» и «Русском архиве», а именно: вместо слов «вождей» или «пашей» в копии значится «ц. .ей», т.е. «царей» <...> Точное чтение данного списка восстановлено Б. М. Эйхенбаумом в «Полном собрании сочинений» Лермонтова, (т. II, М. Л., «Academia», 1936, С. 88), где стихотворение напечатано так:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей».*

Тогда посмотрим, как это комментировал Б. М. Эйхенбаум: «Текст, сообщенный Бартевым, по-видимому – самый авторитетный. По-сылая его, Бартев пишет: «Вот еще стихи Лермонтова, *списанные с подлинника*». Очевидно, что Б. М. Эйхенбаум не «умолчал» об авторстве стихотворения, как отметил М. Д. Эльзон в 1936 г., вот его словам: «В 1936 г. Б. М. Эйхенбаум привел цитату из публикуемого мною впервые письма П. И. Бартева к П. А. Ефремову (см. ниже), но **об упоминании в нём списка умолчал**»¹.

На наш взгляд, очень ценно то, что К. В. Пигарёв нашёл более новую копию: «В Центральном государственном архиве литературы и искусства среди бумаг Н. В. Путьты² хранится список этого стихотворения <...>. Список сделан П. И. Бартевым; после текста имеется приписка его же рукою: “С подлинника руки Лермонтова”».

Но в статье «Об авторе стихотворения “Прощай, немытая Россия...”» Эльзон вовсе не упомянул об этой важной статье К. В. Пигарёва, где обсуждается проблема авторства стихотворения. Непонятно, почему Эльзон не сказал о К. В. Пигарёве, так как после упоминания о Б. М. Эйхенбауме он перечислил мнения многих других исследователей: «Затем на наличие «копии ИРЛИ» указала Л. Н. Назарова <...> В изданиях 1964-1989 гг. И. Л. Андроников, Э. Э. Найдич, И. С. Чистова и др. сообщали о существовании двух-четырёх списков (копий, вариантов)», а о К. В. Пигареве – ни слова.

¹ Эльзон М. «Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия...» // Звезда. 2004. № 2. С. 208.

² Фонд 394, опись № 1, ед. хр. № 63, л. 46.

Итак, можем ли мы верить Бартеневу? И. А. Есаулов и В. Н. Захаров ему не верят: «Мистифицирована история текста, нет автографов, известны два «списка», оба исходят от П. И. Бартенева; до 1873 г. текст никому не был известен и, судя по всему, не существовал». М. Эльзон тоже не верит и даже рискует «высказать предположение, что П. И. Бартнев написал *своё* стихотворение как пушкинист (ср.: «Прощай, любезная калмычка...», «Прощай, свободная стихия...») и под «современником» имел в виду... себя (подсказка А. С. Краско) ... Был ли он теософом?».

Но вместе с тем мы знаем, что «при жизни Лермонтова появился лишь один сборник его стихотворений (1840), содержащий 26 стихотворений и две поэмы»¹. Нам также известно, что «Отдельные стихотворения и группы стихотворений Лермонтов печатал в «Отечественных записках» в 1839, 1840 и в 1841 годах (по июль включительно); в других изданиях напечатаны стихотворения «Весна» («Атеней», 1830), «Бородино» («Современник», 1837), «Узник» и «Ангел» («Одесский альманах» за 1840 год), «И скучно и грустно» («Литературная газета», 1840) и «Спор» («Москвитянин», 1841)» (См.: Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957).

Мы обратили внимание и на посмертные публикации поэта. Первые посмертные публикации больших групп стихотворений по имеющимся автографам были осуществлены А. А. Краевским в «Отечественных записках» в 1841 (начиная с августа), 1842 и 1843 годах (это 1-й этап – публикации вскоре после смерти поэта); А. Н. Афанасьевым, П. А. Ефремовым, М. П. Полуденским, С. А. Рачинским в «Библиографических записках» (1858, 1859 и 1861); С. С. Дудышкиным в «Отечественных записках» (1859) (это 2-й этап – публикации через 10-20 лет после смерти поэта); П. А. Ефремовым, П. А. Висковатовым в «Русской старине» (1872, 1873, 1875, 1877 и 1882); П. А. Висковатовым в «Русской мысли» (1881, 1882, 1883 и 1884); И. М. Болдаковым в «Северном вестнике» (1889, 1891); А. И. Соколовым в «Саратовском справочном листке» (1875, 1876), (в Саратове в 1875 году была найдена нынешняя тетрадь XX) и др. (это 3-й этап – публикации через 30-40 лет после смерти поэта).

Кроме того, в последующие сто лет отдельные стихотворения публиковались в «Утренней заре» (1842), «Современнике» (1854, 1857), «Атене» (1858), «Русском архиве» (1863, 1867, 1871, 1872), альманахе

¹ Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957.

«Радуга» (1922), «Литературной газете» (1939) и «Литературном наследстве» (т. 19-21, 1935 и т. 58, 1952) (См.: Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957).

Такова история изданий сочинений Лермонтова. В вышеуказанной истории изданий, в посмертных публикациях поэта было много сочинений без автографов. Неужели мы должны включать все сочинения не известные в подлиннике в раздел «Dubia», как сделал М. Д. Эльзон? Или будем удалять их из основного корпуса стихотворений поэта, как предложил И. А. Есаулов?

Итак, можем мы верить Бартеневу или нет? **Пётр Александрович Ефремов** (1830-1908) верил. Он был библиографом, редактором, литературоведом, издателем, историком русской литературы, публикатором и комментатором сочинений русских классиков. Он первым обнаружил текст «Прощай, немытая Россия», извлечённый из письма П. И. Бартенева к П. А. Ефремову от 9 марта 1873 г. **Павел Александрович Висковатов** (1842-1905) верил. Он был историком литературы времён царской России. Следует особо отметить, что он был и редактором собрания сочинений Лермонтова с первой научной биографией поэта. Верил и **Дмитрий Иванович Абрамович** (1873-1955), который был редактором «Полного собрания сочинений» (1910, 1914) Лермонтова времён царской России. И обращаю Ваше внимание на то, что они не были «союзниками» (напомню цитату: «от сомнительных русофобских штампов в изучении отечественной словесности, если наше литературоведение действительно хотело бы становиться наукой, а не идеологическим подспорьем, где русских писателей рассматривают как «союзников» в своей непримиримой борьбе с «проклятой царской Россией», давно уже пора освобождаться» (И. А. Есаулов)). **Борис Михайлович Эйхенбаум** (1886-1959) тоже верил. Он был великим русским литературоведом, текстологом, источниковедом, филологом и одним из ключевых деятелей «формальной школы».

Я тоже уверен в этом, потому что мы все знаем, что после написания «Смерти поэта», Лермонтов был заключён в тюрьму начальниками третьего отделения канцелярии, и вскоре был отправлен в ссылку на Кавказ. Мы знаем и то, что Лермонтов, будучи в отпуске в Петербурге, получил приказ немедленно вернуться на Кавказ. Так что не являются ли строки «...немыта Россия, Страна Рабов, страна господ» отражением его мыслей и состояния души?

Возможно, в стихотворении «Прощай, немытая Россия...» он подражал Пушкину, но, я считаю, что это подражание очень удачно.

В произведениях Лермонтова существуют две России: одна – «великая», как в стихотворении «Бородино», другая «не свободная», как в стихотворениях «Смерть поэта», «Пленный рыцарь», «Тучи» ...

Я считаю, что Лермонтов был хорошим ритором, в его стихотворениях прослеживается высокая поэтика, что можно отнести и к его политической лирике.

Лермонтов не нуждается в адвокатах

Теперь говорят, что стихотворение «Прощай, немытая Россия...» написал не Лермонтов, поскольку подтвердить его авторство нечем: стихотворение не было напечатано при жизни поэта, и автограф его до нас не дошёл. Ещё говорят, что написал его другой человек – поэт Дмитрий Минаев, известный стихотворными пародиями и не раз прибегавший к лермонтовскому наследию для своих сатирических переложений. Вот он, как уверяют, заодно и настроил «Немытую Россию». И она есть теперь вовсе не лермонтовский шедевр, «облитый горечью и злостью», а всего лишь некое карикатурное подражание.

Однако спросим себя: существует ли автограф Минаева, который мог бы подтвердить его авторство? Ответим: нет, не существует. А было ли стихотворение опубликовано при его жизни и за его подписью? Тоже нет. Тогда почему Минаев, а не Лермонтов? Странная логика...

Да, стихотворение не было опубликовано при жизни Лермонтова, но разве можно было тогда увидеть нечто подобное в печати? Отсутствие автографа, история публикации стихотворения много лет спустя после смерти Лермонтова могут вызывать сомнения в его авторстве. Могут, но только у дилетантов, вульгаризаторов лермонтоведения, не имеющих ни необходимых познаний, ни должного опыта и способностей для проведения научного анализа стихотворного текста. Вероятно, и не подозревающих даже, что такая возможность существует.

Исследование лексического состава, синтаксической структуры, образного строя, стихотворной формы и, разумеется, содержания этого маленького шедевра, то есть всех особенностей поэтического мышления того, кто его создал, убеждают меня в том, что именно Лермонтов и мог его написать.

Еще говорят, что Лермонтов был патриот, что очень любил родину, а потому и не мог написать о России – немытая. Но почему же мы должны решать за поэта, какое слово ему можно употребить, а какое нельзя?

Лермонтов не нуждается ни в адвокатах, неизмеримо более низких по уровню интеллекта, чем он сам, ни в воинствующих охранителях его патриотизма, истинного содержания которого они, увы, понять просто не в состоянии.

Кто прощался с немойтой Россией, уезжая на Кавказ?

Прочитав стихотворение «Прощай, немойтая Россия», В. Г. Короленко записал в дневнике 7 ноября 1890 года: «Ярко и сильно. Лермонтов умел чувствовать как свободный человек, умел изображать эти чувства»¹. Исследователи творчества Лермонтова неизменно расценивали это стихотворение как вершину политической лирики поэта, одно из самых сильных и смелых его произведений.

Ни у кого из лермонтоведов, включая и такого непревзойдённого знатока литературного стиля как В. В. Виноградов, авторство Лермонтова не вызывало сомнений. Когда в 1989 году одновременно появились две статьи В. Бушина², в которых оно ставилось под сомнение, это не привлекло особого внимания. Но в 1994 году в газете «Литературная Россия» выступил Г. Ключёнов с подобной же гипотезой³, а в послесловии редакции газеты выдвигалось парадоксальное предположение, что стихотворение написано П. И. Бартеневым, издателем «Русского архива», в письме которого к издателю сочинений русских классиков П. А. Ефремову был впервые в 1873 году воспроизведён текст стихотворения. В начале 2004 года была опубликована статья петербургского исследователя М. Д. Эльзона⁴, который на основе новых архивных данных не только отрицал авторство Лермонтова, но и утверждал, что это мистификация Бартенева. Вопрос уже требовал нового объективного рассмотрения, тем более что известно мнение некоторых литературоведов, хотя и не выступивших в печати по этому поводу, но также сомневающихся, что стихотворение написано Лермонтовым.

Главный довод В. Бушина и Г. Ключёнова, приверженцев этой гипотезы и, видимо, главное побуждение для выступления в печати – это стремление доказать, что стихотворение «Прощай, немойтая Россия» «неорганично для всего творчества Лермонтова», непатриотично, противоречит взглядам Лермонтова на Россию, на русскую жизнь, несовме-

¹ Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма. – М., 1988. – С. 331.

² Бушин В. Курьёз с шедевром // Слово. 1989. № 10. С. 45-48. Вариант под загл.: Странная судьба одного стихотворения // Кубань. 1989. № 10. С. 80-90.

³ Ключёнов Г. Об одной очень старой мистификации // Лит. Россия. 1994. 18 февр. С. 12.

⁴ Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немойтая Россия» // Звезда. 2004. № 2. С. 206-209.

стимо с идеей стихотворения «Родина», а в редакционном заключении «Литературной России» даже высказывалась мысль, что оно было рас-пропагандировано русофобскими идеологами. Такой авторитетный ли-тературовед как Г. П. Макогоненко счёл, что «Прощай, немая Россия» по своему пафосу не могло быть написано в одном году с «Родиной», и отнёс его к 1840 году¹. Б. М. Эйхенбаум, напротив, видел их опре-делённое единство. «Это стихотворение, обращённое к официальной России – писал он – прекрасно оттеняется другим – «Родина»². Есть ли действительно противоречие между этими поэтическими инвективами и несомненным патриотизмом поэта?

Недавно в своём выступлении Виталий Коротич по другому поводу высказал очень точную мысль, существенную в данном случае. Он на-помнил, что советские годы приучили нас рассматривать понятия «Ро-дина» и «государство» как нечто единое. Но это далеко не одно и то же. Не видел такого противоречия и французский путешественник Альфред де Кюстин. Посетив Россию в 1839 году, он писал: «Я видел в России людей, краснеющих при мысли о гнёте сурового режима, под которым они принуждены жить, не смея жаловаться; эти люди чувствуют себя свободными только перед лицом неприятеля; они едут на войну в глуби-не Кавказа, чтобы отдохнуть от ига, тяготеющего на их Родине»³. Фран-цуз уловил настроение подлинных патриотов. Удивительно, насколько эти строки созвучны стихотворению Лермонтова.

П. А. Вяземский в своей записной книжке, сочувственно процити-ровав первую строку «Родины», замечает, что есть у нас многие, кто «в минуту чистосердечия» мог бы сказать:

*Россию я люблю, но странною любовью,
Всё хочется сильней мне обругать её.*

И продолжает: «Хомяков, без сомнения, любил Россию чистою, возвышенной и просвещённой любовью», но и он написал однажды:

*Безбожной лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна.*

¹ Макогоненко Г. П. Лермонтов и Пушкин: Проблемы преемственного развития ли-тературы. Монография – Л.: Сов. писатель, 1987. С. 304-306.

² Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. М. – Л., 1961. С. 332.

³ Этот отрывок из книги Кюстина «Россия в 1839 году» (оригинал по-французски) впервые со стихотворением Лермонтова сопоставила Э. Г. Герштейн в статье «Лермонтов и кружок шестнадцати», в кн.: «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Исследования и материалы. Сборник первый». – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1941 – С. 105-106.

Не одобряя резких выражений по отношению к России, Вяземский, всё-таки, замечает: «И это, может быть, своего рода патриотизм»¹.

Почему любовь к Родине, к родной природе, к крестьянскому быту несовместима с гневными строками, обращёнными к «стране рабов, стране господ»? Своё отношение к духовному и социальному гнёту русской действительности Лермонтов высказал уже в одном из ранних своих стихотворений: «Жалобы турка».

Другим доводом в пользу своей гипотезы авторы, отрицающие принадлежность Лермонтову стихотворения, аргументируют тем, что стихотворение долгие годы не было известно, в печати не появлялось, не было переправлено Герцену в «Полярную звезду» или в «Колокол». Бушин даже удивляется, что Бартнев, получив этот текст в 1873 году, не отослал его Герцену (которого уже три года не было в живых)².

«Такое стихотворение не могло оставаться ненапечатанным с 1856 г. (года возникновения вольной печатной лермонтовьяны) – если бы, разумеется, оно существовало»³, пишет Эльзон. Но далеко не все знали о свободной заграничной печати и тем более не считали нужным что-либо туда посылать.

Из публикации М. Д. Эльзона мы знаем, что Бартнев в поисках лермонтовских текстов связывался с М. А. Столыпиной, Акимом Павловичем и Алексеем Павловичем Шан-Гиреями, с А. Н. Карамзиным. Можно, конечно, упрекать их в том, что они не понимали своего святого долга сделать этот текст достоянием публики. Это ясно нам, живущим ныне. Но часто приходится сталкиваться с тем, что в XIX веке представление об этом было другим.

Мы можем с горьким недоумением спрашивать, почему лучший друг поэта, С. А. Раевский, не написал о нём воспоминаний, как он мог подарить Е. А. Карлгоф-Драшусовой автограф двух неизданных стихотворений Лермонтова «Никто моим словам не внемлет...» и «Моё грядущее в тумане», и они нашлись и были опубликованы только в 1935 году, а могли совсем потеряться. Почему не написали воспоминаний ни Г. Г. Гагарин, с которым Лермонтов жил в одной палатке в походе 1840 года (известны их совместные живописные работы), ни С. Н. Карамзина, которая прекрасно понимала значение Лермонтова? Как она могла уничтожить стихотворение Лермонтова 1840 года, потому что оно ей не понравилось? Как мог нежно любимый поэтом его друг и род-

¹ Вяземский П. А. Старая записная книжка. – М., 2003. – С. 474-475.

² Бушин В. Курьёз с шедевром // Слово. 1989. № 10. С. 46.

³ Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия» // Звезда. 2004. № 2. С. 206-209.

ственник А. П. Шан-Гирей сокрушаться, что сохранились многие ранние произведения Лермонтова?¹.

Таких вопросов можно, к несчастью, задать очень много. Что же удивляться, что у кого-то был список, а может быть, и автограф стихотворения Лермонтова или кто-то слышал и помнил его наизусть. Короткие стихотворения часто не записывают, а запоминают или считают, что запомнили. Отсюда многие разночтения в их копиях.

Подозрительным кажется некоторым авторам и то, что первые публикаторы этого стихотворения П. А. Висковатов (в 1887 г.) и П. А. Бартнев (в 1890 г.) не снабдили свои публикации указаниями, где находится источник текста, от кого он получен, как сделал бы любой современный публикатор. Но как оформлялись посмертные публикации стихотворений Лермонтова? В большинстве случаев, так же как «Прощай, немытая Россия», не сопровождалась никакими предупреждениями «Сон», «Тамара», «Утёс», «Листок», «Из-под таинственной холодной полумаски» и многие другие. Иногда публикации снабжались такими примечаниями: «Счастливый случай доставил нам в руки ещё восемь стихотворений Лермонтова»². Или: «В то время как второе полное издание стихотворений Лермонтова вышло в свет, я случайно и неожиданно получил целую поэму Лермонтова, ещё не известную публике»³. О местонахождении источника текста – ни слова.

В «Библиотеке для чтения», в 1845 году, сообщалось при публикации одиннадцати стихотворений Лермонтова: «Редакция имеет в своих руках около сотни стихотворений, приписываемых Лермонтову, в рукописи, принадлежавшей одному из его друзей»⁴. Сенковский выбрал и напечатал стихотворения, под которыми стояла фамилия «М. Л-тов». Кому принадлежала рукопись? Куда она потом делась? Копии с оставшихся произведений явно сделаны не были. А ведь Сенковского можно упрекать в чём угодно, только не в невежестве.

Действительно, остаётся много неразрешённых вопросов, относящихся к тексту стихотворения. Посылая книги П. А. Ефремову, а затем Н. В. Путьте, Бартнев помечает: «списано с подлинника», «с подлинника руки Лермонтова»⁵. Не «копия с автографа», а «списано». Кем? Бартнев сам списал с подлинника (может быть, с рукописи, которую

¹ Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит. 1989. – С. 33, 36, 39, 45, 53, 401.

² Отечественные записки. 1843. № 12. Отд. 1. С. 194.

³ Отечественные записки. 1843. № 3. Отд. 1. С. 1.

⁴ Библиотека для чтения. 1845. № 1. Отд. 1. С. 5.

⁵ Пигарев К. В. Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия» // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1955. Т. 14. Вып. 4. С. 372-373.

он считал подлинником) или в таком виде ему доставили текст? В этих копиях есть разночтение в одном слове («послушный» – «покорный»). В 1890 году Бартенев опубликовал стихотворение в «Русском архиве»¹ уже с разночтениями в трёх словах. М. Д. Эльзон считает их авторской правкой. Однако, этому может быть другое, более естественное объяснение. И. Л. Андроников² и С. А. Андреев-Кривич³ считали, что у Бартенева были сначала две копии, а на публикацию он решился, когда получил наиболее авторитетный текст. Но могло быть и иначе. Бартенев мог произвольно вносить правку в единственный список. В. Я. Брюсов, который некоторое время работал в редакции «Русского архива», писал: «Как издатель Бартенев принадлежал, бесспорно, не к нашей эпохе. Современные методы исследования и издания документов были ему чужды... Он почитал себя вправе не только сокращать, но порою даже подновлять печатаемый текст»⁴. Поэтому не исключено, что он счёл возможным заменить «преданный народ» на «послушный» или «покорный», так как слово «преданный» в смысле «переданный», «отданный» в употреблении первой половины XIX века к семидесятым годам звучало уже двусмысленно, что смущало многих исследователей и в наши дни. По всей вероятности, тот список, которым пользовался Д. И. Абрамович при подготовке академического издания и список, отправленный Н. Н. Буковским А. В. Орешникову⁵, также восходят к списку (или спискам), находившемуся у Бартенева. Но всё это никак не свидетельствует в пользу его авторства.

Обосновывая свою точку зрения, Эльзон исследует оборот письма П. И. Бартенева 1873 года с текстом стихотворения «Прощай, немытая Россия», где рукой Ефремова записана четвёртая строфа стихотворения «Из альбома С. Н. Карамзиной» и имеется пометка «От Ал<ексан>дра Ник<олаевича>». Таким образом, – пишет Эльзон, – текст и комментарий были получены издателем при личной встрече с А. Н. Карамзиным, и единственным условием было, по-видимому, не называть источник⁶. С этим трудно не согласиться, хотя не исключено, что текст был послан или передан с кем-то, а главное, это относится не к стихотворению

¹ Русский архив. 1890. № 11. Стлб. 375.

² Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х тт. – М.: Худож. лит.-ра, 1975. – Т. 1. С. 548.

³ Андреев-Кривич С. А. Нет, это не Лермонтов // М. Ю. Лермонтов. Проблемы идеала. – Куйбышев – Пенза. 1989. С. 141.

⁴ Брюсов В. Обломок старых поколений: П. И. Бартенев // Русская мысль. 1912. Кн. 12. С. 116.

⁵ Андреев-Кривич С. А. Нет, это не Лермонтов // М. Ю. Лермонтов. Проблемы идеала. – Куйбышев – Пенза. 1989. С. 141.

⁶ Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия» // Звезда. 2004. № 2. С. 206-209.

«Прощай, немая Россия», а к последней строфе «Из альбома С. Н. Карамзиной». Эльзон считает эту запись Ефремова черновиком его ответного письма Бартеневу. «П. И. Бартенев прочёл четверостишие, увидел в нём намёк и понял, что его авторство установлено и, разумеется, уничтожил письмо», – делает странное и неожиданное заключение Эльзон, хотя совершенно ясно, что Ефремов на листке, где Бартеневым было записано стихотворение «Прощай, немая Россия», приписал на обороте строфу, полученную от Карамзина, и передал в Лермонтовский музей вместе с копией ещё одного стихотворения Лермонтова. В музее их скрепили и сделали надпись: «Копия с 3-х неизданных стихотворений М. Лермонтова» и «от П. А. Ефремова». Увидеть здесь что-либо похожее на ответное письмо очень трудно. Эльзон, тем не менее, считает, что у Бартенева были основания мстить Карамзину. За что? За то, что он сообщил неизвестную строфу стихотворения, обращённого к его сестре С. Н. Карамзиной? Всё это, мягко говоря, неубедительно.

Между тем, существует обстоятельство, которое исключает авторство Бартенева. В письме Н. Н. Буковского к А. В. Орешникову есть сведения, не известные Бартеневу. Буковский под текстом указал: «1841 г. Москва. Перед отъездом в последний раз на Кавказ»¹. Значит, был ещё источник текста с указанием даты и места написания.

Игнорируя этот факт, редакция «Литературной России» считает, что Бартенев пустился на эту мистификацию в интересах тиража и для «спасения очередного номера». «Написать восемь дубовых строчек, хоть и с трудом, с помощью заимствований у Пушкина – это ему было вполне по силам»². Почему-то созвучность (но далеко не настроение) первой строки Лермонтова и пушкинского «К морю» и Клечёнову, и Эльзону кажется признаком литературной подделки. Хорошо, что сохранился автограф «Паруса», а то и его объявили бы мистификацией.

Интересно, что, уверовав в то, что стихотворение написано не Лермонтовым, приверженцы этой теории сразу пришли к мнению, что оно безобразно по форме. «грубость, топорность строк», «бездарная подделка», «подражательная мазня», – такими определениями награждают они это произведение Лермонтова.

Вероятно, самое главное обстоятельство, которым надо руководствоваться при решении этого вопроса, – это личность Бартенева, всю жизнь посвятившего собиранию и публикации документов по русской истории, по истории литературы, без которых наша наука была бы намного беднее.

¹ Андреев-Кривич С. А. Нет, это не Лермонтов // М. Ю. Лермонтов. Проблемы идеала. – Куйбышев – Пенза. 1989. С. 141.

² Литературная Россия. 1994. 18 февр. С. 12.

И Бушин, и Клечёнов ссылаются на то, что Бартнев, по нашим меркам, был плохим публикатором. Правда, В. Бушин при этом замечает: «Здесь, однако, нельзя не заметить, что нынешние критики Висковатова и Бартенева, давая крайне неодобрительные аттестации им как публикаторам, не всегда принимают во внимание тогдашний общий уровень и археографии, и библиографии, и публикаторского дела, не берут в расчёт известную простоту нравов, царившую в этой сфере деятельности»¹.

Но ведь Бартенева обвиняют не в небрежной публикации, а в подделке. От несовершенной публикации до мистификации очень далеко. Дать в печать и фонд Лермонтовского музея фальшивку, а затем хладнокровно наблюдать, как она печатается в собраниях сочинений Лермонтова, в том числе и академическом (Бартнев умер в 1912 году) – это уже не «весёлый розыгрыш».

* * * * *

Так как в последнее время появились новые печатные и устные доводы против авторства Лермонтова, я считаю нелишним прибавить ещё следующие дополнения. Не повторяя того, что было сказано другими участниками круглого стола, а также в книгах В. А. Захарова² и Е. Л. Сосниной³, я хотела бы остановиться на нескольких вопросах.

Первое, как могло случиться, что стихотворение не было опубликовано до 1873 года, если существовали списки? Сейчас трудно представить себе отношения к текстам Лермонтова в то время. Ярким примером этого может служить история двух текстов «Моё грядущее в тумане...» и «Никто моим словам не внемлет...». В 1844 г. Е. А. Карлогоф-Драшусова подобно чеховской попрыгунье, стремилась в своем салоне собирать знаменитостей. Поэтому она обратилась к С. А. Раевскому с просьбой прислать ей автограф неизвестного стихотворения Лермонтова. (Каково такая просьба звучит в наши дни?!).

И тот с готовностью прислал ей автографы двух стихотворений. Она могла с торжеством демонстрировать их своим гостям, но никаких ша-

¹ Бушин В. Курьёз с шедевром // Слово. 1989. № 10. С. 45-48. Вариант под загл.: Странная судьба одного стихотворения // Кубань. 1989. № 10. С. 80-90. С Бушиным полемизировал только А. В. Очман, но его статья не нашла должного отклика, так как была помещена в нефилологическом издании Ростовского университета путей сообщения. См.: Очман А. В. «Прощай, немытая Россия...»: Проблема авторства / Межвузовский сб научных трудов: Гуманитарные науки. Вып. 8. Минеральные воды. 2003. С. 142-148.

² Захаров В. А. Прощание с «немытой» Россией: споры о стихотворении М. Ю. Лермонтова и проблемы историографии. М.: изд-во «Русская панорама», 2017. – 142 с.

³ Соснина Е. Л. «Прощай, немытая Россия» – стихи на смерть общественного быта (патриотизм правды и литературное осмысление драматизма истории имперской России). Пятигорск: ПГУ, 2017. – 110 с.

гов для публикации ни она, ни ее высокообразованные гости сделать не потрудились, и, чудом пережив эпоху, когда личные архивы и рукописи пропадали бесследно, эти стихотворения были обнаружены в 1935 году. А ведь более 40 произведений Лермонтова были опубликованы после 1873 года, и у каждого из них своя история.

Отмечалось, что нет списков, выполненных рукой переписчика. Но следует учитывать, что такие короткие стихотворения не давали переписчикам, а записывали со слов собеседника или запоминали. Это, конечно, могло приводить к разночтениям. Естественно, что нет «Прощания» в книге Одоевского. Оно, вероятно, было создано до начала её заполнения. К тому же, есть основания предполагать, что Лермонтов замышлял сборник стихотворений под названием «Восток», и это восьмистишие не соответствовало по содержанию.

Поскольку мне лично было высказано мнение, что во времена Лермонтова жандармы якобы не носили голубые мундиры, приходится обратиться и к этому вопросу. В постановлении от 19 июня 1827 года значилось: «Жандармским генералам и штаб и обер-офицерам установлены сюртуки и шинели светло-синего сукна»¹.

1) Слово «голубой» не употребляется. «Светло-синий» – это калька с немецкого. (По-немецки «синий» – «blau», «светло-синий» – «hell blau»). Вероятно, для Бенкендорфа это звучало более привычно и официально, чем «голубой». Но в русском обиходе естественно было обозначить этот цвет как голубой. Так, современник Лермонтова писал, что в Пятигорске появилось много жандармов и «на каждой лавочке отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру»².

2) Следует учитывать также наблюдение Е. Л. Сосниной, что под голубыми мундирами поэт мог подразумевать не только жандармов, но и многих высокопоставленных лиц.

В отношении несогласованности в стихотворении «всевидащего глаза» (единственное число) и «всеслышащих ушей» (множественное число), необходимо принять во внимание, что первое выражение восходит к символическому образу «всевидащее око», который относится только к Богу. Поэтому Лермонтов, желая вызвать у читателя ассоциацию с этим божественным символом, не мог, конечно, воспроизвести его дословно, относя к полицейскому государству то, что имеет божественное начало. Это была бы дерзость, грубая дерзость, может быть, кошун-

¹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. 1825-1855. – Новосибирск, 1944.Т.21 С. 18.

² Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит. 1989. – С. 33, 36, 39, 45, 53, 401.

ство. Но реминисценция сохраняется, конечно, только при употреблении единственного числа. Множественное звучало бы здесь так же дико, как и единственное во втором случае («ушей»).

Литература:

1. Андреев-Кривич С. А. Нет, это не Лермонтов // М. Ю. Лермонтов. Проблемы идеала. – Куйбышев – Пенза. 1989. С. 141.
2. Библиотека для чтения. 1845. № 1. Отд. 1. С. 5.
3. Брюсов В. Обломок старых поколений: П. И. Бартнев // Русская мысль. 1912. Кн. 12. С. 116.
4. Бушин В. Курьёз с шедевром // Слово. 1989. № 10. С. 45-48. Вариант под загл.: Странная судьба одного стихотворения // Кубань. 1989. № 10. С. 80-90.
5. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 105.
6. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. 1825-1855. – Новосибирск, 1944. Т. 21. С. 18.
7. Вяземский П. А. Старая записная книжка. – М., 2003. – С. 474-475.
8. Герштейн Э. Г. статья «Лермонтов и кружок шестнадцати», в кн.: Лермонтов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит. 1989. – С. 33, 36, 39, 45, 53, 401.
9. Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова. Исследования и материалы. Сборник первый. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1941 – С. 105-106.
10. Захаров В. А. Прощание с «немытой» Россией: споры о стихотворении М. Ю. Лермонтова и проблемы историографии. М.: изд-во «Русская панорама», 2017. – 142 с.
11. Клечёнов Г. Об одной очень старой мистификации // Лит. Россия. 1994. 18 февр. С. 12.
12. Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма. – М., 1988. – С. 331.
13. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х тт. – М.: Худож. лит-ра, 1975. – Т. 1. С. 548.
14. Литературная Россия. 1994. 18 февр. С. 12.
15. Макогоненко Г. П. Лермонтов и Пушкин: Проблемы преемственного развития литературы. Монография – Л.: Сов. писатель, 1987. С. 304-306.
16. Очман А. В. «Прощай, немытая Россия...»: Проблема авторства / Межвузовский сб. научных трудов: Гуманитарные науки. Вып. 8. Минеральные воды. 2003. С. 142-148.
17. Пигарев К. В. Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия» // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. 1955. Т. 14. Вып. 4. С. 372-373.

18. Русский архив. 1890. № 11. Стлб. 375.
19. Соснина Е. Л. «Прощай, немая Россия» – стихи на смерть общественного быта (патриотизм правды и литературное осмысление драматизма истории имперской России). Пятигорск: ПГУ, 2017. – 110 с.
20. Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немая Россия» // Звезда. 2004. № 2. С. 206-209.
21. Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. М. – Л., 1961. С. 332.

Об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия»

После обнародования П. А. Висковатовым стихотворения «Прощай, немытая Россия» (Русская старина, 1887, № 11) оно прочно и безальтернативно вошло в лермонтовский лирический канон. Позднейшие разногласия (уже в советское время) относились главным образом к датировке создания произведения и уточнению обоснованности употребления отдельных слов в тех или иных вариантах. Будучи отнесённым П. Висковатым к 1841 году (данная позиция доминирует ныне), оно прикрепляется Б. М. Энхенбаумом к 1840 г. и Э. Э. Найдичем к 1837 г. Более подробно об этом – несколько ниже.

Сомнения в принадлежности ставшего знаковым текста перу Лермонтова дают знать о себе спустя более чем столетие после его публикации – в перестроечную эпоху. Оно и понятно, почему так произошло. Дореволюционное лермонтоведение и российская литературная общественность спокойно отнеслись к «Немытой России», вписывавшейся в непрерывную череду посмертных публикаций множества созданий поэта, почти в три раза превысивших объём напечатанных при его жизни. Как должное были восприняты форма, дух, пафос и направленность инвективы, поскольку они не противоречили лермонтовским общественным и мировоззренческим установкам. К примеру, обладавший тонким художественным чутьём и высокопрофессиональной художественной хваткой В. Г. Короленко так отозвался о «Немытой России»: «Ярко и сильно. Лермонтов умел чувствовать как свободный человек, умел и изображать эти чувства»¹.

В советские годы ставить под сомнения авторство классика, прославляемого официальной пропагандой в качестве яростного, непримиримого борца с царским самодержавием, было несвоевременно и даже опасно. Горбачевская эра гласности легализовала инакомыслие – в том числе и в лермонтоведческой среде.

Первым, кто пошёл в лобовую атаку против авторства «Немытой России», стал Владимир Бушин, напечатавший одновременно в журналах «Кубань» (1989, № 10) и «Слово» (1989, № 10) идентичный текст², в котором, опираясь на историю первопубликации стихотворения в различных версиях (известны четыре разнящихся между собою варианта)

¹ Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма. М., 1988. С. 331

² Бушин В. Курьёз с шедевром. – «Слово», 1989, № 10.

и прибегая к предположениям того или иного рода, он приходит к безапелляционному выводу: перед читателем подделка, мистификация, никакого отношения к Лермонтову не имеющая. Характеризуя стихотворные строки как нетипичные, антироссийские для глубокого патриотичного Лермонтова, критик оставляет в стороне вопрос о том, кто сочинил сей пасквиль с тем, чтобы опорочить выдающегося творца.

Со следующим по времени материалом о проблеме авторства «Немытой России» выступает четверть века спустя Михаил Эльзон. В статье «Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия...»» («Звезда», 2004, № 2) скрупулёзнейше излагается запутанная ситуация первопубликации стихотворения. Но даже эта деликатная гипотеза по существу дезавуируется в итоговом заключении: «До тех пор, пока не найдется утраченный «подлинник», о котором П. И. Бартенев сообщил П. А. Ефремову, либо список *безусловно датируемый до 1873 г.*, вопрос об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия» следует считать открытым. Если печатать его в сочинениях Лермонтова, то лишь в разделе «Dubia»¹.

В материалах международной научной конференции «Жизнь провинции как феномен духовности» (Нижний Новгород, 18-19 апреля 2005 г.) помещена статья А. А. Кутырёвой «Кто был автором стихотворения «Прощай, немытая Россия?»» (перепечатана в сборнике «Лермонтов. Тайна рождения, жизни и смерти». Под ред. Д. А. Алексеева². В ней, автором произведения безальтернативно объявляется поэт Д. Д. Минаев.

Аргументация в пользу минаевского авторства выстроена весьма своеобразно. Поскольку он прославился как пародист, то «Немытая Россия» (кстати, чистейший образец инвективы с присущим ей обличительным пафосом) вдруг именуется пародией, конечно же, в силу элементарной филологической безграмотности исследователя, ибо непременным свойством этого литературного жанра является особая форма комизма – «пересмеивание», ирония. Пародия всегда нацелена на «комическое воспроизведение и высмеивание стилистических приёмов какого-либо писателя, на карикатурное подчеркивание и утрирование особенностей его писательской манеры»³. Вопреки очевидности, нас пытаются убедить – в сумбурном по смыслу пассаже – в пародийности анализируемого текста: «В знаменитом восьмистишии соблюдены

¹ Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия...». – «Звезда», 2004, № 2. С. 208.

² Кутырёва А. А. Кто был автором стихотворения «Прощай, немытая Россия»? – Лермонтов. Тайны жизни и творчества. Под ред. Д. А. Алексеева. М., 2014. С. 188-195.

³ Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966. С. 195.

все законы пародии: несоответствие стиля и тематического материала; снижение, дискредитация стилизуемого объекта и даже всего художественно-идеологического комплекса оригинала, мирозерцания поэта в целом»¹. Вы что-нибудь поняли? Что это за «тематический материал», «стилизуемый объект», «художественно-идеологический комплекс оригинала» (какого?)? Как истолковать – «снижение, дискредитация... мирозерцания поэта в целом»? Где же в стиховом послании, «облитом горечью и злостью», таятся хотя бы маломальские проблески смеховой стихии? Действительно, достаточно часто отдельные лермонтовские строки и образы Минаев употреблял в пародийных целях, используя приём комического снижения, но ни одной цельной «лермонтовской» пародии он не создал, не считать же таковой сатирическую поэму «Демон».

Как отнестись к брошенной вскользь фразе А. Кутыревой: «Как убедительно доказал Клечёнов в «Литературной России» (имеется в виду заметка Г. Клечёнова «Об одной очень старой мистификации»² – А.О.), это скорее пародия на пушкинское «К морю»³. Тогда причём здесь Лермонтов?

Другой убойный аргумент в качестве подтверждения минаевской версии – использование им словосочетания «голубые мундиры», выдаваемого за его же находку, хотя с лермонтовских времён оно распространено повсеместно как обозначение представителей жандармского корпуса.

Все бы ничего, но непоколебимо уверенная в своей правоте А. Кутырёва завершает исследование пафосным обвинительным вердиктом: «Постепенно в наше время (?), мистификация, которой увлеклись публикаторы пародии, превратилась в фальсификацию, работающую на противников России, особенно в глазах молодого поколения, принимающего её как произведение великого поэта. Думается, что долг для всех ответственно мыслящих исследователей русской литературы поставить всё на свои места»⁴. Простим автору «мистификацию», превращающуюся в «фальсификацию», дабы с изумлением открыть для себя: все издатели, включающие «Немытую Россию» в состав лермонтовских сочинений (уже около полутора столетия), все отечественное и зарубежное лермонтоведение, не сомневающиеся в лермонтовском авторстве, – ни много, ни мало – клеветники России.

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 192.

² Клечёнов Г. Об одной очень старой мистификации. – «Литературная Россия», 1994, № 7. С. 12.

³ Кутырёва А. А. Кто был автором стихотворения «Прощай, немытая Россия»? – Лермонтов. Тайны жизни и творчества. Под. ред. Д. А. Алексеева. М., 2014.

⁴ Там же, с. 192.

В последнем по времени биографическом повествовании о поэте критик Владимир Бондаренко («Лермонтов. Мистический гений». – М., 2013. Серия ЖЗЛ) безоговорочно поддерживает «открытие» А. Кутыревой¹, зачисляя своих оппонентов в стан «лермонтоненавистников». Потому приведем ряд доводов, остававшихся до сих пор в исследовательской тени, которые, возможно, убедят читателя: «Прощай, немытая Россия...» органично вписывается в русло лермонтовского творчества и все его компоненты есть производное лермонтовского пера.

Начнём с датировки, имеющей первостепенное значение. С лёгкой руки П. Висковатова, истиной в последней инстанции считается временная привязка текста к 1841 году: «Это стихотворение было написано Лермонтовым в досаде на некоторых недоброжелателей его, не допустивших добиться отставки. Во время хлопот о ней граф Бенкендорф приказал поэту оставить Петербург в 24 часа»². Внесём необходимые коррективы в висковатовскую справку, чтобы показать, как небыстречен уважаемый биограф в оперировании фактами и заодно поставить под сомнение отнесение времени создания текста к последнему отъезду поэта на Кавказ.

О каких-то кознях «недоброжелателей», противившихся лермонтовской отставке, ничего не известно по той простой причине, что решение по просьбе бабушки о помиловании внука должно было приниматься на самом верху. Поэт втайне надеялся на отставку, но особой уверенности в этом не питал, и, в общем-то, смирился с необходимостью возвращения на Кавказ. После окончания продлённого по просьбе друзей отпуска 11 апреля его вызвали в резиденцию дежурного генерала Главного штаба генерала П. А. Клейнмихеля, где поручику Тенгинского пехотного полка было предписано покинуть столицу в 48 часов и отправится по месту службы в распоряжение полка, находившегося тогда в Темир-Хан-Шуре (нынешний Буйнакск. – А.О.) и готовящегося в составе воинского соединения принять участие в штурме аула Черкей, что, разумеется крайне расстроило Лермонтова. На следующий день, 12 апреля, в салоне С. Н. Карамзиной состоялись проводы поэта³. В душе поэта, тем не менее, теплилась надежда об удовлетворении ходатайства о выходе в отставку и скором возвращении в столицу.

Мыслимо ли в подобных обстоятельствах гневное прощание со всем и вся, отлившееся в жесткое стихотворное послание, где Кавказ

¹ Бондаренко В. Лермонтов. Мистический гений. М., 2013. Серия ЖЗЛ. С. 23-24.

² Лермонтов М. Ю. Сочинения, т. I. Под ред. П. А. Висковатова, СПб., 1891. С. 331.

³ Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова М., 2003. С. 535-

видится возможным избавлением от верховного гнёта и жандармского преследования? Думается, вопрос риторический. Лермонтов уже дважды побывал на Кавказе и имел прекрасное представление о тамошних условиях и атмосфере и вряд ли теперь питал какие-то иллюзии относительно перемещения с «милого севера в сторону южную». Право же, прикреплять инвективный выпад против России к 1841 году явно некорректно.

Б. М. Энхейбаум выступает с иной временной гипотезой: «Мы думаем, что стихотворение связано с обнаружением «Кружка шестнадцати» и высылкой всех членов этого кружка на Кавказ в 1840 году»¹. Аргументация более чем шаткая. Члены разнородного по составу «Кружка шестнадцати» потянулись на Кавказ один за другим после лермонтовского отъезда в ссылку (может быть, и вынужденно), однако в официальных документах против них «никакого следа судебных или других репрессивных мер ... не обнаружено»². И опять-таки после пребывания на Кавказе в 1837 г. Лермонтов без всяких «быть может», знает, что его там ожидает. Потому мысль укрыться «за стеной Кавказа» едва ли могла его посетить после участия в воинских акциях 1840 года.

Куда ближе к реальности позиция Э. Э. Найдича, полемизировавшего с П. Висковатовым и относившего время появления стихотворения к 1837 году по следующим причинам: «... Эта дата (1841 г. – А.О.) не согласуется с основным смыслом стихотворения, ибо обращение к «Немытой России» и написанное весной 1841 г. стихотворение «Родина» вряд ли могли быть созданы в течение одного месяца: слишком отчетлива разница в трактовке патриотической темы. Между тем стихотворение «Прощай, немытая Россия...» гораздо легче сблизается с пафосом заключительной строфы «Смерти поэта» и позволяет по-новому понять идейную эволюцию Лермонтова»³. Разделяя в целом приведенное суждение дополним его соображениями иного рода.

С точки зрения психологической, «Немытая Россия» – интенсивная лермонтовская эмоциональная реакция, вызванная вслед за обнаружением авторства «Смерти поэта» давлением на него всей мощи самодержавной власти. После ознакомления со стихотворением и письменного доклада шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа император наложил следующую резолюцию: «Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна (П. Х. Веймарн, генерал-майор, начальник штаба гвардии. – А.О.)

¹ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в пяти томах, т. II. Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М., 1936. С. 223.

² Там же, С. С. 255.

³ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырёх томах. М., 1958. Т. 1. С. 344.

в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, если там обнаружатся и другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого молодого человека и удостовериться, не помешан ли он; а потом поступим с ним согласно закону»¹.

Обыск, кроме того, произвели на снимаемой поэтом петербургской квартире. Ничего крамольного найдено не было. Мы не знаем, проводился ли медицинский осмотр Лермонтова на предмет умопомешательства. Какое всё же знаменательное совпадение: несколькими месяцами раньше за публикацию в журнале «Телескоп» «Философического письма» официально объявили сумасшедшим П. А. Чаадаева, о чем Лермонтов был, наверняка, осведомлен. К нравственному унижению, которому он подвергся в процессе дознания, прибавилось болезненно им переживаемое вынужденное признание об участии в нелегальном распространении рукописных списков «Смерти поэта» своего друга Святослава Раевского. Бесцеремонное вмешательство в личную жизнь, попрание человеческого достоинства отозвалось у ранимого, тонко и глубоко чувствующего творца бурной вспышкой негодования. Как раз на этой волне реально рождение поэтической инвективы. Это тот случай в лермонтовской творческой биографии, когда, несколько переиначивая афоризм Вольтера, мы вправе сказать: «Если бы «Немытой России» не было, её надо было бы выдумать».

Анализируя лермонтовский текст в психоаналитическом ключе, американский филолог Д. Ранкур-Лаферьер в работе «Прощание Лермонтова с «Немытой Россией»: исследование нарциссического гнева» главное внимание сосредоточил на выявление внутренних, преимущественно бессознательных истоков, породивших столь неординарное стихотворное высказывание. Определяющим толчком для жесткого вызова России стал, по его убеждению, нарциссический гнев Лермонтова как личности. Притом исследователь специально оговаривается: «Читателю следует учитывать, что термин «нарциссизм» я употребляю не в его повседневном значении «эгоизм» или «эгоцентризм» (хотя порой и это бывало присуще Лермонтову), а в том смысле, как эта дефиниция трактуется современными психоаналитиками, – то, что имеет отношение к собственной самости или самооценке»². Глубочайшая лермонтовская уязвлённость порождает интенсивную вспышку гнева – одномоментную, мощную, порожденную осознанием неадекватности, несправедливости такого отношения к себе со стороны любимой им России: «Чита-

¹ Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова М., 2003.

² Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966. С. 250.

тель чувствует сколь должен был быть привязан к России Лермонтов, чтобы бросить ей в лицо такое оскорбление... Если бы поэт и впрямь не любил свою Родину, он бы и не нападал на неё!¹ Здесь впору припомнить некрасовское: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Гневно-отчаянная лермонтовская реакция на оскорбительные деяния властей ситуационно соотносится с положением, в какое попадает Чацкий, объявленный сумасшедшим и вынужденный громко хлопнуть дверью и демонстративно покинуть пределы света: «Карету мне, карету!»

*Вон из Москвы! Сюда я больше не езду.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету
Где оскорбленному есть чувству уголок!!!*

В беде, его постигшей, в виде карающей ссылки на окраину империи, Лермонтов, знающий, где ему придется отбывать опалу, надеется, вопреки намерениям державных гонителей, найти точку опоры в спасительном отдалении от зловещего Петербурга-России:

*Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

Н. Скатов в порядке опровержения лермонтовского авторства процитированных строк усмотрел фактический изъян в словосочетании «за стеной Кавказа», – «в то время как Лермонтов ехал служить на Северный Кавказ, то есть, строго говоря, не доезжая до его стены»². Хотелось бы довести до сведения уважаемого автора: поэт по приказу свыше переводился из гвардии в армейский Нижегородский драгунский полк, находившийся тогда в Грузии, т.е. как раз «за стеной Кавказа», куда и должен был явиться согласно предписанию. Вышло по-иному: прибыв в Ставрополь, в Штаб Кавказской линии и Черномории в двадцатых числах апреля или в начале мая, Лермонтов серьёзно занемог («Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах; меня вынесли люди из моей повозки, я не мог ходить...»³ и подал рапорт «об освидетельствовании болезни его»⁴. 17 мая 1837 он получил на руки официальный документ: «Нижегородского драгунского полка прапорщику

¹ Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ М., 2004. С. 247.

² Скатов Н. Всеведение поэта. – «Литературная газета», 2004, № 38-39. С. 8.

³ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырёх томах. М., 1958. т. 4. С. 244.

⁴ Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова М., 2003. С. 224.

Лермонтову отправиться в Пятигорский госпиталь для пользования болезнью»¹. Лермонтов все-таки прибудет в расположение своего полка, добравшись до Тифлиса лишь в ноябре, когда уже увенчалось успехом ходатайство бабушки о смягчении участи внука (при непосредственной помощи А. Х. Бенкендорфа, дважды обращавшемуся к императору на этот счет). Поэта перевели в Гродненский гусарский полк.

Приведённое пояснение свидетельствует: в отличие от второй ссылки и совершённых тогда двух поездках (в 1840 и 1841 году), «за стеной Кавказа» Лермонтов надеялся укрыться, расставаясь с Петербургом в 1837 году. Следовательно, короткий, резкий, энергичный «прощальный» монолог озвучивался поэтом в пору судьбоносного, непреложного излома личного бытия, последствия которого затруднительно было предвидеть.

Сегодняшние почвенники отказывают поэту в самом праве так жёстко, бескомпромиссно высказываться об истинной причине дискомфорта своего состояния, удушливости атмосферы, в которой поневоле приходилось пребывать, полагая лермонтовский взгляд на Россию для него не характерным и потому невозможным. Тонкость, однако, в направленности негодования и протеста поэта: это менее всего Родина, Отечество, но государственная система, властные силы, преследующие каждого, кто претендует на личное самостояние. Аллюзионные «Жалобы турка» (1829), даже будучи данью романтической модели (байроновский в первую очередь) «литературного поведения» автора, внятно передают суть его оппозиционности:

*Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где роицы и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порою
Умы и хладные и твердые как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!...
Друг! этот край... моя отчизна!*

Лермонтовская позиция вполне вписывается в общее для 20–30-х гг. умонастроение передовой литературной общественности, вос-

¹ Там же, С. 244.

принимавшей без всяких иллюзий социальную и политическую действительность. Крайней степенью радикализма отличалась, безусловно, декабристская поэзия. «Антироссийскость», протестность с различной мерой интенсивности окрашивает многие значительные пред- и в меньшей- мере постдекабристские создания.

Пафос отрицания достигает апогея в пронизанных максимализмом стихотворных строках Владимира Печерина, включённых в письмо друзьям, посланным 5 июля 1834 г. из Берлина, где тогда он находился:

*Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничтоженья
И в разрушении отчизны видеть
Всемирную денницу возрожденья!*

*(Я этим набожных господ обидеть
Не думал: всяк своё имеет мнение.
Любить? – любить умеет всякий нищий,
А ненависть – сердце могучих пища!)*

.....
*Тогда в конвульсиях рука трепещет,
И огненная кровь кипит рекою,
И, как звезда, кинжал пред оком блещет,
И в темный путь манит меня с собою...
Я твой! Я твой! – пусть мне навстречу хлещет
Весь океан гремящею волною!..
Дотла сожгу ваш... храм двуглавый,
И буду Герострат, но с большей славой!*

Позднее автор отречется от «геростратовских» строф, назовет их «безумными», тем не менее они показательны в контексте духовно-культурных веяний эпохи.

Куда более умеренно настроенный Н.М. Языков, упрекая народ в «закостенелом рабстве», публикует недвусмысленную антимонархическую и «антинародную» «Элегию» (1824):

*Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое миценье,
И на царя не восстает.*

*Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.*

*Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепями, склонивши выю,
Она молилась за царя.*

По Языкову, в народе медленно все же вызревают семена протеста и бунта, но они ещё не скоро пойдут в рост, придётся ждать века и века желанного народного пробуждения:

*Ещё молчит гроза народа,
Ещё окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.
О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетия грозно протекут, –
И не пробудится Россия!*
«Элегия», 1824

Начиная с «Вольности» (1817), свободолюбие, последовательное осуждение тирании и деспотии, мечта о «звезде пленительного счастья», когда «Россия вспрянет ото сна», «оковы тяжкие падут, темницы рухнут», сопровождают и питают пушкинскую музу. Эта вера уступает место скептицизму в оценке последекабристской поры – особенно в частных высказываниях, предельно откровенных. Из письма к ближайшему другу князю П. А. Вяземскому от 27 1826 г.: «Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног... Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России?»¹. В неотосланном письме к П. А. Чаадаеву (19 октября 1836 г.) Пушкин с горечью и печалью констатирует: «Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь – грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут при-

¹ Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1981. Т. IX, С. 231.

вести в отчаяние»¹. Лермонтов наверняка разделял горечь своего кумира: «Чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом» (письмо Н. Н. Пушкиной от 18 мая 1836 года).

На обозначенном фоне «Немытая Россия» в её лермонтовской ипостаси предстаёт логичным и органичным коррелятом ко всему существовавшему в обществе к тому моменту пласту остро критических суждений о природе власти и всей социально-политической системы, и положения свободомыслящей личности в ней. Странно слышать обвинения в духе почивших в бозе сталинских и постсталинских времён, согласно коим сторонники лермонтовского авторства – «политические спекулянты», поддерживающие клевету на великого поэта, а само стихотворение аттестуется «подражательной мазнёй», «дубоватыми строчками»².

По концептуальной сути своей «Немытая Россия», полагаем, имплицитно связана с чаадаевской идейной составляющей. Не стоит сомневаться в знакомстве поэта с первым «Философическим письмом», появившемся в 1836 г. в журнале «Телескоп». В какой степени разделял поэт воззрения философа, сказать трудно, но обличение раболепства, угодничества, «сумеречности» эпохи, общественного неблагополучия должны были отвечать лермонтовскому настрою, его жгучей ненависти к обскурантизму верхов – всего того, о чем с сарказмом и страстью поведает граду и миру автор в завершающих шестнадцать строках «Смерти поэта».

Предположительно, в Лермонтове могло резонансно откликнуться одно из самых существенных чаадаевских наблюдений: «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя»³. Объективно ещё более близки поэту по духу мысли, сформулированные Чаадаевым в «Апологии сумасшедшего» (1836-1837): «Прекрасная вещь-любовь к Отечеству, но есть ещё нечто более прекрасное – это любовь к истине»⁴. И далее: «Я нахожу, что человек может быть полезен в своей стране только в том случае, если ясно видит её; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной»⁵. Если присоединиться к Б. М. Эйхенбауму в адресации лермонтовского стихотворения

¹ Там же, Т. X, С. 337.

² Клечёнов Г. Об одной очень старой мистификации. – «Литературная Россия», 1994, № 7. С. 12.

³ Чаадаев П. А. Статьи и письма. М., 1989. С. 42-43.

⁴ Там же, С. С. 148.

⁵ Там же, С. С. 157.

«Великий муж...» Чаадаеву¹, то ударная, завершающая его часть звучит весомой репликой в споре, развернувшейся вслед за публикацией «Философического письма», был ли его автор патриотом или ненавистником России:

*Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!»*

Повторимся: амбивалентное сочетание ненависти и любви одушевляет «Немытую Россию». Вослед К. Ф. Рылееву, с творчеством которого обнаруживает контакты лермонтовская поэзия начального периода, поэт, будучи патриотом, тем не менее исповедует рылеевский максималистский принцип во взаимоотношениях с властной системой: «Мой жребий ненавидеть / Равно тиранов и рабов» («Наливайко», 1825).

При анализе «Немытой России» надобно исходить из доминирующей эмоциональной окраски поэтического высказывания: это одномоментная гневная вспышка-всплеск, исключая оттенки и детали, процесс долговременного размышления, анализа и синтезирования «ума холодных наблюдений». Никуда не денешься: поэт преступает библейский наказ: «Оглянись во гневе». Оттого восьмистишие не претендует на программный, всеобъемлющий характер, перед нами мгновенная реакция личности на боль, оскорбление, чудовищную несправедливость. Кипение чувств и страстей пройдет и настанет черед «спокойной», трезво аналитической «Думы» (1838) и затем «Родины» (1841) с признанием «странной» любви к Отчизне, с которой не в силах совладать рассудок.

Практически все составляющие «Немытой России» откомментированы лермонтоведами, филологами и лингвистами, с точки зрения их лермонтовского происхождения². Обстоятельный аналитический обзор различных версий стихотворения дан В. В. Виноградовым в книге «Проблема авторства и теория стилей» (М., 1961, С. 104-110). При вариативности дошедших до нас текстов восьмистишия мы придерживаемся следующей его редакции, осенённой авторитетом И. А. Андроникова, Д. Д. Благого, Ю. Г. Оксмана³:

¹ Шанский И. М. «Прощай, немая Россия...» М. Ю. Лермонтова. – «Русский язык в школе», 2001, № 1. С. 166-169.

² Лермонтовская энциклопедия М., 1981. С. 452.

³ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырёх томах. М., 1958. Т. 1, С. 17.

*Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

*Быть может, за стеной Кавказа,
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

Начальное «прощай» как будто однозначно, фиксируя акт расставания. Этим все же смысл «прощания» не исчерпывается. Нет сомнения, что вынужденно покидая Петербург, он расстается, прощается с ним, уезжая в иные, кавказские края, – подобно безымянному пушкинскому герою-офицеру с «веселым призраком свободы», – меньше все задумываясь, насколько длительной окажется разлука. Чётко подразумеваемое это ритуальное расставание не должно заслонять от нас явно присутствующего иного подтекста: в коротком, как удар хлыста, «прощай», заключается решительный, бесповоротный разрыв с объектом недовольства, отрицание, осуждение, отторжение, принципиальное несогласие существовать в навязанной системой координат – вот, пожалуй, доминирующий смысл гневного посыла.

Д. Ранкур-Лаферьер, которого мы уже цитировали, подмечает еще одну – едва уловимую – смысловую грань используемого поэтом обращения: направленность на самого себя, – опираясь при том на анализ многоаспектности понятия в лермонтовском употреблении, предпринятый культурологом и лингвистом В. Н. Топоровым: «Оно не напутствие *другому*, а просьба к нему *о себе*, просьба *о прощении* за грехи – вольные и невольные, явные и тайные, действительные и мыслимые. Это формульное «прощай!» характеризует самосознание относительно его места на шкале нравственных ценностей. Исходный тезис – признание себя хуже, ниже, *виновнее* того, к кому обращаешься с просьбой о прощении. Итоговый тезис – живая нужда в прощении и бесконечная надежда на нравственное, духовное, воскрешение (возрождение) даже для того, кто находится в бездне греха»¹. В. Н. Топоров в данном случае вскрывает тонкую и вместе с тем многомерную связь между «прощай» и «прости», в связи с чем нелишним будет указать на явления такого рода в отечественной поэтической практике 30-х годов, т.е. времени, когда активно творил Лермонтов.

¹ Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 220.

В русской поэзии первой трети XIX в. «прощай» чаще всего подается преимущественно как формула вольного или невольного расставания с кем-то или чем-то, как часть повседневности, наполненной встречами-разлуками. На слуху самое известное – пушкинское: «Прощай, любезная калмычка...», «Прощай, свободная стихия...». Параллельно у того же Пушкина при расставании встречаем ориентированность на отчетливую рефлексию – в противовес «голой» перечислительности того, с чем прощаешься: «Простите, вольные дубравы...» (1817).

Зримый поворот к самоанализу – в особенности в контактах с природным миром, с природной стихией, противостоящим цивилизации, нравственно несовершенному социуму – совершают в 1830-х годах поэты, условно говоря, второго ряда, у которых «прости» и «прощай» образуют неразъединимую целостность. Для убедительности приведем два образца, читателю мало известные. Оба они основываются на кавказском материале, столь любезном лермонтовскому сердцу, и написаны авторами по свежим следам визита на Кавминводы в одном и том же 1839 году.

Первое стихотворение («Прости, Пятигорск») принадлежит Дмитрию Ознобишину. Оно – признание в любви, в неизбывной силе воспоминания:

*Прости, Пятигорск! расстаюсь я с тобой,
Растаюся без грусти тревожной!
Я влеком был к тебе неприветной судьбой,
Но тебя позабыть, невозможно!
Нет, надолго твои огнебьющи струи
И любить и ласкать будут думы мои!
Прости, Пятигорск! бриллиант между скал!
Сколько раз я тобой любовался!
Как Машук твой в громах изумрудом сверкал
И, дымясь, в облака одевался;
Как горел над тобой яркой молнией день;
Мне казалось, в тот миг ты был в небо ступень.
Прости, Пятигорск! твой вечерний закат,
Твои утра с роскошной прохладой;
Твой двуглавый Эльбрус, снежных гор дивный ряд,
Твой Бештау, где скалы громадой;
Яхонт южных ночей; твой полуденный зной,
И вдали от тебя, будут вечно со мной!*

«Прости, Кавказ!» – так назвала свой поэтический текст Евдокия Ростопчина, предварив его эпитафией из байроновского «Чайльд Гарольда»: «Fair clime, farewell!» – «Прекрасный край, прощай!» Терпкая печаль пронизывает прощальный ростопчинский монолог:

*Прости, волшебный край, где несколько счастливых
Я провела часов под небом голубым!
Где нежилась душа в покое грез ленивых;
Где южной теплотой и солнцем огневым,
Давно желанными, вполне я насладилась;
Где с горным воздухом я свыклась и сроднилась,
Как с односвойственной землей привозный цвет;
Где, вечно убрана в улыбку и привет,
Всей прелестью своей природа облачилась
Гостям издалека как будто на показ,-
Прости, прости, Кавказ!..*

*Ты породил во мне восторг и удивленье,
Ты взоры тешил мне, мечты мои питал,
Ты чудным зрелищем возвышенных явлений
Воображение бессменно поражал.
Хоть мысль, кипя во мне, в лад песни не клеилась,
Хоть дума в мерный стих и в звук не обратилась,
Но много, много их мне в душу залегло...
Их много в памяти и сердце расцвело!..
Я жить и чувствовать всечасно торопилась,-
Я уношу с собой и чувств и дум запас...
Прости, прости, Кавказ!*

*Пора в обратный путь, к своим степям засохшим,
В страну несносных бурь, туманов и снегов,
В однообразный край, где по тропам загложим
Ковылью порастет и тень моих следов;
Где мертвой тишиной, унылым запустеньем
Полны и мысль и взор; где скучным отдаленьем
От света и людей почти отчуждена,
Я одинокому мечтанью предана!!!
Пора в обратный путь!.. С напрасным сожаленьем
На все окрестное гляжу в последний раз...
Прости, прости, Кавказ!*

А чем же вызвано тщательно вуалируемое (бессознательно?) «прости» в безоглядном «прощай» в «Немытой России»? Лермонтовский образец в этом плане близок к ключевому, сюжетообразующему начальному эпизоду из поэмы Байрона «Чайльд Гарольд» – прощанию героя, ослеплённого ненавистью, тотальным разочарованием, с Британией: «... *И показалось мерзким все кругом/ Тюрьмою – родина, могилой – отчий дом*». Его прощальная песнь словно предвосхищает лермонтовские мотивы и лермонтовскую стилистику:

*Прости, прости! Все крепнет шквал,
Всё выше вал встаёт,
И берег Англии пропал
Среди кипящих вод.
Плывём на Запад, солнцу вслед,
Покинув отчий край.
Прощай до завтра, солнца свет,
Британия, прощай!*

*Я знаю, слёзы женицин – вздор,
В них постоянства нет.
Другой придет, пленит их взор,
И слез пропал и след.
Мне ничего не жаль в былом,
Не страшен бурный путь,
Но жаль, что, бросив отчий дом,
Мне не о ком вздохнуть.*

*Наперекор грозе и мгле
В дорогу, рулевой!
Веди корабль к любой земле,
Но только не к родной!
Привет, привет, морской простор,
И вам – в конце пути –
Привет, леса, пустыни гор!
Британия, прости!*

Перевод В. Левика

Цепкая память Лермонтова, боготворившего Байрона, без сомнения, вобрала в себя одиссею одинокого, неприкаянного Чайльд Гарольда и, может быть, соотнесла его судьбу с своею собственной при

прощании с Петербургом. Охвативший поэта гнев поначалу сфокусирован на «немьгости» России. Нынешних радетелей патриотизма эпигет «немьгтая» бросает в негодующую дрожь. В уже названной статье А. Кутырёвой делается попытка доказать невозможность его проникновения в лермонтовский лексикон: *«При изучении литературного произведения, авторство которого не выявлено принимают во внимание ... предполагаемого автора, историческую и литературную среду того времени, язык и характер эпохи. Известно, что выдающиеся писатели вырабатывают свой оригинальный стиль, своеобразную лексику, живут и творят в исторически-определенной повседневности. В рассматриваемом стихотворении проявляется дух совершенно другого времени. Он имеет иной культурный контекст. Давайте спросим себя, что у нас здесь вызывает в первую очередь недоумение и что не согласуется со всеми остальными строчками. Спросим и признаемся: первая строка – «немьгтая Россия» воспитанный в дворянской среде, пансионата московского университета, вращавшийся в высших аристократических кругах Лермонтов вряд ли мог писать и говорить «немьгтая» по отношению к Родине, которой он только что посвятил поразительной силы строки любви. Вполне можно предположить: он не употреблял его и в обиходной среде. Его не было в дворянском лексиконе, а к поэзии оно вообще не имеет никакого отношения»¹.*

Разберёмся, однако. Не так давно литературовед Омри Ронен в письме к коллеге говорил о намерении установить связь «немьгости» России с конкретным фактом лермонтовской биографии-письмом поэта от 18 января 1837 г. своему задушевному другу Святославу Раевскому (Ронен адресатом ошибочно называет Столыпина), откуда и тянутся ниточки к злополучному эпитету «немьгтая»². Здесь подразумевается довольно откровенное тарханское послание Лермонтова в Петербург, прослоенное обценной лексикой и пикантными подробностями в живописании житья-бытья в глухом российском углу. Между делом пишущий сообщает: *«Я живу теперь в Тарханах, в Чембарском уезде (вот тебе адрес на случай, что ты его не знаешь). У бабушки, слушаю как под окном воеет метель (здесь все время ужасный снег в сажень глубины, лошади вязнут и <...>, и соседи оставляют друг друга в покое, что, в скобках, весьма приятно) ем за десятерых, <...> не могу, потому что девки воняют»³.*

¹ Кутырёва А. А. Кто был автором стихотворения «Прощай, немьгтая Россия»? – Лермонтов. Тайны жизни и творчества. Под. ред. Д. А. Алексеева. М., 2014. С. 190.

² «Звезда», 2005, № 5. С. 224.

³ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырёх томах. М., 1958. Т. 4, С. 442.

Как видим, до «немытости» всего один шаг, что и не замедлило сказаться в лермонтовском творчестве. В поэме «Монго» (1836) даётся прелюбопытнейшая характеристика героя, выдержанная в иронических тонах:

*...Монго – повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аришин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был –
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немытый целый день,
Носил фуражку набекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед,
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.*

«Немытость» Монго, стало быть, бытовая черта человека, не слишком заботящегося о соблюдении норм и правил общепринятого поведения и этикета.

Более нейтрален в смысловой окраске интересующий нас эпитет в поэме «Тамбовская казначейша» (1836-1838), начатой предположительно в Тарханах, куда поэт добрался, посетив по пути Тамбов.

Картина дефилирующего уланского полка через уездный городишко, наделавшего немало переполоху, завершается последним мазком:

*Но полк прошёл. За ним мелькает
Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых.*

Специфика словоупотребления одного и того же понятия в различающихся между собою контекстах по-своему примечательна: «немытость» объединяет аристократическое сословие (в порядке исключения) и простолюдинов, для коих она есть привычное состояние.

Включенный в стихотворный текст 1837 года в очередной раз оказавшийся под рукой эпитет «немытая» применительно уже к России, не

должен удивлять и тем более оскорблять эстетический вкус и патриотические чувства ревнителей лермонтовской национальной непорочности.

Выяснить с предельной точностью подтекстность российской «немьтости» в лермонтовской подаче – задача из труднейших. В первом же приближении, видимо, должно подразумевать: неопрятная, нецивилизованная Россия – упрек в устах истинного, искреннего патриота Отечества вполне допустимый.

Ещё один дополнительный нюанс много осмысленности «немьтости» в лермонтовской интерпретации – этический, нравственный. В «Герое нашего времени», романе автобиографическом, повествователь, ставший свидетелем последней встречи штабс-капитана Максим Максимыча с Печориным (Максим Максимыч), в подробнейшем портрете последнего выделяет значимую деталь: «ослепительно чистое белье, избличавшее привычки порядочного человека». В кодексе дворянской чести порядочность – исходное, неперемное, фундаментальное свойство человеческой личности. В «немьтой России», в «стране рабов, в стране господ» порядочность поставлена под сомнение, в отечестве трудно оставаться порядочным человеком. В этом аспекте уместно упомянуть о личной лермонтовской «опрятности». Немецкий поэт и переводчик Ф. Боденштедт, встретившись с поэтом в Москве в 1841 г., где он сделал остановку по пути на Кавказ, делится таким наблюдением: «У него на шее был небрежно повязан чёрный платок; военный сюртук был не нов и не доверху застёгнут, и из-под него виднелось ослепительной свежести тонкое бельё»¹.

И последнее по поводу «немьтости». Насколько можно судить, в поэзии Золотого века только Лермонтов в своей поэтической речи прибегает к использованию редкого, изобретённого им эпитета.

В свое время активная полемика развернулась в связи с тремя вариантами другого эпитета, присутствующего в разных версиях текста: преданный–покорный–послушный (народ). «Послушный» и «покорный» в разнообразных вариациях типичен для Лермонтова-поэта, в то время как «преданный» со смысловым сдвигом по сравнению с прямым его номинативным значением используется автором всего лишь дважды в значении: «отданный во власть, представленный в распоряжение кого-нибудь». В. В. Виноградов, отстаивающий право первородства этого эпитета в «Немьтой России», отмечает: «В стихотворной речи 30-40-х годов *преданный* в этом значении было ещё употребительно, хотя и носил отпечаток торжественный «славенский» приподнятости и архаичности»².

¹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 367.

² Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 104.

К этой редкой смысловой форме Лермонтов впервые прибегает, должно быть, в самом начале 1837 г. в стихотворении, посвящённом Екатерине Сушковой. Обращаясь к любимой женщине, он пишет:

*Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.*

*И новым преданный страстям
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!*

В более ранней редакции этого стихотворения, относящемуся к 1831 году, находим предшествующий словесный эквивалент:

*Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилен он;
Другим предавшийся мечтам,
Я всё забыть его не мог;
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!*

Зрелому поэту показалось более предпочтительным, отвечающим поэтическим целям форма *преданный*, нежели прежняя несколько неуклюжая деепричастная конструкция. Не чуравшийся повторения находок, Лермонтов вводит эпитет и в «сушковское прощание» и в «Немытую Россию».

Наконец, сторонники антилермонтовского происхождения «Немытой России» сетуют по поводу её «мало высокохудожественности», инородности в контексте его поэзии, забывая о жанровой сущности инвективы, в особенности если в ней преобладают яростное обличение, сарказм, -увы, обрекающей её на прямолинейность, ограниченность выразительных средств. Пройдет столетие и нечто подобное в отечественной поэзии повторится вновь: Осип Манделштам, отринув атрибуты собственной крайне усложненной поэтической манеры и стиля, создаёт в 1934 г. уникальное «Мы живём, под собою не чуя страны» – потрясающий аналог лермонтовского свершения.

Литература:

1. Бондаренко В. Лермонтов. Мистический гений. М., 2013. Серия ЖЗЛ.
2. Бушин В. Курьёз с шедевром. – «Слово», 1989, № 10.
3. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
4. Захаров В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова М., 2003.
5. «Звезда», 2005, № 5.
6. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М., 1966.
7. Ключёнов Г. Об одной очень старой мистификации. – «Литературная Россия», 1994, № 7.
8. Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма. М., 1988.
9. Кутырёва А. А. Кто был автором стихотворения «Прощай, немытая Россия»? – Лермонтов. Тайны жизни и творчества. Под. ред. Д. А. Алексеева. М., 2014.
10. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989.
11. Лермонтов М. Ю. Сочинения, т. I. Под. ред. П. А. Висковатова, СПб., 1891.
12. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырёх томах. М., 1958.
13. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в пяти томах, т. II. Под. ред. Б. М. Эйхенбаума. М., 1936.
14. Лермонтовская энциклопедия М., 1981.
15. Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1981.
16. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ М., 2004.
17. Скатов Н. Всеведение поэта. – «Литературная газета», 2004, № 38-39.
18. Чаадаев П. А. Статьи и письма. М., 1989.
19. Шанский И. М. «Прощай, немытая Россия...» М. Ю. Лермонтова. – «Русский язык в школе», 2001, № 1.
20. Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия...». – «Звезда», 2004, № 2.
21. Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

**Стихотворение «Прощай, немытая Россия...»
в контексте творчества М. Ю. Лермонтова
и споры о его авторской принадлежности**

Споры об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия...» стали актуальны на фоне современной ситуации смены идеологических парадигм: с революционно-демократической, построенной на основе ленинской концепции смены трёх этапов освободительного движения в России, на консервативно-охранительную, актуализирующую обращение к иным идеологическим ориентирам. В этом преимущественно идеологическом поле спора об авторстве М. Ю. Лермонтова звучат довольно смелые утверждения: «Не мог Лермонтов – патриот и русофил – назвать Россию немытой», – как будто современные критики, историки литературы и литературоведы научились мыслить, так как Лермонтов, проникли в тайны лермонтовского авторского сознания и, надо полагать, вот-вот напишут произведение, сопоставимое по художественным достоинствам с «Демоном» или «Героем нашего времени». В настоящей статье предпринимается попытка перевести полемику по проблеме авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия...» из идеологической парадигмы в литературоведческую, сосредоточив внимание на анализе поэтики стихотворения, автором которого, возможно выступает М. Ю. Лермонтов, причём, осуществить этот анализ в контексте поэтики М. Ю. Лермонтова в целом, поскольку, соображения идеологического характера все же принадлежат к экстралитературной области и выступают вторичными по отношению к собственно поэтическому строю и образной системе как конкретного художественного произведения, так и осмысленной целостно художественной системы того или иного писателя и поэта. При необходимости, мы будем обращаться к фактическим данным библиографического и исторического характера, поскольку данная полемика вообще стала возможной из-за утраты автографа стихотворения.

На рубеже XX-XXI веков отечественные учёные – литературоведы и историки – снова (а такого рода вопросы возникают в истории русской литературы периодически после первой публикации стихотворения «Прощай, немытая Россия...» в 1887 году) стали выражать сомнения в том, что автором этого стихотворения действительно был М. Ю. Лермонтов. В 1989 году с двумя статьями, опровергающими ав-

торство М. Ю. Лермонтова, выступил В. Бушин¹, в 1994 году на страницах «Литературной России» Г. Клечёнов, отрицая авторство Лермонтова, выдвинул предположение о том, что автором выступал П. И. Бартенева². В 2004 году в журнале «Звезда» известный библиограф М. Д. Эльзон представляет всесторонний и глубокий анализ истории публикации стихотворения и, исходя из фактических данных и существенных разногласий в редакциях последней строфы, вновь поднимает вопрос о том, что авторство М. Ю. Лермонтова сомнительно и требует доказательств³. Поддерживает М. Д. Эльзона авторитетный литературовед Н. Н. Скатов, филологически дополняющий собственно библиографический анализ исследователя и также сомневающийся в авторстве М. Ю. Лермонтова⁴. В 2006 г. А. Кутырёва выдвигает гипотезу авторства Д. Д. Минаева⁵. В 2008 году О. В. Миллер предлагает подробный анализ антилермонтовских версий, опровергая предположения о мистификации или подделке текста стихотворения со стороны П. И. Бартенева⁶. Накануне Лермонтовского юбилея полемика оживает: в 2013 году В. М. Чинухин выражает сомнения в убедительности антилермонтовских аргументов⁷, на страницах «Литературной газеты» в рубрике «ЛГ – досье» под красноречивым заголовком «Не мог он назвать Россию немытой» публикуется интервью с В. Ф. Михайловым, автором биографии Лермонтова в серии ЖЗЛ⁸, в котором опровергается авторство М. Ю. Лермонтова⁹; далее

¹ Бушин В. Курьёз с шедевром // Слово. 1989. №10. С. 45-48. Вариант под загл.: Странная судьба одного стихотворения // Кубань. 1989. №10. С. 80-90.

² Клечёнов Г. Об одной очень странной мистификации // Лит. Россия. 1994. 18 февр. С. 12.

³ Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия» // Звезда. 2004. № 2. С. 206-209.

⁴ Скатов Н. Н. Всеведение пророка: к 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова [Текст] / Н. Н. Скатов // Русская литература. – 2005. – № 1. – С. 3-15.

⁵ Кутырёва А. «Пародируя поэта» <http://lermontov.niv.ru/lermontov/articles/kutyreva-parodiruya-poeta.htm> или Кутырёва Спор о патриотизме Лермонтова. Проза. ру. 2006. № 10. <http://www.proza.ru/2006/10/08-50> (дата обращения 03.03.2016).

⁶ Миллер О. В. Кто прощался с Россией, уезжая на Кавказ? // Русская литература 14 февраля 2008 года // [http://literary.ru/literary.ru/readme.php?archive=&id=1202993204&start_from=&sub&subaction=showfull&ucat=\(дата обращения 03.02.2017\)](http://literary.ru/literary.ru/readme.php?archive=&id=1202993204&start_from=&sub&subaction=showfull&ucat=(дата обращения 03.02.2017)).

⁷ Чинухин В. М. Еще раз об авторстве Лермонтова. «Самиздат» 07.03.2013 // http://samlib.ru/c/chunihin_w_m/lermontov.shtml (дата обращения: 03.03.2017).

⁸ Лермонтов: Один меж небом и землёй / Валерий Михайлов. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 618 с.

⁹ Михайлов В. Ф. Не мог он назвать Россию немытой. Беседу вёл Игорь Чернышев. // Литературная газета – 15.10. 2014. – № 40 (6482) // <http://www.lgz.ru/article/-40-6482-15-10-2014/ne-mog-on-nazvat-rossiyu-nemytoy/> дата обращения 03.02.2017).

последовали статьи С. Сокурова¹; и П. Краснова², которым присущ откровенно пропагандистский и идеологизированный характер, хотя, опираясь на библиографические факты и собственно литературоведческий анализ поэтики как стихотворения «Прощай, немытая Россия», так и поэтики М. Ю. Лермонтова в целом, им отвечает весьма доказательно и обстоятельно неустановленный нами автор в статье «Есть ли основания сомневаться в авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия»?»³.

Автограф и черновик этого стихотворения не сохранились, напечатано оно было уже после смерти поэта. Первым напечатал стихотворение биограф и издатель М. Ю. Лермонтова П. А. Висковатов (Русская старина. 1887, № 12, стр. 738-739). В 1880-е годы он опубликовал в «Русской мысли» и «Русской старине» многие прежде неизвестные стихотворения Лермонтова, извлечённые из черновых рукописей. Возможно, что в его руках была и рукопись «Прощай, немытая Россия», впоследствии утраченная. В публикации в «Русской старине» П. А. Висковатов однозначно называет автором Лермонтова.

Отсутствие черновиков и автографов – веское основание для сомнений в авторстве. Это бесспорно. С другой стороны, бесспорен и тот факт, что не сохранились или до сих не найдены около 100 автографов стихотворений Лермонтова («среди них: «Нищий», «Умиравший гладиатор», «Бородино», «Ветка Палестины», «Дары Терека», «Воздушный корабль», «Завещание», «Из под таинственной холодной полумаски» (...)) Из поэм утрачены автографы полного текста «Сашки», а также автографы «Моряка», «Хаджи Абрека», «Монго», «Песня про... купца Калашникова», «Тамбовской казначейши», последней ред. «Демона»), приблизительно четвертая часть их общего числа, однако никто не оспаривает в данном случае авторства Лермонтова⁴.

В контексте настолько точно избранного предмета полемики представляется важным актуализировать вопрос о том, когда такая полемика возобновляется, какими социально-историческими обстоятельствами детерминирована. Всемирно известный прецедент полемики по «шекспировскому вопросу» хронологически восходит к периоду всемирного

¹ Сокуров С. О русской баньке и европейских тазаках // Сокуров С. Прощай, немытая Россия...» Кто же автор? // <http://www.krugozormagazine.com/show/Russia.1274.html> (дата обращения: 26.02.2017).

² Краснов П. «Прощай, немытая Россия...» – идеологическая диверсия// <http://www.kramola.info/vesti/rusy/prowaj-nemytaja-rossija-ideologicheskaja-diversija>. (дата обращения: 26.02.2017).

³ Есть ли основания сомневаться в авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия»? <http://newfogum.gramota.ru/viewtopic.php?p=371095> (дата обращения 03.03.2016).

⁴ Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: «Советская энциклопедия». – 784 с.

признания Шекспира. Именно тогда в 1772 г. Герберт Лоуренс – близкий друг знаменитого актера Дэвида Гаррика, преклонявшегося перед Шекспиром (актёр воздвиг в честь любимого драматурга храм в Хэмптоне в 1756) и прославившегося прежде всего исполнением ролей Гамлета и Макбета, выдвинул предположение относительно авторства Фрэнсиса Бэкона: «Бэкон сочинял пьесы. Нет надобности доказывать, насколько преуспел он на этом поприще. Достаточно сказать, что он назывался Шекспиром»¹. Вслед за Лоуренсом сходные соображения об авторстве Бэкона, а точнее, о неавторстве Шекспира повторяет в 1785 г. Дж. Уилмот. Это выглядело бы парадоксальным, если бы не следующее обстоятельство: на рубеже XIX – XX вв. проводникам английской чистоты нравов в пьесах Шекспира многое казалось непристойным, неприличным, дискредитирующим строгую британскую мораль. В «Кабинетной энциклопедии» Д. Ларднера (1828-1932) утверждалось, что пьесы Шекспира «изобилуют грубейшими непристойностями – более грубыми, нежели у любого из современных драматургов»². На то же обстоятельство обратил внимание и Джозеф Харт, фактический родоначальник антишексперианы («Прогулки на яхте», 1848), указавший, что Шекспир что Шекспир «покупал или добывал тайком» чужие пьесы, а затем «приправлял непристойностями, сквернословием и грязью»³. Таким образом, желая предъявить миру идеального Шекспира, критики и исследователи в погоне за абсолютно высоконравственным содержанием, оказались готовыми отказаться от Шекспира и создать нового автора, объясняя шекспировские «непристойности» вторжением наглого необразованного хама низкого происхождения в нравственно безупречные, лишенные даже намека на скабрзности творения философа и государственного деятеля Ф. Бэкона. Только так можно было согласовать с требованиями строгой морали такую, например, шутку Гамлета:

Гамлет:

Вы думаете, у меня были грубые мысли?

Офелия:

Я ничего не думаю, мой принц.

Гамлет:

*Прекрасная мысль – лежать между девичьих ног*⁴.

¹ Морозов «Шекспир». – ЖЗЛ. – 1947. http://az.lib.ru/m/morozow_m_m/text_0200.shtml (дата обращения 02.02.2017).

² Шекспировская энциклопедия. – М.: «Радуга» // Под ред. Стэнли Уэллса при участии Джеймса Шоу. Перевод А. Шульгат, 2002. Ст. «Авторство».

³ Там же.

⁴ Шекспир В. Гамлет. В пер. М. Лозинского. <http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt>. (дата обращения: 02.03.2017).

Сомнения в авторстве Шекспира были, в первую очередь, порождены недостаточностью образования, полученного Шекспиром (или не полученного вовсе – списка учеников стрэтфордской грамматической школы не сохранилось, как считают антишекспиристы, он был изъят намеренно), и низким происхождением Шекспира. С неприкрытым аристократическим снобизмом эти две основные причины сформулировал в 1918 году бельгийский ученый С. Дамблон, утверждавший, «что борзая не может родиться в семье мосек», и что «лилия не растёт на чертополохе»¹. Ни поэтика Шекспира, ни его реальная биография не отвечали актуальным для того времени стандартам идеального британского писателя и мыслителя, то есть не отвечали конкретно-историческим идеологическим и аксиологическим установкам, причем, расходились с этими требованиями настолько, что возникли сомнения не только в авторстве, но и в реальности существования Шекспира. Сомнения легко были бы опровергнуты, если бы сохранились рукописные автографы Шекспира, но они либо утрачены навсегда, либо не найдены до сих пор. Таким образом, отсутствие рукописей, как можно убедиться на примере истории «шекспировского вопроса», может стать существенной причиной для сомнений в авторстве того или иного писателя или поэта в условиях изменившихся идеологических или аксиологических критериев оценки как его творчества и личности, так и места, которое он занимает или (согласно новым идеологическим позициям) должен занимать в истории литературы, философии, культуры и истории своей страны в целом.

Если тот же принцип поиска исторической детерминированности спора об авторстве применить к стихотворению «Прощай, немытая Россия...», то становится очевидным тот факт, что споры об авторстве оживляются в период смены идеологических парадигм: когда традиционные, консервативные, охранительные, патриархальные, отчасти славянофильские ценности начинают доминировать над либеральными, реформаторскими, отчасти западническими. Наша культурно-историческая эпоха отмечена обращением к традиционным ценностям, интенсивным поиском русской идентичности, утверждением уникальности русского пути развития и русской национальной идеи, формированием новой идеологической платформы, которую редактор «Литературной газеты», писатель и драматург Юрий Поляков на Лермонтовской конференции в Пятигорске в 2010 году определил как «либеральный кон-

¹ Луков В. А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Луков. – 5-е изд., стер. – М.: «Издательский центр «Академический проект», 2008. С. 121; Шайтанов И. О. История зарубежной литературы: Эпоха Возрождения: в 2 т. – М.: «Владос», 2011. – Т. 2. С. 184-189.

серватизм». В контексте смены идеологием закономерно возобновление споров об лермонтовском авторстве знаменитого, хрестоматийно известного стихотворения: современное официальное понимание любви к Отчеству исключает возможность употребления Лермонтовым эпитета «немый» по отношению к России. И личность Лермонтова, и его творчество, таким образом, интерпретируются, исходя из современного понимания патриотизма, согласно которому Лермонтов выступает как православный христианин и сторонник Николая I. (В русле прежней идеологической парадигмы, восходящей к ленинскому пониманию преемственности трёх этапов освободительного движения в России, Лермонтов предстал атеистом и непримиримым борцом с николаевским режимом).

Вполне закономерно поэтому, что к вопросу об авторстве М. Ю. Лермонтова на заре утверждения новой аксиологии обратился в 2004 году, во время торжеств, посвященных празднованию 190-летия со Дня рождения поэта, директор Пушкинского дома (Института мировой литературы) авторитетный исследователь и историк литературы Н. Н. Скатов: «Все это вновь и вновь заставляет возвращаться (в последний раз это сделал М. Д. Эльзон¹ к одному из самых известных приписываемых Лермонтову стихотворений. Как известно, автографа этого стихотворения нет. Что ж, бывает. Но за тридцать с лишним лет не появилось и никаких свидетельств о какой-либо изустной информации: это о лермонтовском стихотворении такой степени политического радикализма. Нет и ни одного списка, кроме того, на который ссылается П. И. Бартенев, с чьей подачи и стало известно в 1873 году стихотворение, и который тоже якобы утерян. Кстати сказать, речь в стихотворении о желании укрыться за «стеной Кавказа» в то время, как Лермонтов ехал служить на Северный Кавказ, то есть, строго говоря, не доезжая до его стены. Наконец, главное, – это противоречит всей системе взглядов Лермонтова, всё более укреплявшегося в своем русофильстве, которого даже называют русоманом и который пишет (вот здесь-то автограф в альбоме Вл. Ф. Одоевского как раз сохранился): «У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна – встал и пошел... и встретил он 37 королей и 70 богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия...»².

¹ Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немая Россия» // Звезда. 2004. №2. С. 206-209.

² Скатов Н. Н. Всеведение пророка: к 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова [Text] / Н. Н. Скатов // Русская литература. – 2005. – № 1. – С. 14.

В приведенной выше цитате фактически описаны все источники аргументов и способы аргументации против лермонтовского авторства. Отсутствие черновиков и автографов, как мы имели возможность убедиться, недостаточно веский аргумент для отказа признания авторства Лермонтова, хотя весьма убедительный, более того, продуцирующий новые сомнения. Во многом именно на основании этого аргумента выстраивается база для появления, развития и неугасающей актуальности «шекспировского вопроса». Н. Н. Скатов ссылается, приводя этот аргумент, на авторитетного историка литературы, библиографа и библиофила, автора и составителя уникального произведения – «библиографического дневника» – «Автобиблиографии» М. Д. Эльзона, который в силу специфики своего подхода к истории литературы не мог усомниться в авторстве Лермонтова по причине отсутствия черновика и автографа¹. Свои сомнения в авторстве М. Ю. Лермонтова библиограф и библиофил М. Д. Эльзон высказывает, базируясь исключительно на документальных источниках, на сохранившихся списках стихотворения, свидетельствах и воспоминаниях современников, никаких предположений идеологического характера («Лермонтов, будучи русофилом, не мог назвать Россию «немытой») М. Д. Эльзон не делает, оставаясь в поле фактических и документальных источников, не прибегая к предположениям, опровергающим авторство Лермонтова на мировоззренческих основаниях. Причём, М. Д. Эльзон, оспаривая авторство М. Ю. Лермонтова и приводя убедительные доказательства в пользу своей точки зрения, тем не менее, оставляет вопрос об авторстве открытым: «Следовательно, до тех пор, пока не найдется утраченный (?) «подлинник» (?), о котором П. И. Бартенев сообщил П. А. Ефремову, либо список, безусловно датированный до 1873 г., вопрос об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия...» следует считать открытым. Если печатать его в сочинениях Лермонтова, то лишь в разделе «Dubia»»².

В качестве аргументов, опровергающих авторство Лермонтова, высказываются соображения, что стихотворение не вызвало никакого общественного резонанса (А. Кутырёва), что стихотворение «Прощай, немытая Россия» иронически пародирует стихотворение А. С. Пушкина «Прощай, свободная стихия!» (А. Кутырёва, Г. Клечёнов), что в стихотворении есть ряд исторических и документальных неточностей (С. Сокуров, П. Краснов), но самое главное, что в стихотворении Рос-

¹ Сербин С. М. Д. Эльзон. Автобиблиография (с примечаниями) (1964-2004) // НЛО № 90, 2008. <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/e115-pr.html>. (дата обращения: 26.02.2017).

² Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия» // Звезда. 2004. №2. С. 206-209.

сия названа «немытой», а Лермонтов – патриот и русофил – так назвать Россию не мог.

Факт, что стихотворение М. Ю. Лермонтова не вызвало никакого резонанса ни в литературе, ни в политической жизни тоже не бесспорен: если даже вопрос относительно авторства некоторых текстов, приписываемых Лермонтову, сегодня не решён, то неизвестно, какие сюрпризы сулит нам открытие поэтических альбомов, дневников и писем, особенно офицеров, служивших на Кавказе. Кроме того, вряд ли никогда не публиковавшееся при жизни поэта стихотворение было широко известно. Впервые строки этого стихотворения цитирует П. И. Бартенев, издатель журнала «Русский архив», в 1873 году. Готовилось к выходу собрание сочинений Лермонтова. Бартенев участвовал в его подготовке и в связи с ним 9 марта 1873 года написал издателю П. Е. Ефремову: «С рукописью Лермонтова произошла оказия: прежде, чем <была> кончена копия, ее потребовала назад доставительница, г <оспо>жа Столыпина и обещалась списаться с Шангиреями. Вот ещё стихи Лермонтова, списанные с подлинника. Прощай, немытая Россия, Страна рабов...»¹. Впрочем, в своем журнале И. П. Бартенев публикует стихотворение «Прощай, немытая Россия...» только в 1890 г. О принципах отбора И. П. Баргневым материалов для публикации в журнале, о проверке их достоверности, об особенностях публикации существуют противоречивые мнения: источниковеды, как современные, так и исследователи XIX века, критикуют издателя за публикацию пересказа вместо подлинного документа, за сокращение публикуемых материалов, называют материалы журнала «сырыми»², однако, не сообщают о фальсификациях. Кроме того, в письме Бартенев подчёркивает, что «доставительница» (госпожа Столыпина) требует немедленного возвращения текста назад. Возможно, причиной выступает именно «политический радикализм» стихотворения, который мог навредить хранителям, распространителям и доставителям, причем, не только в период правления Николая I, но и позже.

Как указывают, опровергающие авторство Лермонтова исследователи, первая строка стихотворения «Прощай, немытая Россия» содержит смысловую переключку со стихотворением А. С. Пушкина «К морю». Хотя очевидно, что первая строка стихотворения «Прощай, немытая Россия» построена по эффективной синтаксической модели предложения с обращением: обращение находится в постпозиции, при-

¹ «Русский архив». Полная коллекция. Все номера с 1863 по 1917 год. // <http://www.runivers.ru/gal/today.php?ID=450165> (дата обращения: 26.02.2017).

² Зайцев А. Д. Пётр Иванович Бартенев и «Русский архив». М. «Рукописные памятники Древней Руси», 2013. – 480 с.

чем, выражено сочинительным рядом, который распространяет и поясняет смысл обращения: собственно значение словосочетания «немытая Россия» поясняется в сочинительном ряде, где дается сначала уточнение, что за страна названа «немытой»: – «страна рабов, страна господ», а далее конкретизируется сама форма рабства: «мундиры голубые», олицетворяют власть, «страну господ», преданный им народ – «страну рабов». Развернутая вокативная формула, в которой актуализирован ряд художественных тропов: противопоставление («страна рабов, страна господ»), синекдоха («мундиры голубые»), показывающая, к какой именно России поэт обращается с прощанием, соответствует особенностям функционирования обращения в поэтической речи, как указывает П.А. Лекант: «В поэтической речи в качестве эмоционального и экспрессивного средства часто используется приём олицетворения – обращения не к лицам, а к предметам и явлениям»¹. В данном случае, обращение – это развернутая метафора, стоящая в постпозиции в безличном предложении, в котором предикат выражен глаголом в повелительном наклонении. Это типичная синтаксическая модель, в которой предикат со значением приветствия и прощания стоит в препозиции по отношению к обращению. Вокативная (звательная) интонация отвечает именно этой модели, поэтому не может непременно указывать на аллюзии из первой строки пушкинского стихотворения «К морю» (1824).

Более того, даже если согласиться с соображением, что эти аллюзии имеют место быть, то в обоих стихотворениях, и в пушкинском и, предположительно, лермонтовском, первая строка более вероятно выступит в коннотации с общим источником – стихотворением Дж.Г. Байрона «Farewell» («Прощай!», 1808, в переводе М. Ю. Лермонтова «Прости!», 1830, автограф сохранился. В черновом автографе стихотворение озаглавлено «(Прости) из Байрона»²) или же с «Прощанием» из Первой песни «Паломничества Чальд-Гарольда» (1812)³:

Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue;
The night-winds sigh, the breakers roar,

¹ Современный русский литературный язык: Учебник / Лекант П. А., Н. Г. Гольцева, В. П. Жуков и др. / Под ред. П. А. Леканта – 5-е изд. стереотип. – М.: «Высшая школа», 2001. – С. 369.

² Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин дом). – Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979-1981. Т. 1. Стихотворения, 1828-1841. 1979. <http://www.all-poetry.ru/stih86.html> (дата обращения 03.03.2016).

³ Байрон Дж. Г. Паломничество Чальд-Гарольда. <http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/child.txt> (дата обращения 03.03.2016).

And shrieks the wild sea-mew.
Yon sun that sets upon the sea
We follow in his flight;
Farewell awhile to him and thee,
My Native Land – Good Night!
A few short hours, and he will rise
To give the morrow birth;
And I shall hail the main and skies,
But not my mother earth.
Deserted is my own good hall,
Its hearth is desolate;
Wild weeds are gathering on the wall,
My dog howls at the gate¹.

В переводе В. Левика:

*Прости, прости!
Всё крепнет шквал,
Все выше вал встаёт,
И берег Англии пропал
Среди кипящих вод.
Плывём на Запад, солнцу вслед,
Покинув отчий край.
Прощай до завтра, солнца свет,
Британия, прощай!
Промчится ночь, оно взойдет
Сиять другому дню,
Увижу море, небосвод,
Но не страну мою.
Погас очаг мой, пуст мой док,
И двор травой зарос.
Мертво и глухо всё кругом,
Лишь воеет старый пёс.*

Тематически и содержательно именно с этим фрагментом байроновской поэмы у стихотворения «Прощай, немытая Россия» больше смысловой общности: оба прощания передают стремление отдалиться, скрыться за преградой (морем, стеной Кавказа), оба передают разочарование в родной Отчизне, состояние одиночества и тоски, неизвестности будущего, неопределенности стремлений – есть желание оставить род-

¹ Childe Harold's Pilgrimage, by George Byron // <https://ebooks.adelaide.edu.au/byron/george/b99c/complete.html>

ную землю, но нет определенного стремления к тому, что можно или должно найти в чулке краю.

К тому же, стихотворение «К морю» Пушкин в письме к П. А. Вяземскому называл: ««маленьким поминаньем за упокой души раба божия Байрона»¹ и посвящает Байрону несколько строф.

В контексте развернувшейся полемики особенно замечательно в замечании Н. Н. Скатова то, что поэтические образы вдруг перестают интерпретироваться как художественные, условные, обобщенно-символические, а начинают прочитываться буквально: Лермонтов утверждает, что скроется за стеной Кавказа, но будет на Северном Кавказе, то есть перед его стеной, а не за ней. Именно от такого буквального понимания художественных образов Лермонтов предостерегал читателей своего романа, указав в «Предисловии»: «Эта книга испытала на себе ещё недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов»². Собственно, именно так в антилермонтовских версиях интерпретируется синекдоха «мундиры голубые»: при Николае I жандармы носили мундиры светло-синего цвета, в 60-х гг. XIX века цвет мундира сменился на собственно синий. Хотя вовсе не обязательно, что образ «мундиры голубые» приложим исключительно к жандармам, синекдоха носит более общий характер, указывая на проводников властных решений, на адептов власти, на те штыки, на которых власть держится. Но даже если принять за истину то, что синекдоха «мундиры голубые» имеет более узкое значение и указывает конкретно на служащих жандармского корпуса, то и тогда, во-первых, не стоит буквализировать поэтический образ, а во-вторых, даже признание ошибочности цветообзначения в стихотворении «Прощай, немытая Россия...» небесспорно: согласно постановлению от 30 августа 1815 г. чинам Жандармского (переименованного из Борисоглебского драгунского) полка установить следующее обмундирование: рядовым мундир однобортный, из светло-синего сукна; с того же цвета воротником³. Многими современниками М. Ю. Лермонтова светло-синий мундир жандармов воспринимался именно как голубой, например, историк

¹ Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Т. 10. Письма 1831-1837. – С. 80.

² Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 2 т. – Том второй. / Сост. И комм. И.С. Чистовой. – М.: «Правда», – 1990. С. 455.

³ Жандармские команды (Парадная и походная формы. 16 сентября 1872 // Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской Императорской армии с восшествия на престол Государя Императора Александра Николаевича (с дополнениями) : Составлено по Высочайшему повелению / Сост. Александр II (император российский), илл. Балашов Петр Иванович и Пиратский Карл Карлович. – СПб.: Военная типография, 1857-1881.

литературы, профессор Санкт-Петербургского университета, цензор А. В. Никитенко (1804-1877), вспоминая посещение праздника в Петергофе, пишет в «Дневнике»: «Несколько больше движения замечалось у палаток, над входами в кои виднелись надписи: «Лондон», «Париж», «Лиссабон» и проч. Но и тут известные особы в голубых мундирах спешили приводить в надлежащие формы каждое свободное движение»¹. Кроме того, словосочетание «мундиры голубые» применительно к жандармской форме совпадает с официальным описанием цвета жандармского мундира в «Военно-энциклопедическом лексиконе» (1841) в статье «Жандармы в России» указано: «Мундир жандармский голубой»². Так что, даже в отношении буквального воссоздания цветообраза здесь едва ли можно зафиксировать анахронизм: голубыми мундиры жандармов стали уже после смерти Николая I, но назвались голубыми и в период его правления. Не вдаваясь в нюансы восприятия оттенков синего и возможности идентификации светло-синего как голубого, обратим внимание на синекдоху – «мундиры голубые» а аспекте ее смысловой и художественной значимости. По мундиру (синему ли, голубому ли – не так существенно в контексте стихотворения) обозначается собственно человек, таким образом, функция службы, исполнения обязанностей жандарма или любого другого служащего, проводящего решения власти, становится для служащего человека определяющей, собственно мундир становится субститутотом человека, человек становится функцией при мундире. «Мундиры голубые» – это проводники и исполнители приказов, решений и воли, и власти, а не самостоятельные люди, мундир поглощает человека. Именно таким образом, показывая, как отношения бесконтрольной полной власти («непобедимый владыка»), с одной стороны, и безропотного, бездумного подчинения («бедный раб»), с другой, нивелируют в людях все человеческое А. С. Пушкин в стихотворении «Анчар» (1828), причём, воины владыки тоже представлены через синекдоху – «послушливые стрелы» – это не люди, а орудия убийства в руках всемогущего правителя. Аналогичным образом в романе «Герой нашего времени» показаны метаморфозы образа Максима Максимыча: в конце главы «Максим Максимович» обиженный штабс-капитан бросает странствующему офицеру тетради Печорина, и тот, после довольно сухого прощания замечает: «Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном!» Причины этой метаморфозы офи-

¹ Никитенко А. В. Дневник. Том 1. – 1855. // http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml. (дата обращения 03.02.2017).

² Военно-энциклопедический лексикон. «Жандармы в России» – СПб., 1841. Ч. 5. – С. 451. https://books.google.ru/books?id=f_8IAAAAQAAJ&pg=PA451&lpg=PA451&dq=»-мундирь»+голубой&source=bl&ots=D (дата обращения 01.03.2016)

цер-рассказчик объясняет так: «бедный старик, в первый раз от роду, может быть, бросил дела службы для собственной надобности, говоря языком бумажным, – и как же он был награжден!» В повести «Бэла» есть показательный эпизод, представленный уже самим Максимом Максимычем: «Как я только проведал, что черкешенка у Григорья Александровича, то надел эполеты, шпагу и пошел к нему», – вспоминает Максим Максимович. То есть в полном обмундировании штабс-капитан Максим Максимович является к своему прапорщику Григорию Александровичу Печорину и именно так к последнему обращается. Когда Печорин, называя вошедшего Максим Максимович, предлагает тому трубку, тот отвечает: «Извините! Я не Максим Максимыч: я штабс-капитан», – и обращается к Печорину «господин прапорщик», указывая: «Господин прапорщик, вы сделали проступок, за который я могу отвечать», – требуя отдать шпагу. Когда шпага получена, прапорщик наказан и формальности соблюдены, то есть действия, продиктованные уставом и требованиями соответствия служебному положению, – то есть «мундиру», чину штабс-капитана соблюдены, Максим Максимыч, «исполнив долг свой», садится на кровать к Печорину и говорит уже по-дружески: «Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо». На эту двойственность образа Максима Максимыча обратил внимание Б. Т. Удодов в монографии «Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»»¹, подчеркнув тем самым внутреннюю конфликтность образа, выраженную в противоречии служебного долга и понимании товарищества, то есть государственного и индивидуального, собственного человеческого в образе Максима Максимыча.

В контексте лермонтовской поэтики образ «мундиры голубые» чрезвычайно сложный и внутренне конфликтный, это не только синекдоха, но и оксюморон: поскольку эпитет «голубой» в художественном мире Лермонтова маркирует свободную морскую стихию («Белеет парус одинокий, // В тумане моря голубом», 1832, «В пустыне моря голубой...») («Графине Ростопчиной», 1841), или указывает на идеальный образ человека – поэта или прекрасной девы («Как небеса, твой взор блистает // Эмалью голубой... («Слышу ли голос твой...», 1838), «... будто как металл // Язвили голубые очи.» («Жена Севера»), «Прощай, наш товарищ, недолго ты жил, // Певец с голубыми очами («В рядах стояли безмолвной толпой...» 1834-1835). Но наиболее часто определением «голубой» характеризуются небеса («... пред мною // Не серое, не голубое небо» («Ночь I», 1830?), «Блистая, пробегают облака // По голубо-

¹ Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». – М.: Просвещение, 1989. – 188 с.

му небу...» («К другу В.Ш.»), «На голубое небо он смотрел...» («Видение») «Луна, взойдя на небе голубом...» («Сон»), «И опустело небо голубое...» («Смерть», 1830), «Свод небес далекий голубой» («К***. Сонет»). Реминисценциями из Новалиса окрашен образ незабудки – «голубого цветка» в стихотворении «Незабудка. Сказка» (1830), в котором голубой цветок представлен как символ совершенной любви, открывающей путь в мир мечты и гармонии. Таким же значением – маркера идеального прекрасного мира наделен эпитет «голубой» в стихотворении «Люблю я цепи синих гор» (1832): «Я мчался на лихом коне // В пространстве голубых долин». Как указание на совершенный мир мечты, мир недоступный человеку при жизни, эпитет голубой предстает в «Русалке» («Русалка плыла по реке голубой...», 1836), в медитативном стихотворении «Выхожу один я на дорогу» («Спит земля в сияньи голубом...», 1840?), эпитет «голубой» маркирует порой даль, тоже соотносимую с образом недостижимого мира («... в дали голубой// Столбом уж кружился песок золотой», «Три пальмы», 1839)¹. В целом, семантической доминантой, объединяющей разные смысловые оттенки эпитета «голубой» и обобщающей его смысловую объем, выступает сема совершенства, соотношенного или с поэзией, или с высшим небесным миром, или с совершенной красотой или с миром стихий. Этот высший совершенный мир – мир мечты, предстает для человека как указание стремления к совершенству, к небесному идеалу. В этом контексте сочетание применение эпитета «голубой» по отношению к мундиру, вне зависимости от точности цветового и исторического соответствия форме жандарма при Николае I, выступает в лермонтовской поэтике указанием на неразрешимый конфликт устремленности человека к высшим, небесным идеалам, к совершенству с конкретно-историческими обстоятельствами, с прикрепленностью человека к определенной социальной среде, в конкретную историческую эпоху, а принимая во внимание, что в стихотворении конструируется синекдоха, данный поэтический образ следует прочитывать как трагическое несоответствие собственно человеческого конкретно-историческому, как поглощение общечеловеческого, манифестирующегося в конкретно-человеческом конкретно-историческом, как поглощение человека государственной службой, представленной в синекдохе «мундир». Более того, синекдоха «мундиры голубые» особо подчеркивает эту обезличенность, эту поглощенность человека государственной функцией, единицы общностью, тем, что употребляется во множественном числе. В стихотворении конкретное «Я» лирического

¹ Лермонтов Стихотворения. <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/pss1.txt> (дата обращения 03.03.2017).

героя, человека, взятого в единичности его судьбы и личности, противопоставляется некоему неперсонифицированному множеству, причем, даже не людей, а служебных функций – «мундиров». Значение образа «мундиры голубые» в силу его емкости и обобщенности предстает не буквальным, а глубоко символичным, причем, с наличием необходимой для символа визуальной закреплённости. Прочитанная как поэтический образ, а не как буквальная копия, синекдоха «мундиры голубые» приобретает в контексте стихотворения важное значение как оппозиция государства, власти и ее опоры – служащих людей в мундирах – лирическому герою.

Синекдоха «мундиры голубые», обозначающая государственного человека, создана по модели сходного поэтического образа из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824). В знаменитом монологе Чацкого «А судьи кто?» представлена аналогичная синекдоха:

*Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!*¹

Мундир в монологе Чацкого, как и в стихотворении Лермонтова (предположительно) представлен как субститут человеческой личности, более того, к этой самоидентификации через мундир не только стремятся люди умственно неразвитые или малодушные, как к способу приобрести значение не через реализацию своих человеческих качеств и возможностей, а через достижение определенного чина (в армии или на службе) и дальнейшее представление себя исключительно через этот чин. Чацкий подчеркивает, что это саморастворение в мундире, в чине – это норма и цель жизни, навязываемая молодому поколению как успешная модель поведения, более того, отступления от нее считаются подозрительными и опасными. Синекдоха «мундир голубые» создается по той же семиотической модели: чин, принадлежность к некоторому властному ведомству поглощают человеческую личность, нивелируют ее, делают принадлежность к ведомству единственным способом ее идентификации. Типологическая аналогия в построении и применении художественного приема характеризует стремление двух поэтов достичь сходного художественного эффекта и вызвана отражением одной и той же черты российской действительности – чинопочитания, стремления

¹ Грибоедов А. С. Горе от ума. http://az.lib.ru/g/griboedow_a_s/text_0010.shtml (дата обращения 03.03.2016).

отказаться от собственной идентичности и индивидуальной ответственности в пользу безопасного, комфортного и сулящего всевозможные карьерные и материальные блага выбора принадлежности к некоторому, представляющему власть ведомству, причем, эта черта выступает как категориальная, а не как маркирующая конкретную социально-историческую эпоху: между двумя произведениями лежит исторический промежуток в двадцать лет, озаглавленный сменой монарха и реформированием системы управления.

Против авторства Лермонтова выдвигается еще один аргумент – нигде больше, ни в одном произведении Лермонтов не употребляет слово «паша». («Так кривые образы «голубые мундиры», «паши» не встречаются нигде более», – указывает А. Кутырёва¹) «Алфавитно-частотный словарь языка Лермонтова» включает 14239 слов². Из них очень многие были употреблены в сочинениях поэта только один раз. Например, «аплодировать», «балахон», «бас», «сирень», «символический», «рубаша». Согласно тому же словарю, слово «паша» встречается в произведениях М. Ю. Лермонтова 8 раз: в прозаической сказке «Ашик Кериб» слово паша встречается 6 раз, 1 раз в драме «Станный человек», 1 раз в лирике. Кроме того, воссоздавая образ деспотии, Лермонтов в стихотворении «Жалобы турка» (автограф сохранился) проводит прозрачную аналогию между восточной деспотией и любой формой абсолютизма, особенно в постскрипуме к стихотворению:

*Р.С. Ах, если ты меня поймёшь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? – Все мы человеки!*³.

В прозаическом произведении «Ашик-Кериб. Турецкая сказка» шесть раз встречается слово «паша». Причем, это слово выступает маркером, указателем на произвол и бесконтрольность власти: «Иди с нами, к великому паше, закричали они, или ты отвечаешь нам головою». – «Я человек вольный, странник из города Тифлиза, – говорит Ашик-Кериб; хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, – и ваш паша мне не начальник»; – однако, несмотря на то, его схватили и привели

¹ Кутырёва А. «Пародируя поэта» <http://lermontov.niv.ru/lermontov/articles/kutyreva-parodiruya-poeta.htm> или Кутырёва Спор о патриотизме Лермонтова. Проза. ру. 2006. № 10. <http://www.proza.ru/2006/10/08-50> (дата обращения 03.03.2016).

² Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: «Советская энциклопедия». – С. 719-774.

³ Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 2 т. – Том первый. / Сост. И комм. И. С. Чистовой. – М.: «Правда», –1988. – С. 27.

к паше»¹. А эпитет «немытая» употребляется Лермонтовым, помимо анализируемого стихотворения (если согласиться с авторством Лермонтова) в поэмах «Монго» (1836) и «Тамбовская казначейша» (1838). В первом случае определение имеет буквальное значение, но употребляется в интересной в контексте развернувшейся полемики оппозиции:

*Не занимался он чинами,
Ходил немытый целый день,
Носил фуражку набекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнул ся наперед,
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот...²*

Герой поэмы приводит себя в порядок к вечеру (именно вечерние похождения двух друзей составляют сюжет поэмы), и пренебрежение героя некоторыми приличиями выступает одной из составляющих его образа жизни, как независимого и свободного: он поглощен не службой, а балетом и любовными похождениями. В «Тамбовской казначейше» определение «немытый» употреблено в буквальном смысле:

*Но полк прошел. За ним мелькает
Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых³.*

Необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что определение «немытый» вновь соседствует с упоминанием официальной воинской службы, более того, вновь ему противопоставлено: за полком бежит толпа мальчишек, поведение которых свободно, а вид не уставен: ребята босые, шумные и немытые, они бегут, в то время, как полк идет. В стихотворении «Прощай, немытая Россия...» эпитет «немытая» находится не в оппозиции по отношению к «мундирам голубым» как символу службы, но охватывает при этом и государство и его адептов и народ, государству и его служащим доверяющий, то есть значение эпитета иное, чем в приведенных контекстах, но при этом очевидно и не буквальное, в отличие от актуализированных поэтических контекстов.

Эпитет «немытая», проинтерпретированный буквально, вообще

¹ Лермонтов М. Ю. Ашик-Кериб. Турецкая сказка http://az.lib.ru/l/lermontow_m_j/text_0460.shtml (дата обращения 02.02.2017).

² Лермонтов М. Ю. Монго. <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/ler-poems15.html> (дата обращения 02.02.2017).

³ Лермонтов М. Ю. Тамбовская казначейша. <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/ler-poems15.html> (дата обращения 02.02.2017).

прочитывается исследователями, отрицающими авторство М. Ю. Лермонтова, вне поэтического контекста. В качестве опровержения авторства Лермонтова почему-то приводятся факты, что мыло в России стали варить раньше, чем в Европе, а мылись и парились в бане, а не по-европейской традиции над тазиками, как указывает С. Сокуров¹, П. Краснов обнаруживает в России более высокую гигиену по сравнению с Западом². С тем чтобы выявить семантический объём эпитета «немытая» и его метафорическое значение целесообразно обратиться к поиску контекстов с однокоренными словами без отрицательной приставки. Слова с общей семьей «мыть» М. Ю. Лермонтов употребляет, как правило, в переносном, метафорическом значении:

*Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.*
(«Журналист, Читатель и Писатель», 1840)³.

*Не хочу я пред небесным
О спасенье слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть... («Покаяние»)⁴.*

*Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрёк, оправданный толпой... («Черны очи», 1831)⁵.*

*Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?..
Отныне он чистой водой
Бойтся руки умыть. («Атаман»)⁶.*

¹ Сокуров С. О русской баньке и европейских тазиках // Сокуров С. Прощай, немытая Россия...» Кто же автор? // <http://www.krugozormagazine.com/show/Russia.1274.html> (дата обращения: 26.02.2017).

² Краснов П. «Прощай, немытая Россия...» – идеологическая диверсия // <http://www.kramola.info/vesti/rusy/prowaj-nemytaja-rossija-ideologicheskaja-diversija>. (дата обращения: 26.02.2017).

³ Лермонтов Стихотворения. <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/pss1.txt> (дата обращения 03.03.2017).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

И наконец знаменитое:

*И вы не смаете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь! («Смерть поэта», 1837)¹.*

Слова с корнем «мыть» употребляются Лермонтовым в переносном значении, чистота, ими обозначаемая понимается, как чистота духовная, как душевное спокойствие, как достижение внутренней гармонии, основанное на покаянии, избавлении от грехов, приобщении к высшей чистоте, то есть чистоте небесной. Такая возможность закрыта для льстецов и подхалимов, окруживших трон в надежде на богатство и чины, для атамана, совершившего преступление, которое он не может искупить, за которое сам себя не прощает, для тех, в ком совесть нечиста. Именно этих качеств – стремления к духовной чистоте, к покаянию, к преображению через покаяние и очищение от грехов, обретаемое через самопознание, и нет в современной России, где «мундиры голубые» не противопоставлены народу, а едины с ним, где народ предан мундиру. В таком контексте значение эпитета «немытая» шире, чем значение «непросвещенная»: вместо преданности началам небесным и духовным, у народа есть преданность «мундирам голубым», то есть исполнителям властных решений, орудиям в руках власти, то есть началам надзорным, охранительным, возможно даже справедливым (предположим), но светским, земным. Именно эта замена небесной власти мирской, её возведение в абсолют, растворение в ней (народ представлен также общо и безлико, как «мундиры голубые») и передает эпитет «немытая», примененный к России. Более того, мирская власть представлена, как наделенная способностями и возможностями власти небесной, высшей – она всевидящая и всеслышущая, то есть, она представлена в стихотворении, как взявшая на себя функции божественные, стремящаяся все видеть, знать и контролировать, то есть предстать властью высшей небесной, заменить небесную власть. Именно эта чудовищная подмена, этот обман, заключенный в том, что власть земная представляется властью небесной, берет на себя божественные полномочия, и приводит к появлению в стихотворении эпитета «немытая». Более того адептам этой власти – «мундирам голубым», а не вестникам власти высшей – ангелам и пророкам – предан народ. Лермонтовский пророк – изгнанник, которому люди не захотели верить, которого не захотели слушать, которого не хотят видеть. А вот «мундирам голубым» народ предан. Выбор именно этой глагольной формы «преданный» чрезвычайно значим – в стихотворении подчеркнуто, что даже не подчинение власти и исполнителям ее

¹ Там же.

решений, а преданность проводникам этих решений объединяет «мундиры голубые» и народ. А предаваясь мирской власти, а не власти небесной, народ закрывает себе путь к очищению. Определение «преданный» «мундирам голубым» по отношению к народу соответствует той архетипической модели отношения человека, как индивидуальности, и превосходящих его сил, начиная от отца в семье, продолжая царем в государстве и заканчивая Богом на небесах, которая идентифицирована М. Ю. Лотман как определяющая особенности российской национальной ментальности и выражена в формуле «вручение себя». Этот тип отношений исследователь характеризует как религиозный и подчеркивает, что ему свойственны не отношения обмена, присущие западноевропейской модели отношений человека и превосходящих его начал, «а безоговорочное вручение себя во власть. Одна сторона отдает себя другой без того, чтобы сопровождать этот акт какими-либо условиями, кроме того, что получающая сторона признается носителем высшей мощи»¹. Отношения человека и семьи (рода, племени, общины), государства, высших сил, выстроенные по этой семиотической модели, как указывает М. Ю. Лотман, – характеризуются в числе прочих признаков «односторонностью; они имеют односторонний характер: отдающий себя во власть субъект рассчитывает на покровительство, но между его акцией и ответным действием нет обязательной связи; отсутствие награды не может служить основанием для разрыва отношений», а также «отношения этого типа имеют характер не договора, а безусловного дара»². Ю. М. Лотман подчеркивает, что в ранних памятниках древнерусской литературы, например, в «Молении Даниила Заточника», указывает на ненадежность и порочность договорных отношений между боярами и князем, которым противопоставляется «идеал преданности»³, то есть полного предания, вручения себя во власть князя, причем, идеал преданности и безоговорочного вручения себя не оставляет перед лицом власти – как и небесной, так и мирской, никакого иного права, кроме как полностью отдать, вручить себя этой власти, ничего не требуя взамен, даже не особо надеясь на некоторую милость со стороны этой власти. Перед лицом этой власти человек, предстаёт, по определению Ю. М. Лотмана, «как капля, вливающаяся в море»⁴. Вполне закономерно поэтому, что и исполнители, и проводники властной воли и хранители власти представлены как носители служебного долга – «мундиры голу-

¹ Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. – Т. 3. – Таллинн: Александра, 1993. С. 345-355.

² Там же, С. 346.

³ Там же, С. 348.

⁴ Там же, С. 350.

бые», а народ, который целиком себя вручил власти, предался ей, представлен, как единое целое. Этому целостному единству, предавшихся власти, вручивших себя власти, противопоставит человеческая индивидуальность – лирический герой стихотворения, который противопоставляет свою личную судьбу, свой сугубо индивидуальный жизненный путь именно этой семиотической модели – безоговорочному вручению себя, ценой отказа от собственной воли, индивидуальности и от любых форм ответственности, вся полнота которой ложится на власть. Именно в этом и состоит глубокий символический смысл эпитета «немытая», примененного к России, причём, России в конкретный исторический период – актуализированный через метафору «мундиры голубые», а не к России вообще. Только на этом пути замены и подмены понятий у народа и России нет будущего, поэтому этот мир противопоставлен миру лирического героя стихотворения, который надеется в новом мире, еще не вполне освоенном, не вполне подчиненном, обрести если не свободу, то избавление от тотальной слежки и подчинения духовных начал началам светским. Идея вручения себя присутствует в творчестве Лермонтова, но лермонтовский человек вручает себя именно высшим силам, а не государству или мирской власти. В стихотворении «Валерик» эта идея выражена следующим образом:

*И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказание?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили¹.*

Необходимо подчеркнуть, что идея вручения себя высшей силе завлена в стихотворении в контексте фатализма, свойственного мусульманским народам (названы турок, татарин), притяжение к ближневосточному фатализму объяснено влиянием «небес востока» и «учения их пророка». Так и романе «Герой нашего времени» Казбич, который

¹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 2 т. – Том первый. / Сост. И комм. И. С. Чистовой. – М.: «Правда», –1988. С. 370.

не подчиняется никому, который дорожит своей свободой настолько, что не хочет связать себя даже браком с любимой женщиной (об этом он поет в песне Азамату, говоря словами песни, что «молодецкая воля веселей»), может вручить себя только высшей силе, признавая только ее власть над собой: вспоминая, как он ушел от погони и от верной гибели, Казбич говорит, что его спасение началось с того, что он «поручил себя Аллаху». Но если Казбич вручает себя Аллаху безоговорочно, то Печорин накануне дуэли, рассуждая о своей судьбе, замечает: «...если моя звезда наконец мне изменит?.. И не мудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле».

В контексте этого противопоставления в синекдохе «мундиры голубые» актуализируется еще один смысловой оттенок. Центральные лермонтовские антиномии «время – вечность», «смерть – жизнь», «земля – небо», «судьба – свобода», «действие – покой», выражают положение человека, находящегося в состоянии поиска и саморазвития, определяющего свое место в мироздании и цели в жизни по отношению к полюсам именно этих антиномий. Онтология лермонтовского человека охватывает несколько уровней его бытия от физического и конкретного исторического до духовного, трансисторического, космического, причем, поиски идентичности начинаются на верхнем, космическом уровне, а затем экстраполируются на конкретное бытие в конкретных месте и времени. Именно поэтому антиномия «земля – небо» приобретает характер ключевой, определяющий в контексте поиска лермонтовским человеком идентичности. Небеса в поэтике Лермонтова наделяются кроме общей семантики верха, значением соответствия сакральному, совершенному («По небу полуночи ангел летел» – «Ангел»¹; «И в небесах я вижу бога» – «Когда волнуется желтеющая нива»²). Соотнесение своей земной жизни с небесами, постоянное соизмерение своей земной жизни с небесным идеалом, жизнь в виду небесного идеала, постоянное стремление к совершенству – это способ бытия лермонтовского человека. Если постоянный эпитет «голубой», характеризующий небеса, применяется к абсолютно земному, сосредоточенному в границах земного явлению, явлению, соизмеримому только с мирскими земными началами, это приводит к девальвации небесного, к подмене жизни в виду небес, к жизни в виду мирской власти. Собственно, именно такой способ жизни передается в последней строфе стихотворения: наблюдение небес, всезнание небес, сменяется постоянным наблюдением, всезнанием

¹ Там же, С. 95.

² Там же, С. 161.

мирской власти, претендующей на то, чтобы занять место высшей власти небесной.

Необходимо подчеркнуть очень значимое обстоятельство: в стихотворении образ голубых мундиров представлен через инверсию – «мундиры голубые», таким образом, основной смысловой акцент падает на определение, а не на определяемое слово, к тому, эпитет «голубые» завершает строку и рифмуется со словом Россия. Необходимо подчеркнуть, что инверсионное расположение в стихотворной строке эпитета «голубой» как последнего рифмующегося слова достаточно типично для поэтики Лермонтова на протяжении всей творческой эволюции поэта: «Луна, взойдя на небе голубом, // Играла в стеклах радужным огнем» («Сон», 1830), «И опустело небо голубое» («Смерть», 1830), «В тумане моря голубом» («Парус», 1832), «Свод небес далекий голубой» («К***. Сонет»), «Русалка плыла по реке голубой...» («Русалка», 1836), «Как небеса твой взор блистает // Эмалью голубой...» (1838), «... вдали голубой // Столбом уж кружился песок золотой...» («Три пальмы», 1839), «Так две волны несутся дружно // Случайно, вольною четой // В пустыне моря голубой...» (Графине Ростопчиной), 1841) «Спит земля в сияньи голубом» («Выхожу один я на дорогу...», 1841). Рифмующиеся слова в стихотворении семантически выделены, на них приходится основной смысловой акцент. Рифмы к эпитету «голубой», уже выделенному в смысловом отношении посредством инверсии, усиливают его значение: «голубом – огнём» («Сон»), «голубом – родном» («Парус»), «голубой – луной» («Русалка»), «голубой – молодой» («Как небеса твой взор блистает»), «голубой – золотой» («Три пальмы»), «четой – голубой» («Графине Ростопчиной»), «голубом – о чем» («Выхожу один я на дорогу...»). Семантически значимое в поэтике Лермонтова определение «голубой» рифмуется либо со словами со значением света: «огнем», «луной», косвенно тому же принципу отвечает рифма «голубой – золотой», вызывающая ассоциации с золотом в лазури – с солнцем на небе, соотносено с словами, наделенными семантикой объединения: «голубой – четой», «голубой – родной», со значением поиска ответов на вопросы о своем назначении: «голубом – о чем». Особенно значима в контексте смысла анализируемого стихотворения рифма: «голубом – родном», соотносимая семантически с рифмой «голубые – Россия». Собственно, эта рифма выступает исчерпывающим ответом тем, кто сомневается в патриотизме и русофильстве Лермонтова – эпитет, отнесенный к сакральному, высшему, совершенному, рифмуется с именем Родины, или, как в раннем стихотворении «Парус» с названием родного края, тем самым перенося свой семантический объем на слово, с которым он соотносится

посредством рифмы. Слова, рифмующиеся и выделенные при помощи инверсии, приобретают в стихотворении особый семантический статус, выступают смыслообразующими, ключевыми. Именно эта рифма отделяет «Россию» от эпитета «немытая», сообщает этому художественному образу такой же статус оксюморона, что и образу «мундиров голубых», причем, если во втором случае ключевое слово в образе – «голубой», то в первом при прямом порядке слов – «Россия». Так рифмующиеся слова в первой строфе указывают на истинный источник сакрального, заключенный в России, а не мундире или пашах с всевидящим оком и всеслышущими ушами.

Такой образ России находится в прямой коннотации с образом Отчизны, созданном в стихотворении «Родина» (1841). В стихотворении «Родина» поэт противопоставляет официальную Россию народной Руси, той, о возрождении которой мечтает, в силу которой верит. «Странная любовь» к Отчизне – это любовь к родной земле, к ее природе, к ее народу:

*Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков¹.*

Это любовь к Отчизне – к земле отцов, с её самоотверженными труженниками, это любовь к Родине, явственно противопоставленная любви к государству. Именно признаки имперской, державной России, страны господ и рабов, показаны в первой строфе этого удивительного стихотворения: «слава, купленная кровью», «гордое невежество», граничащее с чванством и пренебрежением к собственному народу, «темной старины заветные преданья». Причем, образ народной Руси – огромен и необозрим: «...лесов безбрежных колыханье, Разливы рек ее, подобные морям...». Эта Русь заключает в себе огромную мощь, стихийные ко-

¹ Там же, С. 208.

лоссальные силы, это мир свободы и простора. И таким же свободным, стихийным показан народный праздник, народная пляска, выражающая свободу и мощь народной души. Конечно, Лермонтов был русофилом, который восхищенно любовался этой природной мощью народа и Отчизны. Именно эту свободную, вольную, народную Отчизну Лермонтов и противопоставлял государству России – России «немойтой» – «стране рабов, стране господ». Таким образом, анализ образной системы стихотворения, которая рассмотрена, как динамичная, развертывающаяся во времени, целостная, внутренне единая и организованная разворачиванием единого смысла произведения, приводит к актуализации двоякой сути ведущих художественных образов стихотворения как сугубо индивидуальных, субъективных, но при этом обобщенных, законченных, целостных, но при этом суггестивных, открытых для чувств и мыслей читателя, для читательского сопереживания, понимания и интерпретации. Явления действительности в художественном мире стихотворения предстает как многосмысленные, многогранные, смысловая концентрация сообщает ведущим метафорам («мундиры голубые») статус символа. Факт действительности, трансформируясь в художественный освобождается от черт случайных и незначительных, обобщается и типизируется, по определению Г. В. Гегеля «идеализируется»¹, то есть раскрывается свой смысл во всей полноте и точности.

Проведённый анализ семантического объёма метафорических эпитетов («немытая») ведущих поэтических образов стихотворения (эпитета «немытая», оппозиции «страны рабов, страны господ» лирическому герою, синекдохи «мундиры голубые», инверсии «мундиры голубые», рифмы «голубые – Россия»), синтаксического строя первой строфы стихотворения, разумеется, не может окончательно опровергнуть доводов, ставящих под сомнение авторство М. Ю. Лермонтова, на основании анализа библиографических источников. Именно поэтому решение, предлагаемое М. Д. Эльзоном, – включать стихотворение в собрания сочинений М. Ю. Лермонтова в раздел произведений с точно не установленным авторством – представляется на сегодняшний день наиболее реалистичным и объективным. Хотя образный строй и смысл стихотворения не противоречат ни убеждениям Лермонтова, ни общим принципам его поэтики.

Литература:

1. Байрон Дж. Г. Паломничество Чальд-Гарольда. <http://lib.ru/POEZIQ/BAJRON/child.txt> (дата обращения 03.03.2016).

¹ Гегель Г. В. Эстетика: в 4 т. М., 1968. Т. 1. С. 165 http://vk.com/doc32755590_323683501?dl=e9f7b7e30edfe20b73&hash=8514690ea34a6da591 (дата обращения 03.03.2016)

2. Бушин В. Курьёз с шедевром // Слово. 1989. N10. С. 45-48. Вариант под загл.: Странная судьба одного стихотворения // Кубань. 1989. N10. С. 80-90.
3. Военно-энциклопедический лексикон. «Жандармы в России» – СПб., 1841. Ч. 5. – С. 451.https://books.google.ru/books?id=f_8IAAAAQAAJ&pg=PA451&lpq=PA451&dq=»мундирь»+голубой&source=bl&ots=D (дата обращения 01.03.2016).
4. Гегель Г.В. Эстетика: в 4 т. М., 1968. Т. 1. С. 165 http://vk.com/doc32755590_323683501?dl=e9f7b7e30edfe20b73&hash=8514690ea34a6da591 (дата обращения 03.03.2016).
5. Грибоедов А. С. Горе от ума. http://az.lib.ru/g/griboedow_a_s/text_0010.shtml (дата обращения 03.03.2016).
6. Есть ли основания сомневаться в авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия»? <http://newforum.gramota.ru/viewtopic.php?p=371095> (дата обращения 03.03.2016).
7. Жандармские команды (Парадная и походная формы). 16 сентября 1872 // Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской Императорской армии с восшествия на престол Государя Императора Александра Николаевича (с дополнениями): Составлено по Высочайшему повелению / Сост. Александр II (император российский), илл. Балашов Петр Иванович и Пиратский Карл Карлович. – СПб.: Военная типография, 1857-1881.
8. Зайцев А. Д. Пётр Иванович Бартенев и «Русский архив». М. «Рукописные памятники Древней Руси», 2013. – 480 с.
9. Ключёнов Г. Об одной очень странной мистификации // Лит. Россия. 1994. 18 февр. С. 12.
10. Краснов П. «Прощай, немытая Россия...» – идеологическая диверсия// <http://www.kramola.info/vesti/rusy/provaj-nemytaja-gossija-ideologicheskaja-diversija>. (дата обращения: 26.02.2017).
11. Кутырёва А. «Пародируя поэта» <http://lermontov.niv.ru/lermontov/articles/kutyreva-parodiruya-poeta.htm> или Кутырёва Спор о патриотизме Лермонтова. Проза. ру. 2006. № 10.<http://www.proza.ru/2006/10/08-50> (дата обращения 03.03.2016).
12. Лермонтов: Один меж небом и землёй / Валерий Михайлов. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 618 с.
13. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Изд. 2-е, испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1979-1981. Т. 1. Стихотворения, 1828-1841. 1979. <http://www.all-poetry.ru/stih86.html> (дата обращения 03.03.2016).
14. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 2 т. – Том первый. / Сост. И комм.

- И.С. Чистовой. – М.: «Правда», –1988. –720 с.
15. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 2 т. – Том второй. / Сост. И комм. И.С. Чистовой. – М.: «Правда», – 1990. – 704 с.
 16. Лермонтов М. Ю. Ашик-Кериб. Турецкая сказка http://az.lib.ru/l/lermontow_m_j/text_0460.shtml (дата обращения 02.02.2017).
 17. Лермонтов М. Ю. Монго. <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/ler-poems15.html> (дата обращения 02.02.2017).
 18. Лермонтов Стихотворения. <http://lib.ru/LITRA/LERMONTOW/pss1.txt> (дата обращения 03.03.2017).
 19. Лермонтов М. Ю. Тамбовская казначейша. <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/ler-poems15.html> (дата обращения 02.02.2017).
 20. Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: «Советская энциклопедия». – 784 с.
 21. Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. – Т. 3. – Таллинн: Александра, 1993. – 480 с. – С. 345-355.
 22. Луков В. А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Луков. – 5-е изд., стер. – М.: «Издательский центр «Академический проект», 2008. – 512 с.
 23. Миллер О. В. Кто прощался с Россией, уезжая на Кавказ? //Русская литература 14 февраля 2008 года // http://literary.ru/literary.ru/readme.php?archive=&id=1202993204&start_from=&sub&subaction=showfull&ucat=(дата обращения 03.02.2017).
 24. Михайлов В. Ф. Не мог он назвать Россию немойтой. Беседу вел Игорь Чернышев. //Литературная газета – 15.10. 2014. – № 40 (6482) // <http://www.lgz.ru/article/-40-6482-15-10-2014/ne-mog-on-nazvat-gossiyu-nemytoy/> дата обращения 03.02.2017).
 25. Морозов «Шекспир». – ЖЗЛ. – 1947. http://az.lib.ru/m/morozow_m_m/text_0200.shtml (дата обращения 02.02.2017).
 26. Никитенко А. В. Дневник. Том 1. – 1855. // http://az.lib.ru/n/nikitenko_a_w/text_0030.shtml. (дата обращения 03.02.2017).
 27. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Т. 10. Письма 1831-1837. – 486 с.
 28. «Русский архив». Полная коллекция. Все номера с 1863 по 1917 год // <http://www.runivers.ru/gal/today.php?ID=450165> (дата обращения: 26.02.2017).
 29. Сербин С. М. Д. Эльзон. Автобиблиография (с примечаниями) (1964-2004) // НЛО № 90, 2008. <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/90/el15-pr.html>. (дата обращения: 26.02.2017).

30. Скатов Н. Н. Всеведение пророка: к 190-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова [Text] / Н. Н. Скатов // Русская литература. – 2005. – № 1. – С. 3-15.
31. Современный русский литературный язык: Учебник / Лекант П. А., Н. Г. Гольцева, В. П. Жуков и др. / Под ред. П. А. Леканта – 5-е изд. стереотип. – М.: «Высшая школа», 2001. – 462 с.
32. Сокуров С. О русской баньке и европейских тазиках // Сокуров С. Прощай, немытая Россия...» Кто же автор? // <http://www.krugozormagazine.com/show/Russia.1274.html> (дата обращения: 26.02.2017).
33. Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». – М.: Просвещение, 1989. – 188 с.
34. Чинухин В. М. Еще раз об авторстве Лермонтова. «Самиздат» 07.03.2013 // http://samlib.ru/c/chunihin_w_m/lermontov.shtml (дата обращения: 03.03.2017).
35. Шайтанов И. О. История зарубежной литературы: Эпоха Возрождения: в 2 т. – М.: «Владос», 2011. – Т. 2. – 227 с.
36. Шекспировская энциклопедия. – М.: «Радуга» // Под ред. Стэнли Уэллса при участии Джеймса Шоу. Перевод А. Шульгат, 2002. Ст: «Авторство».
37. Шекспир В. Гамлет. В пер. М. Лозинского. <http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt>. (дата обращения: 02.03.2017).
38. Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия» // Звезда. 2004. N2. С. 206-209.
39. Энциклопедия Боркгауза и Ефрона <http://www.rulex.ru/01020989.htm>; Пичета В. И. Введение в русскую историю. (// Источники и историография). – М.. 1922 // <http://www.opentextnn.ru/history/?id=2704> (дата обращения: 26.02.2017).
40. Childe Harold's Pilgrimage, by George Byron // <https://ebooks.adelaide.edu.au/b/byron/george/b99c/complete.html>.

3. Прилепин

(г. Нижний Новгород)

Лермонтов как автор романа «Духлесс»

Наблюдая за реакцией части российской общественности на прочтение г-ом Порошенко в связи с получением Украиной т.н. «безвиза» классических стихов М. Ю. Лермонтова, я с печалью осознал, что дорогие россияне, конкретные русские люди, в том числе профессиональные патриоты и патриоты-любители, лет, кажется, уже тридцать не читали стихов. То есть вообще.

В последние дни вдруг стало модным – у патриотов свои тренды! – доказывать, что Лермонтов стихов про «немьгую Россию» вообще не писал.

Но как это доказывают!

Это доказывают просто гениально: Лермонтов, говорят нам, не мог Россию назвать «немьгой», ведь русские были... очень чистоплотным народом. И Лермонтов про это знал. Он наверняка мылся вместе с русскими мужиками, а иногда и с русскими женщинами.

Это, друзья мои, просто ужасно. Ужасно это потому, что вы, простите, глуховаты.

Что ваша, разделяемая мной, влюблённость в Россию, порой начинает носить откровенно комический эффект.

Вы не всегда понимаете, что такое поэтический образ, вы не до конца осознаёте, что такое поэтическая метафора, порой вы вообще не берёте в расчёт, что такое поэтическая речь.

Можно искать автограф этого стихотворения – хотя в русской классике, между прочим, фигурируют сотни стихов, вообще не имеющих автографов, – можно воспроизводить бездоказательную байку о том, что стихи эти написал поэт Минаев, не зная при этом, кто это вообще такой, и не прочитав ни одного его стихотворения (а зачем?), и уж точно не желая иметь на руках автограф, сделанный рукой этого самого Минаева (чего это вдруг? какие ещё доказательства вам нужны? Сказано Минаев – значит, Минаев; автор книги «Духлесс»).

Всё это можно, друзья мои! Нельзя только судить о стихах человеку, который не читает их в принципе, и читал последний раз в школе.

Отличный политический публицист Роман Носиков пишет мне на чистом глазу: «Можете ли вы указать свидетельства, что Лермонтов полагал Россию – диким Востоком, Азией, не Европой? Что полагал людей, народ России нечистоплотным по сравнению с другими народами,

более раболепными? Есть такое в остальном творчестве Лермонтова? Укажите».

...О Боги мои.

Люди читают стихи как бухгалтерскую книгу, будто не осознавая состава и смысла поэтического посыла: этот посыл может быть эмоционален до мазохизма, осознанно алогичен, он может быть сиюминутен: потому что внутреннее противоречие – само по себе правило поэтической жизни. Ровны и непротиворечивы только графоманы.

Отъявленный русофил и русский офицер Лермонтов в неоконченном романе «Вадим» мог позволить себе написать: *«Русский народ, этот сторукий исполин, скорее перенесет жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его; он желает быть наказываем, но справедливо, он согласен служить – но хочет гордиться своим рабством, хочет поднимать голову, чтоб смотреть на своего господина».*

И что, это кого-то в чём-то убеждает?

Больше логики, господа, больше! Надо всё рассмотреть с позиций логики!

Был у нас другой поэт, за которого русские люди глотку порвут любому – едва ли кто-то рискнёт обвинить его в русофобии.

Давайте попробуем, пользуясь методом Романа Носикова, перечитать Есенина.

Цитируем.

*«О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины».*

Верно ли мы понимаем, что русские избы имели челюсти и жрали тишину? Им что, и пожевать больше было нечего?

Или цитируем ещё Есенина.

*«Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь Бога и болотных недр...».*

Верно ли мы понимаем, что русские крестьяне, в том числе родители Есенина, были не только бедны, но и уродливы; а также пугались болот? О, русофобская сволочь, этот ваш хваленый Есенин. Нет, почему мы некрасивые, с чего это? Если все иностранцы говорили, что мы, наоборот, красивые? И смелые, очень смелые – даже наши дети не боялись на болотах собирать ягоды.

Наверняка кто-то подделал эти стихи, чтоб опорочить нашего златокудрого гения. Быть может, всё тот же Минаев, написавший роман «The тёлки».

А как Есенин описывал дореволюционную жизнь? А вот как.

*«Россия... Царщина...
Тоска...
И снисходительность дворянства.
Ну что ж!
Так принимай, Москва,
Отчаянное хулиганство.*

*Посмотрим -
Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забила
В салонный вылощенный
Сброд
Мочой рязанская кобыла».*

Верно ли мы понимаем, что Есенин не только презирал дореволюционную Россию, мать нашу, находя её тоскливой, но, более того, посещал аристократические салоны на лошади, принуждая животное справлять свои надобности непосредственно на лучших людей России?

Нет, подайте автограф.

А вот ещё признание:

*«Только мне, как псаломщику, петь
Над родимой страной аллилуйя.
Оттого-то вросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой».*

Верно ли, Есенин решил отпеть раньше времени мать нашу Россию?

И верно ли мы понимаем, что Есенин обвиняет какого-то русского мужика в том, что он пахнет соломой? А как же традиционная чистоплотность русских людей?

Он ведь ещё и самогонкой захлебнулся. Но ведь русские отлично пьют, это все иностранцы знают. Могут очень много выпить и не захлебнуться.

Кстати, как фамилия этого мужика? Надо выяснить, кто это конкретно. Может, это был не совсем русский мужик. Или, Боже упаси, Есенин здесь имеет вообще русского мужика как тип? Значит, все наши мужики пахнут соломой? Нет, нет, это невозможно. Есенин же в единственном числе написал. Это какой-то один мужик. Наверное, его сосед.

Но, беда, у Есенина есть ещё одно классическое стихотворение на ту же самую тему.

*«Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта – река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поёт и про Чека.*

*Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых, юных,
Что сгубили свою жизнь сгоряча.*

*Нет! таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона!».*

Это ж что получается – россы, великие наши россы, непобедимые наши россы выставлены здесь натуральными алкоголиками? И развлекает их гармонист-сифилитик? И вообще, прямо в ответ Роману Носикову, Есенин называет Россию нашу просвещённую – Азией. Кошмар! И взоры у нас «безумные»! И наша «бесшабашность» – она от гнили. Это значит, мы не только «немытые» и «некрасивые» – мы ещё и гнилые? Просто катастрофа. Как он мог, златокудрый наш. Нет, надо разобраться. Есть ли автограф этих стихов? И если есть автограф, нужно найти магнитофонную запись, или даже лучше видеозапись чтения этих стихов. Потому что автограф могут подделать. И голос тоже могут подделать враги России, хоть даже и Порошенко. Пусть будет видеозапись. Желательно, что б в роли Есенина был Безруков.

Чтоб уж наверняка мы поняли: это наш Серёга, это он.

И чтоб на записи он отказывался от этих своих стихов. Чтоб не огорчать профессиональных патриотов России. И вот от этих стихов заодно пусть Есенин откажется:

*«Облаки лают,
Ревёт златозубая высь...
Пою и взываю:
Господи, отелись!».*

Потому что: русские всегда мылись, Лермонтов знал, что ехал не «за стену» Кавказа, а только «до стены», а Господь наш не корова и телиться не может.

Да вообще пусть от всех стихов Есенин откажется сразу, слишком много у него всякой гнили и грязи, и вообще – русофобии. Мы потом создадим комиссию и отберём вещи, которые, так сказать, не вступают в противоречие. А авторство остальных Минаеву отдадим. Минаеву всё равно.

Только, знаете, я тогда буду считать первым поэтом России – Минаева.

Об османско-турецком термине «паша» и образе паши в творчестве М. Ю. Лермонтова

У некоторых современных исследователей и литераторов, ставящих под сомнение авторство стихотворение М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия», наибольшие возражения вызывает вторая строфа произведения:

*Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей¹.*

Противники авторства М. Ю. Лермонтова утверждают, что слово «паша», употребленное в данной строфе, отсутствует в языке поэта, то есть не встречается в других его опубликованных произведениях. Этот аргумент не выдерживает критики. В сказке М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб», сочинённой на основе записи закавказско-тюркской (азербайджанской) народной повести «Ашик-Гариб» и опубликованной в 1846 г., ещё до появления в печати рассматриваемого стихотворения², слово «паша» встречается шесть раз³. Более того, в сказке писателем буквально несколькими штрихами создан яркий образ «паши» из города Халаф⁴ – богатого и могущественного человека, покровителя «песельников». Этот паша, прослышавший о том, что в городе появился странник Ашик-Кериб, играющий на сазе и поющий чудесные песни, приказывает привести героя в свой дворец. Услышав песню Ашика о своей возлюбленной Магуль-Мегери, паша был покорён искусством бедного странника и оставил его при себе. «Посыпалось к нему серебро и золото, заблестали на нём богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат...»⁵. Беззаботная жизнь Аши-

¹ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. Л.: Гослитиздат, 1941. Т. 1. 423 с.

² Мануйлов В. А. «Ашик-Кериб» (статья) // Лермонтовская энциклопедия / Глав. ред. В. А. Мануйлов. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1981. С. 42.

³ Лермонтов М. Ю. Ашик-Кериб (турецкая сказка) // Полное собрание сочинений / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.-Л.: ОГИЗ, 1948. Т. 4. С. 155.

⁴ Современный город Халеб (Алеппо) в Сирийской Арабской Республике.

⁵ Там же.

ка-Кериба при дворе халафского паши стала причиной того, что он чуть было не пропустил срок, назначенный наречённой невестой певца для его возвращения в Тифлис.

Какова же история термина «паша» и в каком конкретном значении он употреблён в сказке М. Ю. Лермонтова? Автор «Этимологического словаря турецкого языка» Исмет Зеки Эюбоглу возводит термин «паша» к слову *paşa / beşe*, которое встречается в диалектах туркменских племён Малой Азии в значении «старший брат»¹. В дальнейшем, в анатолийско-тюркском языке это слово изменило смысл и стало титулом, «дававшимся кому-либо из высших чиновников». Турецкий учёный отмечает, что употребление слова «паша» в качестве титула чиновника впервые в истории было отмечено в языке канцелярии Османской Империи [Ibid.], то есть не ранее XIV в.

Автор «Фундаментального толкового словаря турецкого языка» Кемаль Демирай выделяет три основных значения слова «паша»: высший чиновник на гражданской службе в Османской Империи; чин выше полковника в войсках Османской Империи; в неофициальном языке Османской Империи и республиканской Турции – «генерал»². Кроме того, К. Демирай выделяет переносное значение этого слова в разговорном языке – «попкорный; разумный». Также турецкий автор приводит несколько любопытных идиоматических выражений со словом «паша» в современном разговорном турецком языке: *paşa gibi yaşamak* – букв. «жить как паша» («жить спокойно и в достатке»); *paşa olmak* – букв. «сделаться пашой» (в просторечии – «напиться сильно пьяным»); *paşa paşa oturmak* – букв. «сидеть подобно паше» («сидеть тихо, смиренно») [Ibid.] Составитель «Османско-турецкого энциклопедического словаря», приводя наиболее распространённое значение слова «паша» (генерал)³, указывает на то, что это слово употреблялось как часть имени (прозвища) заслуженного военачальника, как турецкого, так и иностранного⁴.

Наиболее полно значение и области употребления термина «паша» раскрывает современный турецкий историк Фехми Йылмаз в своём

¹ Eyuboğlu, İsmet Zeki. Türk Dilinin Etimoloji Sözlüğü. 3. Basım. İstanbul: Sosyal Yayınlar, 1995. 782 s. (на турецком языке). S. 550.

² Demiray, Kemal. Temel Türkçe Sözlük. İstanbul: İnkılap Kitabevi, 1990. 1008 s. (на турецком языке). S. 654.

³ Develioğlu, Ferit. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lugat / Hzrln. Ferit Develioğlu. 15. Baskı. Ankara: Aydın Kitabevi Yayınları, 1998. 1195 s. (на турецком языке). S. 854.

⁴ Например: Мустафа Кемаль-паша (лидер Национально-освободительной борьбы турецкого народа против интервентов в 1919-1923 годах, первый президент Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк); Энвер-паша (военный министр правительства «младотурок» Османской Империи в годы Первой мировой войны); Исмет-паша (второй президент Турецкой Республики, генерал Исмет Инёню).

«Историческом словаре османского языка». Как выяснил исследователь, титул «паша» в Османской Империи XIV-XVI вв. носили *санджакбеи* (правители «санджаков» – областей, состоявших из уездов («каза») и входивших в состав провинций – «эйалетов»), *бейлербеи* (наместники султанов в провинциях) и *везиры* (министры, в том числе великий везир – *садразам*). Кроме того, до эпохи султана Мехмеда II Завоевателя (годы правления: 1444-1446 / 1451-1481) данный титул также присваивался мусульманским богословам и юристам высокого ранга¹. Начиная с конца XVI в. *санджакбеи* стали именоваться вместо титула «бей» только титулом «паша». С 1826 г., после ликвидации корпуса янычар и формирования новой регулярной армии Османской Империи, титул «паша» стал употребляться по отношению к генералам и военачальникам более высоких званий [Ibid.]

Таким образом, можно сделать вывод, что в Османской Империи, современной М. Ю. Лермонтову, слово «паша» употреблялось как в широком значении (крупный военачальник, высший гражданский чиновник), так и в узком смысле (правитель области-«санджака»; титул высших офицеров, начиная с генерала). Из текста сказки «Ашик-Кериб», где впервые у М. Ю. Лермонтова выведен образ паши, следует, что здесь это слово употреблено в узком значении – «правитель «санджака (области) Халаф (Халеб)». На это, в частности, указывает употребление воинского звания «чауш» (тур. *çavuş* – «унтер-офицер») по отношению к подчинённым паши («<...> Его чауши измучились, бегая по городу...»)². Несомненно, М. Ю. Лермонтов, создавая образ паши (пашей) в своих произведениях, ясно осознавал значение и употребление этого слова в обоих указанных смыслах. В стихотворении «Прощай, немытая Россия» «пашами» аллегорически именуются высшие военные и жандармские чиновники, то есть это слово употреблено здесь в его широком значении и является составной частью образа «восточного деспотизма», царившего, по ощущению поэта, в николаевской России тех лет.

Литература:

1. Лермонтов М. Ю. Ашик-Кериб (турецкая сказка) // Полное собрание сочинений / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.-Л.: ОГИЗ, 1948. Т. 4. С. 153-160.
2. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. Л.: Гослитиздат, 1941. Т. 1. 423 с.

¹ Yılmaz, Fehmi. Osmanlı Tarih Sözlüğü. İstanbul: Gökkuş, 2010. 771 s. (на турецком языке). S. 523.

² Лермонтов М. Ю. Ашик-Кериб (турецкая сказка) // Полное собрание сочинений / Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М.-Л.: ОГИЗ, 1948. Т. 4. С. 153-160.

3. Мануйлов В. А. «Ашик-Кериб» (статья) // Лермонтовская энциклопедия / Глав. ред. В. А. Мануйлов. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1981. С. 42.
4. Demiray, Kemal. Temel Türkçe Sözlük. İstanbul: İnkılap Kitabevi, 1990. 1008 s. (на турецком языке).
5. Develioğlu, Ferit. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lugat / Hzrln. Ferit Develioğlu. 15. Baskı. Ankara: Aydın Kitabevi Yayınları, 1998. 1195 s. (на турецком языке).
6. Eyuboğlu, İsmet Zeki. Türk Dilinin Etimoloji Sözlüğü. 3. Basım. İstanbul: Sosyal Yayınlar, 1995. 782 s. (на турецком языке).
7. Yılmaz, Fehmi. Osmanlı Tarih Sözlüğü. İstanbul: Gökkuşbe, 2010. 771 s. (на турецком языке).

В защиту авторства М. Ю. Лермонтова

Нашу статью мы поделили на два раздела. Первый воспроизводит нашу статью 2006 года об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия»¹ с сокращениями и дополнениями, необходимость которых обусловлена возникшей полемикой вокруг этой статьи в интернете. Второй раздел написан в конце 2016 года. Для доказательства авторства Лермонтова привлечены новые аргументы в свете диалогического подхода М. М. Бахтина (теория интертекстуальности) и использован предлагаемый нами семантико-смысловой анализ, выявляющий авторские ассоциации и подтексты. Уточнено понимание Лермонтовым ключевого для полемики слова *немытая*.

I.

В журнале «Звезда» была опубликована статья Михаила Эльзона «Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия»², в которой М. Эльзон стремился доказать, что стихотворение «Прощай, немытая Россия» написал не Лермонтов. С выводом М. Эльзона согласился литературовед Н. Н. Скатов³, в то время директор Пушкинского Дома.

Автограф стихотворения «Прощай, немытая Россия», написанный рукой Лермонтова, до нас не дошёл. Известный археограф и библиограф Пётр Иванович Бартенев (1829-1912), основатель журнала «Русский архив», оповестил об этом стихотворении П. А. Ефремова, первого издателя собрания сочинений Лермонтова. На основании этих фактов М. Эльзон сделал вывод, что стихотворение «Прощай, немытая Россия» написал П. И. Бартенев.

Сомнения в авторстве Лермонтова впервые выразил В. Бушин в 1989 году. Каковы были его основания? Отсутствие автографа. Но около 48% процентов стихотворений Лермонтова дошло до нас не в оригинале. Значит, для доказательства авторства нужны также и другие критерии.

В интернете появилась и другая версия авторства стихотворения

¹ Сапрыгина Н. В. И всё-таки Лермонтов! / Нина Сапрыгина // Докса. 36. научных праць з філософії та філології. Вип. 10. Стратегії інтерпретації тексту: методи і межі їх застосування. – Одеса, ОНУ, 2006. – С. 264-272.

² Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия! ...» / Михаил Эльзон // Звезда. – 2004. – № 2. – С. 203-209.

³ Скатов Н. Н. Всеведение пророка / Николай Скатов // Русская литература. – 2005. – № 1.

«Прощай, немая Россия». Якобы автор стихотворения – поэт-сатирик Д. Минаев. Поддерживающие эту версию (Г. Ключёнов¹; А. Кутырева²; Павел Краснов³ – автора идеи нам, однако, установить не удалось) настолько не утруждают себя поиском точных данных, что фамилию Бартенева пишут Бартенёв, хотя правильность ударения и написания можно установить из Краткой литературной энциклопедии. Их рассуждения основаны на том, что Лермонтов любил Россию и поэтому не мог написать о ней плохо. На этот аргумент выдвигает серьёзные возражения исследователь из интернета, не указавший своё имя⁴ и продолживший логику моей статьи. Наиболее весомым в поддержку авторства Лермонтова представляется комментарий к этой теме лермонтоведа Ольги Валентиновны Миллер⁵, полвека заведовавшей лермонтовским залом в Пушкинском Доме. О. В. Миллер не соглашается с логикой отрицателей авторства Лермонтова, утверждающих, что стихотворение написано плохо, беспомощно. О. В. Миллер делает выводы об авторстве Лермонтова, анализируя факты, относящиеся к появлению стихотворения в культурном пространстве, но не рассматривает структурные особенности текста.

В литературоведении наряду с проблемой авторства произведений рассматриваются методы их атрибуции. Отечественный языковед и текстолог академик В. В. Виноградов основными методами атрибуции произведений называл биографический (вместе с анализом документов и исторических данных), стилистический, идеологический (анализ идейного содержания)⁶, статистический – для анализа текстов большого объёма⁷ и структурный⁸. Ни один из них не обладает силой решающей

¹ Ключёнов Г. Об одной очень старой мистификации // [Режим доступа] http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/proshhaj_nemytaja_rossija_kak_ideologicheskaja_diversija/7-1-0-257

² Кутырёва А. Пародируя поэта. Задумаемся о происхождении живучести расхожей фальшивки // [Режим доступа] http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/proshhaj_nemytaja_rossija_kak_ideologicheskaja_diversija/7-1-0-257

³ Краснов П. Старая мистификация как оружие русофобов // [Режим доступа] http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/proshhaj_nemytaja_rossija_kak_ideologicheskaja_diversija/7-1-0-257

⁴ Tervby. Есть ли основания сомневаться в авторстве стихотворения «Прощай, немая Россия» // [Режим доступа] <http://tervby.livejournal.com/12311.html>

⁵ Миллер О. В. Кто прощался с немой Россией, уезжая на Кавказ // Русская литература. – 2005. – № 3 // [Режим доступа] http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1203428902&archive=1203491298&start_from=&ucat=&

⁶ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: ГИХЛ, 1961. – С. 160.

⁷ Там же, С. 205.

⁸ Там же, С. 198.

аргументации. Поэтому В. В. Виноградов предлагал системный подход (включающий обращение к различным уровням текста) с комплексным применением различных методов.

Множество подходов и методов обусловлено сложностью проблемы. Мы полагаем, что в комплексе подходов значительную роль должна играть психология. Взамен психоаналитического метода, встречавшего сочувствие у литературоведов, предлагаем опереться на психологический интегративный подход, а именно: выявление личностного смысла, связь конфликтной ситуации, отражённой в тексте, с биографией автора, отражение в тексте индивидуальных особенностей (в том числе способностей, таланта), социальных установок, межличностной коммуникации и других психологических характеристик автора. При этом не забываем идиографический подход, суть которого в том, что текст отражает уникальность личности автора, его жизни, своеобразие стиля – поиск того, что отличает автора от других. Столь богатая теоретическая база всё же не гарантирует точности выводов. Тем труднее задача исследователя. Необходима интуиция учёного, подобная интуиции сыщика, и постоянная опора на факты, их направленный поиск. Обратимся к биографическому методу и методу структурного анализа произведения.

Для начала попытаемся ответить на вопрос о литературных способностях автора, предполагаемого М. Эльзоном. Умел ли Бартенев писать стихи? М. Эльзон не приводил стихотворений Бартенева в доказательство его литературного таланта. Полагаем, что, если бы среди стихотворений Бартенева были бы стихи значительные (или просто нравящиеся многим, как стихи романсов и песен), мы бы о них узнали – прежде всего от поэтов, интересующихся достижениями прошлого.

Содержание стихотворения должно коррелировать с биографией автора. Метатекст обнаруживает конфликт автора с властями, открытое противостояние им. Вызов верховной власти бросали Лермонтов, Маяковский, Булгаков, Мандельштам. О Бартепеве неизвестно, что он должен был спастись на Кавказе от преследования властей. Зато это известно о Лермонтове.

Трудно представить, чтобы Бартенев, если бы ему сподобилось сочинить прекрасное стихотворение, не стал бы, радуясь удаче, читать его друзьям как своё, а решил бы подбросить стихи покойному Лермонтову, у которого и своей славы хватало. Предположения М. Эльзона о том, что Бартенев выдал своё стихотворение за лермонтовское, не соответствуют психологическому подходу. Биографический метод подсказывает, что содержание стихотворения соотносится с биографией Лермонтова, а не Бартепева.

Воспользуемся структурным методом с целью доказать, что стихотворение является шедевром и принадлежит Лермонтову.

Стихотворение обладает чертами музыкальности и афористичной лаконичности. Стихотворение известно в двух вариантах.

1-й вариант

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.*

*Быть может, за хребтом Кавказа
Сокроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

2-й вариант

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

*Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

Существует ещё несколько разночтений, на которых сейчас останавливаться не будем.

Несмотря на резкие слова о России, читатель чувствует, что автор Россию любит. Не в последнюю очередь это впечатление создаёт редкая красота стихотворения.

Своеобразием формы обращают на себя внимание две строки: вторая и седьмая. Эти строки являются ключевыми. Вторая строка говорит о рабстве, о подчинении господам. Седьмая строка говорит о том, что и господа, и рабы подчиняются владыкам, власть которых безгранична. Седьмая строка является второй снизу.

Мы видим симметрию этих строк. Ось симметрии проходит по строфическому разделу. Симметрия — один из признаков гармонии.

Количество открытых слогов больше, чем закрытых, что создаёт ощущение музыкальности, певучести. Всего слогов 68. Открытых – 45 (в 1-м варианте), во 2-м – 48. В словах [Расáйя], [прéданный] все слоги открытые; *от их* произносится [агых]. Слово *сокроюсь* вместо *скроюсь* – выбор в пользу ещё одного открытого слога. Распределение открытых слогов по строкам открывает гармоническую картину. 1-й вариант: 8-5-8-3, 4-4-8-5; 2-й вариант: 8-5-8-5, 5-4-8-5. И в 1-м и во 2-м вариантах – почти идеальное совпадение (в 3-х случаях из 4-х возможных) количества открытых слогов в чередующихся строках!

Представим гласные в упрощённой транскрипции. 1-я строка: аай еыайа айя. Ось симметрии проходит через звук [й] в окончании слова *немытая*. Вокруг этого звука влево и вправо идут две гласные а. В начале и в конце строки зеркально симметричные сочетания звуков [ай], [йа]. 2-я строка обнаруживает мелодический повтор: ааао, ааао (безударное о произносится как [а]). Точный повтор конструкции представляет собой симметрию переноса. 3-я строка иы уиы ауиы. Начальные и конечные гласные зеркально симметричны. Симметрия переноса: повтор иы, иы. Звук [у] повторяется дважды: третьим от начала строки и третьим от конца. Зеркальная симметрия.

4-я строка в варианте *И ты, послушный им народ* связана с предыдущей строкой гласным [у]: иы ауиы ао. А в варианте *И ты, им преданный народ* происходит изменение тональности, выделяется ударный гласный в ключевом слове – [е]: иы иеаы ао. Теряется преимущество созвучия гласных, что, возможно, говорит в пользу 1-го варианта. Ы-ы! – междометие плача. Междометие тревоги – короткое ый!

Гармония слогов. Из 1-й строки во 2-ю переходит сочетание *ра*: [пращáй], *страна, рабов*. Слог *на* повторяется в словах *страна* (2 раза), *народ*. Повторяется слог *за* (*за стеной Кавказа*). Зеркальная симметрия: ан (страна, преданный) – на (страна, народ). Если сложить повторяющиеся слоги, получится: рана.

Зеркальную симметрию слогов использовал Пушкин, создав имя своего героя *Евгений Онегин*.

В последней строке – повторение шипящих и звуки, сходные с ними по артикуляции: *с, х*. Однако нет ощущения шипения, шелеста. Подчёркивается шум, шорох – знак присутствия посторонних. Звук *щ* связывает две последние строки с первым словом стихотворения. Повторение *в* подчёркивает глагол *видеть*. Создаётся ощущение лёгкости и прозрачности от звуков *в, г, л*. Звуки *г, л* связывают слова *голубые* (мундиры жандармов) и *глаза*. Получается, что всевидящий глаз принадлежит жандармам. Переключка с 3-й строкой первой строфы – 3-я же

строка второй строфы: *в, г*. Созвучия *н, м* (*немытая*) и *м, н* (*мундиры*) создаёт впечатление, что мундиры – пропылённые. В то же время создаётся ощущение, что настоящая Россия умыта и у неё голубые глаза. Сочетание *от их* [атых] перекликается с *и ты* и звучит как вопрос: *А ты?* Вопрос, на который словно бы ответил Блок: *А ты всё та же – лес да поле, / Да плат узорный до бровей.*

Остановимся на 2-й строке: *Страна рабов, страна господ*. Строка делится на два полустишия. В ней использован приём синтаксического параллелизма. Во 2-й строке синтаксический параллелизм гармонирует с делением строки на две части. 3-я и 4-я строки стихотворения «Прощай, немытая Россия» также синтаксически параллельны. *И вы, мундиры голубые, / И ты, им преданный народ*. У Лермонтова параллелизм встречается часто: *Что ищет он в краю далёком? / Что кинул он в краю родном?..; Под ним струя светлей лазури, / Над ним луч солнца золотой...; В них слёзы разлуки, в них трепет свиданья; Не пылит дорога, не дрожат листья.*

Для сравнения сопоставим использование такой же структуры стихотворений у другого автора. У Жуковского в балладе «Смальгольмский барон» нечётные строки делятся на полустишия, часто подчёркнутые внутренними рифмами. Всего строк 196. Полустиший – 72. Но синтаксический параллелизм полустиший есть только в 3 строках. Видимо, синтаксически параллельные полустишия – не частая конструкция в поэзии XIX века.

У Лермонтова строка делится на полустишия часто. *Ни твой привет, ни твой укор; Но песнь – всё песнь, а жизнь – всё жизнь; Слуга царю, отец солдатам; Звучал булат, картечь визжала; Укор невежд, укор людей; Не с благодарностью иль покаянием; Где ты росла, где ты цвела, Каких холмов, какой долины; Душой дитя, судьбой монах; И верится, и плачется и т.д.*

В стихотворении «Тучи» на 12 строчек приходятся три интересующие нас формы: *Степь лазурную, цепью жемчужною; Зависть ли тайная, злоба ль открытая; Вечно холодные, вечно свободные*. И там же две не строго параллельные, но сходные конструкции: 1) *Нет у вас родины, нет вам изгнания*. *Вам* (дат. п) совпадает по значению с *для вас* (род. п.), и возникает ощущение параллелизма смыслового. 2) *Чужды вам страсти и чужды страдания*. Если союз *и* мысленно закрепить за первой частью строки, то симметрия сохранится. Если мы добавим в подсчёт эти две конструкции, то на 12 строчек их приходится 5 (41,7%).

Таким образом, у Лермонтова синтаксически параллельные полустишия становятся особенностью идиостилия.

Ради внутренней симметрии строки Лермонтов однажды пожертвовал грамматикой. В строке *Из пламя и света* он отказался исправить форму *из пламя* (диалектную), хотя редактор «Отечественных записок» А. А. Краевский требовал исправлений. Вариант строки: *Из пламени, света* – нарушил бы симметрию.

Антонимичные полустипхи – другая черта лермонтовского идиостиля (*привет – укор, дитя – монах, тайная – открытая, родина – изгнание* и т. д.). Вторая строка рассматриваемого стихотворения содержит антонимическое противопоставление (*рабов – господ*).

Пиррихии (пропуски ударения) в 7-й и 8-й строках создают мелодию, которая подсказана мелодией 2-й строки, хотя в той нет пиррихий: *страна рабов* произносится как одна синтагма. Мелодия обращения в 1-й строке: *Прощай* повторяется в 3-й и 4-й строках: *И вы; И ты*.

В 7-й строке от первого ударного слога влево и вправо идут три безударных слога до словораздела: *От их всеИдящего*. (Служебные слова и местоимения сливаются с рядом стоящим словом в одно фонетическое слово.)

Мы наблюдаем ритмическую фигуру с зеркальной симметрией. На схеме стихотворного размера она похожа на летящего орла (первый пример).

Напомним обозначения стихотворных ритмов: дужка – безударный слог, тире – ударный слог, над ним дополнительно знак ударения; вертикальные линии показывают деление на стихотворные стопы (одинаковые или почти одинаковые группы слогов, из которых складывается стихотворный размер).

Схема	Строка	Пояснения
	От их всеИдящего	Редкая ритмическая фигура в 7-й строке, совпадающая с границами фонетического слова
	От их всеИдящего глаза	Проекция схемы ямба на 7-ю строку. Два пиррихия – слева и справа от стопы с ударным слогом.
	От их всеИдящего глаза	Проекция схемы педанта IV на 7-ю строку
	От их всеИдящих ушей	В 8-й строке – та же ритмическая фигура, но не совпадающая с делением на слова

Та же фигура повторяется и в восьмой строке, но не совпадает со словоразделом. Симметрия создаётся повтором ритма предыдущей строки и расположением пиррихий влево и вправо от ударной стопы.

В других произведениях Лермонтова есть аналогичная восьмой строке ритмическая фигура: *И над вершинами Кавказа; Его убийца хладнокровно; Но беспрестанно и напрасно* и др. У других авторов аналогичная фигура также встречается. *Как мимолётное виденье; И божество, и вдохновенье; Адмиралтейская игла; Его тоскующую лень; Её изнеженные пальцы* (Пушкин). *По вечерам над ресторанами; Той снисходительной улыбки; Испепеляющие годы* (Блок). *Как обещала, не обманывая* (Паастернак). Но только в выделенных полужирным шрифтом примерах границы фонетического слова совпадают с границами симметричной ритмической фигуры.

Эта конструкция – редкая. Автор использует её для выделения финальных строк. Таким образом, мы видим, что автор стихотворения виртуозно владеет стихотворной техникой.

В целом, стихотворение, авторство которого оспаривается, есть бесспорный шедевр. Парадоксальность содержания – горькие слова о России и любовь к ней – воплощена в форме, обладающей гармонией и симметрией. Автор, виртуозно владея техникой стихосложения, умеет передавать чувство красоты в стихе. Это говорит об огромном таланте. Поэт такого уровня, если это не Лермонтов, стал бы известен.

Мы рассмотрели одну из особенностей индивидуального поэтического стиля Лермонтова: деление строчки на две равные половины, со смысловым противопоставлением в каждом полустихии. Эту же особенность находим и в стихотворении, авторство которого оспаривается. Стихотворение обладает особенностями идиостиля Лермонтова.

Автор стихотворения обладает характером борца, не боится идти на конфликты. Метатекст стихотворения соотносится с биографией Лермонтова.

На основании изложенного мы можем утверждать, что стихотворение «Прощай, немытая Россия» создал именно Лермонтов.

II.

Валентин Ефимов выдвинул интересное предположение. Суть в том, что у Лермонтова могло быть написано не *немытая Россия*, а *немотная*. Всем известно из личного опыта, что ошибки в восприятии стихотворений и слов песен встречаются часто. Вместо одного слова восприятие подставляет другое, субъективно значимое для воспринимающего, иногда похожее по звучанию. Обычно слово редкое заменя-

ют более употребительным, а смысл упрощается. Это явление описано в работах филологов¹. Учитывая сказанное, гипотезу В. Ефимова нельзя сбрасывать со счетов, а следует рассмотреть самым внимательным образом.

Какой смысл получается при чтении, предлагаемом В. Ефимовым? Отчасти на этот вопрос отвечает и сам В. Ефимов, раскрывая смысловые акценты, вытекающие из предлагаемого им чтения строки Лермонтова. Они в целом не противоречат содержанию стихотворения и контекстам творчества Лермонтова. Повторим, версия интересная и правдоподобная.

Однако наш собственный взгляд отличается от точки зрения Ефимова. Стихотворению отказали в авторстве Лермонтова, так как любящих Россию задевал (обижал, оскорблял) эпитет *немытая*. Разумеется, критика родной страны обидна для тех, кто её любит, независимо от того, справедлива критика или нет. Но при этом немаловажно, для кого предназначен текст, с какими намерениями критикуют – чтобы помочь или навредить, с какими чувствами – любя или злорадствуя? Поскольку Россия на протяжении столетий подвергалась критике со стороны политиков Запада, и при этом их намерения были не лучшими, напасть, покорить, некоторые защитники патриотических идей хотят оградить свою страну от критики вообще. С их точки зрения, Лермонтов якобы не мог обидеть, критиковать и т.п., так как не хотел вреда своей стране. Конечно, не хотел вреда. Но как считал сам Лермонтов, нужно ли критиковать?

Критиковал, и беспощадно. *Там стонет человек от рабства и цепей!.. Друг! этот край... моя отчизна!* (Жалобы турка) *Перед опасностью позорно малодушны и перед властью – презренные рабы* (Дума). *Мелькают образы бездушные людей, приличьем стянутые маски* (1-е января). И знаменитое: *А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов...* Чего касалась эта критика? Рабского состояния – крепостничества, подчинения тирании. И рабства души – лицемерия, равнодушия к несправедливости. *И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка* (И скучно и грустно). *В начале поприща мы вянем без борьбы; Мы иссушили ум наукою бесплодной* (Дума). Особенно неприемлемо для поэта, что культурный слой общества и молодёжь не борется против рабства и не

¹ Томашевский Б.В. Писатель и книга. Очерки текстологии / [Вступ. статья Б.М. Эйхенбаума, с. 5-22]. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1959. – 279 с.; Чуковский К.И. Литература и школа // Чуковский К.И. Сочинения. – В 2-х томах. – Том 1. – М.: Правда, 1990. – С. 441-464.

протестует. *На слово «младость» есть рифма гадость кроме рифмы радость* (Сашка). *И прах наш с строгостью судьбы и гражданина потомок оскорбит презрительным стихом, насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом* (Дума). Лермонтов таким не был. Поэт входил в демократически настроенный «кружок шестнадцати», мечтавший о прогрессивных преобразованиях русского общества; в этом кружке был противник Николая I, будущий эмигрант Ксаверий Браницкий.

Как видим, Лермонтов в поэзии бывал предельно резок и даже предвидел, что его слова могут кого-то оскорбить (или же современники Лермонтова будут оскорблены поэтом-потомком за равнодушие к несправедливостям общественной жизни).

Итак, Лермонтов протестует против несправедливости общества. Против чего восстаёт? Против рабства (это ключевое понятие). Причём рабы не только в прямом смысле – крепостные или чиновники низшего ранга. А люди, согласные с подчинением абсолютизму власти. С какой позиции восстает Лермонтов против рабства юридического и духовного? С позиции Высшего Суда, суда Божия. *Но есть и Божий суд, наперсники разврата. Есть грозный суд: он ждёт; он недоступен звону злата, и мысли и дела он знает наперёд* (Смерть поэта).

Какой смысл несёт слово *немотная*? Его следует отнести к разряду потенциальных слов: в словарях его нет, но оно вполне могло бы существовать, так как существуют слова *немота*, *немотствует* (в церковно-славянском языке ударение на предпоследнем слоге). Однако слово *немотная* обладает неудачной фонетикой из-за сочетания -тн-. Та же фонетика порождает неудачные ассоциации: мытный – ‘таможенный’, мытарь – ‘сборщик налогов’, мутный. Не мотная – не мотает, не мытарит, не мычит? Как мы уже отметили, Лермонтов строит свои стихи фонетически безупречно – преобладают открытые слоги. Фонетические же ассоциации у Лермонтова подкрепляют идею, а не уводят в сторону, как в данном случае. Лексика (словарный запас) стихотворений поэта в основном из употребительных слов. К редким словам поэт прибегает, когда пишет на восточные темы. Это позже в поэтической эстетике XX века, у футуристов, появилось предпочтение игре звуков, которую они называли «простое, как мычание» и более грубая фонетика, а в поэзии возникли более сложные игры с элементами слов.

Лермонтов довёл высказывание о том, что его возмущает, до афористичной формулы, как и в других стихотворениях. Это одна сторона вопроса. Другая в том, нет ли в стихах горькой иронии, спора с противниками, которых тёмные стороны русского общества вполне устраивали?

В. Ефимов задаёт вопрос: кто именно назвал Россию немойтой?

Лев Гумилёв подробно разъяснил, как и почему в Западной Европе намеренно создали негативный образ России. Со времён крестовых походов на восточных христиан нужно было оправдать политику захвата восточноевропейских территорий, то есть обосновать, зачем христиане должны воевать с христианами же. Поэтому в Ватикане «было быстро придумано, что «греки (православные) – такие еретики, что самого Бога тошнит»¹. Тогда же начали распространять сведения, что монголы – чудовища. Жестокость монголов не превосходила жестокости европейских рыцарей, но монголам незнакомо было предательство, что считалось обычным в политике европейцев. Монголов предали их союзники-крестоносцы и искали себе оправдания. И «широко пропагандировали (...) чёрную легенду о татарах – исчадиях ада»². В ту эпоху родилась в Европе чёрная легенда против русских, тогда ставших союзниками монголов.

«Идея национальной исключительности была чужда русским людям, и их не шокировало, что, например, на патриаршем престоле сидел мордвин Никон, а русскими армиями руководили потомки черемисов – Шереметьев, или татар – Кутузов.

В странах же Западной Европы предубеждение против восточноевропейских народов родилось давно. Считалось, что азиатская степь, которую некоторые начинали от Венгрии, другие – от России, – обиталище дикости, варварства, свирепых нравов и ханского произвола. Взгляды эти были закреплены авторами XVIII в., создателями универсальных концепций истории, философии, морали и политики. При этом самым существенным было то, что авторы эти имели об Азии самое поверхностное и часто превратное представление. Это их не смущало, и их взгляды не опровергали французские или немецкие путешественники, побывавшие в горах Передней Азии, Индии или Китая.

К числу дикарей, угрожавших единственно ценной, по их мнению, европейской культуре, они причисляли и русских, основываясь на том, что 240 лет Россия входила в состав сначала великого Монгольского улуса, а потом и Золотой Орды. Эта концепция была по-своему логична, но отнюдь не верна.

Вспомним русский XVIII век. Тогда юные петиметры, пажоны, выражаясь современным языком, возвращаясь из Франции, где они обучались не столько наукам, сколько точкам зрения, восприняли и принесли домой концепцию идентичности русских и татар как одинаково восточ-

¹ Гумилёв Л. Н. Чёрная легенда. – М.: Алгоритм, 2006. – С. 113.

² Там же, С. 132.

ных варваров. В России они сумели преподнести это мнение как само собой разумеющуюся точку зрения на историю»¹.

Таким образом, нам понятно, как возникла и точка зрения на Россию как страну диких варваров, позиция, которая «по-своему логична, но отнюдь не верна». Однако для возражения этому взгляду не следует затевать интернет-полемику о том, где больше любят мыться – в России или на Западе. Напомню ещё одну цитату Льва Гумилёва. «Огрубление [в научной полемике] даёт не только научную ошибку, но и повод к шовинизму и расизму»². Понятно, что Лермонтов использует слово *немытая* в переносном значении.

Обратимся к предлагаемому нами методу семантико-смыслового анализа. В отличие от обычного лингвистического «разбора» текста мы рассмотрим не только ключевые слова, но и семы, и связанные с ними ассоциации в лермонтовском корпусе текстов.

Какие контексты у Лермонтова с корнем *мыть* и с этой семой? *Дальше, вечно чуждый тени, моет жёлтый Нил раскалённые ступени царственных могил* (Спор). В этой картине вроде всё спокойно, но настораживают сема 'смерть' и слово *царственный*. Ассоциация с *царём* и *царственным* Петербургом. Какая ассоциация со словом *ступени*? *Задумчиво столбы дворцов немых по берегам теснились, как тени, и в пене вод гранитных крылец их купались широкие ступени; минувших лет событий роковых волна следы смывала роковые* (Сказка для детей). Эти строки цензура сочла намёком на расстрел восставших декабристов и жертвы, которые последовали. Что за роковые следы? Кровь. Здесь уместно вспомнить: *И вы не смаете всей вашей чёрной кровью поэта праведную кровь* (Смерть поэта).

Итак, от чего нужно отмыть Россию? Лермонтовский ответ: от злодеяний, которые учинили над Пушкиным и вольнолюбивыми людьми, стремившимися сделать Россию лучше. И всё же не забудем об иронии. Стихотворение Лермонтова сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Оно диалогично.

Чужую речь при цитировании иногда оформляют в кавычках. В XIX веке чаще использовали курсив. Однако понятно, что ни о каком курсиве *в рукописи* речь быть не могла.

Согласно концепции М. М. Бахтина³, в каждом художественном произведении есть диалог идей. Особенно это выражено в творчестве Достоевского. В современном литературоведении это явление обозна-

¹ Там же, С. 22-23.

² Гумилёв Л. Н. Чёрная легенда / Л. Н. Гумилёв. – М.: Алгоритм, 2006. – С. 177.

³ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского: [16+] / Михаил Бахтин. – Санкт-Петербург: Азбука, 2015.

чается термином интертекстуальность. В художественном тексте автор отражает не только свою позицию (она не всегда явно сформулирована), но и чужие, противоположные, взгляды и идеи, с которыми вступает в диалог и спор. В лермонтовском творчестве контрасты не менее сильны, чем впоследствии у Достоевского.

Писатель, поэт пишет всю жизнь одну большую книгу, единый текст, хотя он разделён на отдельные произведения. Если мы хотим лучше понять мировоззрение автора, произведение надо рассматривать в контексте всего творчества. Тогда становится ясней авторский взгляд на жизнь, ценности творца, его «что такое хорошо и что такое плохо». Этот взгляд претерпевает некоторые изменения, но не радикальные, иначе это противоречило бы целостности личности.

В стихотворении «Прощай, немытая Россия» наблюдаем интертекстуальность как вкрапление чужого текста. Говоря: *страна рабов, страна господ*, – Лермонтов цитирует чужие высказывания. А именно, точку зрения Запада и французской аристократии. Лермонтов отчасти воспроизводит её, но и возражает, смещая акценты.

В XIX веке во Франции появилось выражение: «*Grattez le russe, et vous verrez le tartare*» – «поскреби русского, и увидишь татарина», которое цитировали и в России. Упомянув это выражение в «Дневнике писателя», Достоевский обращает внимание и на противоречие в душе самих русских. «Я сказал, что русских не любят в Европе. Что не любят – об этом, я думаю, никто не заспорит, но, между прочим, нас обвиняют в Европе (...), что мы страшные либералы, мало того – революционеры (...), но дорого то, что чутье русское не умирало: русская душа хоть и бессознательно, а протестовала именно во имя своего русизма, во имя своего русского и подавленного начала»¹.

Считается, что эта французская поговорка родилась под влиянием книги Астольфа де Кюстина «*La Russie en 1839*», хотя, возможно, и раньше. В этой книге де Кюстин писал: «Ведь немногим больше ста лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизаций сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится»². То есть русские и татары – «грязные», а *tartar* подобен античному Тартар – ад.

¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Федор Достоевский // [Режим доступа] <http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn07.htm>

² Кюстин А. де. Из книги «Николаевская Россия» // Русские мемуары. Избранные страницы. 1826-1856 гг. – М.: Правда, 1990. – С. 339.

Маркиз Астольф де Кюстин (1790-1857), чьи отец и дед стали жертвами революционерного террора, после путешествия в Россию стал разделять либеральные позиции. Его книга «Россия в 1839 году» произвела сильное впечатление как в Европе, так и в самой России, где она, хотя и запрещённая, была доступна для культурных кругов, владевших французским языком, и вызвала у передовых людей горестные переживания о несправедливости российского общества. Книга преисполнена самой суровой критики. Автор не выдумал эпизоды, которые он описывает. Однако он односторонен. Хорошо ли узнал он Россию за время путешествия? Нет. Он видел в основном парадный Петербург и успел заметить фальшь за фасадом.

С кем общался просвещённый иностранец? С царём Николаем, с царедворцами и чиновниками, с военными и полицейскими. Что мог наблюдать, точнее, что позволили ему наблюдать? Увидел пренебрежение своими ценностями, своей природой ради подражания европейцам. Ознакомился с административно-командным аппаратом и представителями высшей знати. Описал картины жестокого обращения этой верхушки с подчинёнными. Подчеркнул, что в условиях абсолютизма слишком многое зависит от личной воли царя. «Когда император два раза в год раскрывает двери своего дворца перед привилегированными крестьянами и избранными горожанами, он этим не говорит купцу или батраку: «Ты такой же человек, как и я», но говорит дворянину: «Ты такой же раб, как и они, а я, ваш бог, равно властвую над всеми вами». Таков, в сущности, если отбросить все политические фикции, моральный смысл этого праздника, портящий всю его прелесть»¹. Кюстин, правда, отметил, что есть в России люди, обладающие достаточным уровнем культуры, чтобы держаться с чужаком просто, приветливо и искренне.

У Кюстина Россия «грязная» в буквальном смысле слова. Нет гостиницы, не заражённой насекомыми. Кюстин часто повторяет: «рабы». Есть и «страна рабов»: «Россия – страна необузданных страстей и рабских характеров»². И даже «рабы рабов». «В конце концов, что представляет собой эта толпа, именуемая народом и столь восхваляемая в Европе за свою фамильярную почтительность к монарху? Не обманывайте себя напрасно: это – рабы рабов. Вельможи с большим разбором выбирают в своих поместьях крестьян и посылают их приветствовать императрицу. Этим отборным крестьян впускают во дворец, где они изображают народ, не существующий за его стенами, и смешиваются с придворной челядью... Так на самом деле составляется тот «народ», которого пре-

¹ Там же, С. 324.

² Там же, С. 348.

данность и прочие замечательные чувства русские ставят в пример другим народам, начиная со времён императрицы Елизаветы»¹.

Рабы – это не только крепостные, но и чиновники, и все, кто вписан в систему табели о рангах, призванной уничтожить природную аристократию. Это перестройка государственной системы на военный лад, обязанность носить мундир даже тем, кто не имеет отношения к военной службе. Это отсутствие правовой защиты населения. Это страх, боязнь рассказать не только о жертвах несчастных случаев и уголовных преступлений, но и о тех, кто подвергнут опале. Потому что существует система доноительства и шпионажа за своими.

С какой Россией прощался Лермонтов? С административно-командной, самодержавной. Не будем же смешивать, анализируя стихотворение Лермонтова, Россию самодержавную и русский народ. Лермонтов в своих стихах их разделяет. То есть получаются две России – страна рабов и страна господ. Властная верхушка (страна господ) отстаивает сторону Запада и считает низшие слои немытыми. Лермонтов намекает, что они и сами нечисты (возникает впечатление, что голубые мундиры – пропыленные; мы слышим имитацию звука шелеста в словосочетании *всеслышащих ушей*). Помимо рабов есть народ – преданный им. Из истории, изложенной де Кюстином, получается, что народ – терпеливый и прощающий.

«Какой-то знатный помещик хотел продать своё имение. Крестьяне отправили к нему старейших из деревни, которые, упав на колени, со слезами молили его не продавать их. «Я должен, – ответил помещик, – я не хочу – это противоречит моим правилам – повышать оброк, который платят мне крестьяне, и я недостаточно богат, чтобы сохранить за собой имение, которое мне ничего не приносит». «Если только в этом дело, – сказали крестьяне, – то мы сами достаточно богаты, чтобы остаться у вас». И они тотчас удвоили оброк, который с незапамятных времён выплачивали своему господину»².

Кюстин не избежал соблазна соединить в своих описаниях этот народ с верхушкой, чтобы осудить и тех, и других. И не понял, что народ в своих представлениях объединяет себя с землёй не из-за «оптической иллюзии», а в силу самой природы этноса, как это раскрывается в работах Л. Н. Гумилёва. И какой вывод делает Кюстин? Об опасности русских для Запада. Всё та же чёрная легенда. Маркиз повторил доньше популярный на Западе миф о том, что дикая Россия хочет первой напасть на просвещённую Европу.

¹ Там же, С. 329-330.

² Там же, С. 319.

Обратим внимание. Везде у Лермонтова множественное число: *рабов, господ, мундиры*. А *народ* в единственном числе, как нечто принципиально иное. *Страна господ* народу враждебна. От неё поэт хотел бы сам уйти, скрыться. Такие господа не органичны, чужеродны для России (*наши* – наместники не русские). Кюстин обвинял Россию в азиатчине, часто с осуждением повторяя *Азия, азиатский*.

Для поэта Россия не кончалась вместе с русской равниной. Россия объединяла не один народ. Русский православный суперэтнос, как нам известно, включал в себя на равных, помимо малороссов и белоруссов, и восточные народы. Лермонтов в детстве гостил у сестры бабушки в Горячеводске и видел приветливое отношение черкесов-горцев к русским и русских к горцам. Такого русского, полюбившего кавказцев и их обычаи, поэт описывает в очерке «Кавказец» и в образе Максима Максимовича. За стеной Кавказа поэт хотел проститься не с русскими, а со *страной рабов*. Вот и ответ, с какой Россией прощался Лермонтов.

Нет хороших и плохих народов, но свой народ естественно любить. И Лермонтов проявляет эту любовь в стихотворении «Бородино», описывая отвагу солдат, и в стихотворении «Родина». *С отрадой многим незнакомой я вижу полное гумно, избу, покрытую соломой, с резными ставнями окно*. Хотя мужики бедны, и покрывают крыши соломой вместо тёса, ср. *На тесовых кровельках играючи, заря алая поднималася* (Песня про купца Калашникова), у них есть стремление к красоте и мастерство – украшают резьбой ставни. Жители деревни гостеприимны: ставни закрыты не наглухо – проезжий видит *дрожащие огни печальных деревень*. Ставни всё-таки распахиваются перед странником, мечтающим о ночлеге. И в праздник гость сидит рядом со своими на равных, глядя на *пляску с топаньем и свистом*.

В стихотворении «Родина» картина природы сливается с образом народа. Это неслучайно. Лев Гумилёв полагал, что характер этноса складывается во взаимодействии с кормящим его ландшафтом. Природа формирует этот характер. Земля неотделима от народа.

Что ещё Лермонтов написал о Родине? Что *тёмной старины заветные преданья не шевелят во мне отрадного мечтанья*. Лермонтов отдал дань преданьям старины. В пятнадцать лет он написал поэму «Олег», в шестнадцать – «Последний сын вольности», в двадцать один – «Боярина Оршу». Тогда и было отрадное мечтанье. Но для Лермонтова эта тема завершена. И о славе, купленной кровью, он уже написал («Бородино»). Теперь он смотрит на *четы белеющих берёз* и пляску мужиков (переключка с темой из «Путешествий Онегина» Пушкина: *Иные нужны мне картины: люблю песчаный косогор, перед избушкой две рябины,*

калитку, сломанный забор... да пьяный топот трепака перед порогом кабака). Для Лермонтова символами Родины стали именно эти реалии, более близкие поэту.

Так что же, виртуальный собеседник Лермонтова – маркиз де Кюстин?

На это есть самое существенное возражение. Книга Кюстина вышла в 1843 году. Лермонтова уже нет на свете. Откуда однако такое сходство контекстов книги и стихотворения Лермонтова?

Вера Мильчина в статье «*“Россия в 1839 году”* маркиза де Кюстина и источники этой книги в работах современников»¹ опираясь на точку зрения французских историков, обративших внимание, что Кюстин был не всегда самостоятелен в своих описаниях и использовал чужую информацию, доказывает, что Кюстин брал сведения из парижских газет и из записок французского посла в России барона де Баранта.

Встречался ли маркиз де Кюстин с Лермонтовым лично в 1839 году? Это следует изучить дополнительно. А вот с сыном французского посла Эрнестом де Барантом Лермонтов был знаком. Лермонтов сражался на дуэли с де Барантом-младшим из-за пренебрежительного отзыва того о Пушкине и стремления француза защищать позицию Дантеса. Из-за этой дуэли Лермонтова вторично сослали на Кавказ.

Значит, спор Лермонтова с носителями идей о превосходстве просвещённой Европы над варварской Россией имел давнюю историю, и в этой истории определённое место занимали идеи семьи де Барант и взгляды Дантеса, о которых Лермонтову было известно. И Лермонтов вступил со своими противниками в схватку в буквальном смысле слова не на жизнь, а на смерть.

Но так, с пренебрежением, смотрели на Россию не только иностранцы. У России были враги внутри самой России – противники её особенностей и сущности. Тем более тяжело сознавать, что они были среди высших классов, то есть тех, кто причастен к управлению страной и, значит, мог осуществить своё пагубное влияние на неё. Сторонники того, чтобы родина была перестроена внешне на западный манер, но при этом сохранила худшие черты – тоталитаризм, лицемерие – были среди ближайшего окружения царя, и среди них министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде. Так мыслил и сам Николай I.

Написав поэму «Песня про купца Калашникова», Лермонтов второй раз, после стихотворения «Смерть поэта», бросил царю упрёк в том,

¹ Vera Milchina, «La Russie en 1839 du marquis de Custine et ses sources contemporaines», Cahiers du monde russe [En ligne], 41/1 |2000, mis en ligne le 15 janvier 2007, Consulté le 02 mars 2017. URL: <http://monderusse.revues.org/42>

что его величество отчасти виновен в гибели Пушкина¹. Об этом говорит сходство сюжета «Песни...» с жизненной ситуацией Пушкина. Жёну купца Калашникова преследует, пытаясь склонить к любви, царский слуга опричник Кирибеевич. Купец вызывает Кирибеевича на кулачный бой (дуэль). В отличие от того, что было с Пушкиным, лермонтовский Калашников побеждает противника. Однако за гибель своего слуги царь велит купца казнить. Калашников сложил голову на плахе, осуждённый за то, что защищал честь своего дома.

Лермонтов каким-то образом узнал о том, что Пушкина за дуэль хотели привлечь к суду и приговорить к повешению (об этом судебном решении писал Л. П. Гроссман²). Так царь стремился расправиться с первым поэтом России. Прощение, которое царь даровал умирающему Пушкину при свидетелях, было лицемерным.

После опубликования «Песни про купца Калашникова» Лермонтова втянули в ссору с де Барантом и после дуэли отправили на театр военных действий, отказав в награде и в прошении об отставке. В первую ссылку поэта на фронт не посылали.

Лермонтов знал, кто и за что его преследует. *Быть может... скроюсь*, а быть может, нет. В стихотворении «Прощай, немытая Россия» отчётлив биографический мотив.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнём. Структурный, семантико-смысловый и стилистический анализ стихотворения «Прощай, немытая Россия» показывает, что его структурные особенности и черты идиостиля соответствуют особенностям творческого почерка Лермонтова. Семантика слова *немытая* в лермонтовском контексте указывает на переживание Лермонтовым уничтожения культурного слоя России – декабристов, Пушкина и других. Интертекстуальность – скрытое цитирование «чужого» текста – указывает на напряжённый спор-диалог Лермонтова с представителями высшего общества – сторонниками идей Запада. Адресаты – культурный слой России, которым известно клише «страна рабов», вызывающее переживания несправедливости. В стихотворении есть биографические мотивы и диалог Лермонтова с верховной властью, в частности с противником поэта – Николаем I.

¹ Сапрыгина Н. В. Образ творческой личности современника в «Песне про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова / Нина Сапрыгина // Актуальні проблеми психології: Проблеми психології творчості: Зб. наукових праць / За ред. В. О. Моляко. – Т. 12. – Вип. 6. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2009. – С. 281-287.

² Гроссман Л. П. Записки д'Аршиака; Пушкин в театральных креслах. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 300-301.

Литература:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского: [16+] / Михаил Бахтин. – Санкт-Петербург: Азбука, 2015. – 412, [2] с.
2. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: ГИХЛ, 1961. – 616 с.
3. Гроссман Л. П. Записки д'Аршиака; Пушкин в театральных креслах. – М.: Художественная литература, 1990. – 460 с.
4. Гумилёв Л. Н. Чёрная легенда / Л. Н. Гумилёв. – М.: Алгоритм, 2006. – 352 с. – (Тайна Льва Гумилёва).
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя / Федор Достоевский // [Режим доступа] <http://www.magister.msk.ru/library/dostoevs/dostdn07.htm>
6. Ключёнов Г. Об одной очень старой мистификации // [Режим доступа] http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/proshhaj_nemytaja_rossija_kak_ideologicheskaja_diversija/7-1-0-257
7. Краснов П. Старая мистификация как оружие русофобов// [Режим доступа] http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/proshhaj_nemytaja_rossija_kak_ideologicheskaja_diversija/7-1-0-257 (дата обращения 27.06.2014).
8. Кутырёва А. Пародируя поэта. Задумаемся о происхождении живучести расхожей фальшивки // [Режим доступа] http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/proshhaj_nemytaja_rossija_kak_ideologicheskaja_diversija/7-1-0-257
9. Кюстин А. де. Из книги «Николаевская Россия» / Астольф де Кюстин // Русские мемуары. Избранные страницы. 1826-1856 гг. Сост., вступ.ст., биогр. очерки и прим. И. И. Подольской. – М.: Правда, 1990. – С. 314-355.
10. Миллер О. В. Кто прощался с немойтой Россией, уезжая на Кавказ // Русская литература. – 2005. – № 3 // [Режим доступа] http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1203428902&archive=1203491298&start_from=&ucat=&
11. Сапрыгина Н. В. Образ творческой личности современника в «Песне про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова / Нина Сапрыгина // Актуальні проблеми психології: Проблеми психології творчості: Зб. наукових праць /За ред. В. О. Моляко. – Т. 12. – Вип. 6. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2009. – С. 281-287// [Режим доступа] http://eprints.zu.edu.ua/4551/1/Моляко_випуск_8.pdf
12. Скатов Н. Н. Всеведение пророка / Николай Скатов // Русская литература. – 2005. – № 1.
13. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерки текстологии [Вступ.

- статья Б. М. Эйхенбаума, С. 5-22] / Б. В. Томашевский /. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1959. – 279 с.
14. Чуковский К. И. Литература и школа // Чуковский К. И. Сочинения. – В 2-х томах. – Том 1. – М.: Правда, 1990. – С. 441-464.
 15. Эльзон М. Д. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия! ...» / Михаил Эльзон // Звезда. – 2004. – № 2. – С. 203-209.
 16. Vera Milchina, « La Russie en 1839 du marquis de Custine et ses sources contemporaines», Cahiers du monde russe [En ligne], 41/1 |2000, mis en ligne le 15 janvier 2007, Consulté le 02 mars 2017. URL: <http://monderusse.revues.org/42>
 17. Tervby. Есть ли основания сомневаться в авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия» // [Режим доступа] <http://tervby.livejournal.com/12311.html>

Диагностика произведения¹

Стихотворение «Прощай, немытая Россия», безусловно, лермонтовское.

Написанное в апреле 1841 года, оно, очевидно, было вызвано горьким сознанием невозможности полностью посвятить себя литературной деятельности. Это приводило поэта в отчаяние. Вспомним, как он вполножил рабочий стол своего издателя А. А. Краевского, а на заданный вопрос о причинах крайнего возбуждения схватил его за борта сюртука: «Понимаешь ли ты! Мне велят выехать в сорок восемь часов из Петербурга!»²

Получив очередной раз отказ на своё прошение об отставке, Лермонтов понял, что царь **навсегда** решил оставить его на Кавказе, ибо в условиях боевых действий это означало растянутую во времени гибель поэта. Продолжение службы, понятно, ставило крест на грандиозных творческих планах Лермонтова. А мы знаем, что он задумал, в частности, эпическую трилогию, посвящённую прошлой и современной ему России.

Отождествляя *официальную Россию с властью*, Лермонтов перед отъездом и посвятил ей горькие свои строки. Теперь о самом стихотворении.

Оно относится к малым формам поэзии и, пропитанное горечью предвидения, свидетельствует *именно о настроении*. Его не следует рассматривать, как некую политическую прокламацию и, тем более, как политическую оценку Страны и народа. Это – *поэтический набросок*, – проекция печального состояния духа Лермонтова.

Далее, говоря о «злополучном» стихотворении, уместно напомнить, что творческий процесс и его проявления далеко не всегда соответствуют *базовому* видению поэта политических и общественных реалий. Творчество всегда заявляет о себе *здесь и сейчас*. То, что рождается

¹ Поскольку лермонтовского автографа нет, то, строго говоря, можно было бы закрыть литературоведческую дискуссию о его авторстве, предоставив анализ узким специалистам – экспертам автороведов, владеющим лингвистическими параметрами, методами энтропийной классификации и математической статистики, теорией распознавания образов и теорией вероятностей, алгоритмами нейронных сетей, кластерного анализа, и прочее. Но, раз уж обсуждение имеет место, предлагаю свои соображения относительно «скандального» стихотворения М. Ю. Лермонтова.

² П. А. Висковатов. 1891 г. соч. Т. 6. С. 312.

в подсознании, переносится на бумагу и является отпечатком текущего состояния духа. Но, отвечая *сиюминутному* настроению, творческое горение остывает; его сменяют *другие* эмоции, знаменуют *иные* по глубине темы, требующие более вдумчивого отношения, иной духовной глубины и творческого накала.

В этой связи полагаю некорректным считать, что каждое произведение великого поэта должно отвечать его гению и его характеру. *Малые формы этого и не требуют*. Они потому «малые», что отражают переживания, охватившие поэта *в сию минуту*. Если б это было не так, то строки А. С. Пушкина, адресованные Александру I в стихотворении «Вольность» (1817): *«Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу»*, – следует оценивать, как свидетельство грубой, неуместно жёсткой и даже кровожадной натуры, что совершенно не свойственно лирическому гению и личности Александра Пушкина. Подобных произведений, *не всегда соответствующих истинному мировосприятию и характеру художника*, в русской и мировой литературе великое множество.

Основные претензии критиков относятся к первым двум строкам поэта, а мелкие «несогласованности» (такие как «за стеной Кавказа», которой нет; «всевидящего глаза», и прочее) якобы подтверждают их позицию. Но к «хребту Кавказа» Лермонтов прибег как к метафоре – границе, отделявшей его от «толпы, стоящей у трона». В остальном же, напомним: Лермонтову – как никому в русской поэзии! – свойственно было *историческое* видение духовно разобщённой, экономически и хозяйственно запущенной Страны, которая нуждалась в реформах и очищении (не «мытии», конечно) от налипшей к её историческому телу социальной и великосветской «грязи». Именно её бичевал поэт своим «железным стихом». Об этом свидетельствует его грандиозная «Дума» (1838) и ряд других произведений. Что касается «рабов» и «господ», то они – духовно и морально павшие, а потому, не обязательно соотносившиеся со своим общественным положением – подчас менялись местами. Те, кто были «внизу» общества, явили величие духа в недавней войне против Наполеона, отрядившего против России «двунадесят» языков Европы. А те, кто были «наверху» – подчас являли собой великосветскую челядь, в частности, во время Крымской кампании желавшую победы врагам России... Именно эта публика приводила в гнев другого великого поэта И. Тютчева. Этих-то великосветских «рабов» нещадно клеймил и А. Грибоедов в поэме «Горе от ума». Именно эти «господа», обласканные вниманием и орденами, нечаянно упав при

дворе, «в другорядь уж нарочно» падали, дабы, вызвав поощрительный смех, добиться ещё большего внимания и ласк со стороны сильных мира сего. Этим «сильным» в дальнейшем доставалось от многих русских писателей и поэтов. Лермонтова глубоко печалило, что *именно им был предан народ*. Предан, в смысле предоставлен в полном своём крепостном бесправии, к слову, в отличие от народов Польши и Прибалтики, лишённых крепостной зависимости.

Разночтение *преданный* и *послушный* также не является аргументом против авторства Лермонтова. Редакционными несогласованностями полны многие произведения классиков литературы. Об отсутствии автографа стихотворения можно лишь сожалеть, как и попенять на самого поэта, довольно беспечно относившегося к своим творениям (к примеру, забыл свою «Юнкерскую тетрадь» в тумбочке), но считать это доказательством против его авторства – нелепо. Если поставить таковую практику на поток, то придётся поставить под сомнение авторство многих сотен произведений мировой литературы. И не только литературы. Подавляющее большинство, к примеру, графических произведений эпохи Ренессанса не авторизовано и, понятно, не датировано. Но – за редким исключением – никто не ставит под сомнение авторство рисунков, скажем, Микеланджело или Рафаэля. Тут вопрос в осведомлённости, квалификации и творческой полноценности оценщиков.

Якобы несовместимость сопоставления «всевидящего *глаза*» (*нашей* или *царей*) с множественными «всеслышащими ушами» тоже натягута. Почему не предположить, что под «глазом» Лермонтов символически обозначил масонов, среди которых в России было немало сиятельных персон, а под вторыми имел в виду не малых числом их «ушастых» согладатаев?!

Принимая во внимание разнопонимание и пристрастные оценки стихотворения, следует указать на опасность, стоящую перед современной филологией. Она заключается в псевдопатриотическом желании «подчистить» русскую классическую литературу. Изъять из неё то, что, по мнению блюстителей ложного патриотизма, выставляет классиков в невыгодном, как они считают, свете. Если так, то надо изъять из уст А. П. Чехова его горькие слова: «Нам надо по капле выдавливать из себя раба». И не только Чехова – и не только в прошлом... Напомню о проходящей в настоящее время дискуссии относительно сказки Пушкина «О попе и его работнике Балде».

В своё время В. И. Жуковский по цензурным соображениям *заменил попа на купца* Кузьму Остолопа («Жил-был купец Кузьма Остолоп По прозванию Осиновый Лоб»). Далее всюду поп был заменён на Кузь-

му, «попадья» – на «хозяйку», «поповна» – на «дочку», а «попёнок» – на «сыночка». Лишь в 1882 году в собрании пушкинских сочинений под редакцией П. Е. Ефремова сказка была напечатана по авторской рукописи. В изданиях до начала XX века сказка публиковалась с купцом Остолопом. Теперь некоторые деятели из РПЦ предлагают вернуться к редакции Жуковского.

Считаю, что как клерикализация образования в России, так и, с политической подоплёкой, идеологизация культуры является почвой, на которой произрастают сорняки от филологии. Этот прецедент опасен для национальной культуры и, отнюдь не выбеливая русских классиков, которые, замечу, в том не нуждаются, – выставляет в невыгодном свете исследователей, настойчиво пытающихся «надеть» на них монашеский клобук или политически «выстиранные» ризы. Тем более, что духовная благонамеренность подчас «надевается» ими и на тех деятелей русской культуры, кто вовсе не обязательно и не всегда позиционировали себя, как ортодоксальные писатели. Эта тенденция, ничего толком не добавляя науке, лишь уводит в сторону силы учёных, внося путаницу в умах поклонников русской литературы.

В основе указанной тенденции лежит стремление – «из самых лучших побуждений» – придать *идеологическую лояльность и благомыслие* русским классикам. Причём, *лояльность нынешней* политической платформе, для чего вносятся «необходимые поправки» в мировосприятие классиков. Подобные исследования «на злобу дня», привнося фальшь, наносят немалый урон русской культуре. Если уж бороться, то не с плесенью, а с сыростью, издавна пропитавшей немалую часть творческой и общественной жизни Страны.

Далее, при анализе стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия» полагаю неверным рассматривать его вне культурных и исторических реалий, ограничиваясь лишь *оценкой отдельных слов* стихотворения. Это, впрочем, относится ко всякому произведению. Если, к примеру, мы *в упор* будем рассматривать Кёльнский Собор или Колизей, то увидим лишь грубые камни, источенные и изувеченные временем. Но лишь отойдя, можно увидеть архитектуру во всём её величии, многообразии и целостности. Творцы масштаба Лермонтова даже и «отдельные» слова на ветер не бросают... Печальное состояние общественной жизни, будучи таковым в его эпоху, осталось при многих своих пороках и впоследствии – много позже и Тютчева, и Чехова. Укажу лишь на «деталь» нынешнего состояния души и ума.

То, что творится с русским языком *в наши дни*, со всей очевидностью свидетельствует о хронической «сырости», грозящей превратить

ся в болото, в котором может погибнуть великое Русское Слово! Ничем не оправданное засилье английских слов, используемых *вместо слов с таким же значением* в русском языке (иные из них просто переводятся с английского языка и преподносятся в качестве терминов), – красноречиво говорит о *рабской психологии* немалой части образованных, не говоря уже о духовно опустошённых, культурно опрошённых и попросту малограмотных людей. Все эти явления (события), прямо свидетельствуя о комплексе неполноценности и пораженчестве духа, ясно указывают на рабское состояние умов... Напомню старую притчу, повествующую об «архитектуре» творчества, как такового.

Некий странник, увидев телегу, гружённую камнем, спросил у возницы: «Что ты делаешь?». Тот ответил: «Везу камни». Другой на этот вопрос сказал: «Везу материал для архитектора». И лишь третий ответил: «Я строю Шартр!».

Так не будем же уподобляться незадачливому возничему, даже и на великом поприще видящему лишь грязные камни и грубый строительный материал. Что касается непосредственно Лермонтова, то его горячая любовь к Родине не нуждается ни в доказательствах, ни в дополнительном обосновании, ни, тем более, в поправках.

Итак, несмотря на то, что стихотворение «Прощай, немытая Россия» по своим художественным достоинствам, возможно, уступает ряду творений великого поэта, его, несомненно, следует считать принадлежащим перу Лермонтова!

Е. Л. Соснина

(г. Пятигорск)

**«Цветы среди грязной тины»:
Эволюция развития мотива душевной «немытости»
в социальной поэзии XIX – начала XX вв.**

*(Н. М. Языков – Д. В. Веневитинов – М. Ю. Лермонтов –
Д. Д. Ахшарумов – И. С. Тургенев – К. К. Случевский – К. Д. Бальмонт –
А. А. Блок – С. А. Есенин – В. В. Маяковский – Н. Г. Полетаев –
В. В. Набоков – Н. Г. Оболдуев – М. Вега – М. А. Волошин)*

Аннотация

В статье делается акцент на то, что значение методов атрибуции стихотворения «Прощай, немытая Россия» представляется особенно значительным в тех случаях, когда их применение сопровождается освещением важных социальных вопросов словесно-художественного творчества не только отдельного писателя, но и целого литературного направления определённого исторического периода. Автором прослеживаются: мотив «немытости» в гражданской поэзии лермонтовского времени; развитие образа в творчестве наследников социальной поэзии М. Ю. Лермонтова; размышления, движущиеся в русле символизма в осмыслении темы «народ / родина» эпохи Серебряного века. Делается вывод о том, что на историю русской классической литературы надо смотреть как на единый процесс, а также о том, что лексема «немытая», имеющая символическое значение, оказала влияние практически на каждого крупного поэта послелермонтовского периода, обратившегося к осмыслению социальных проблем, остро стоящих перед их родиной. Обращается также внимание на то, что, по выражению А. Белого, в творчестве М. Ю. Лермонтова литераторы символизма находили ощущение новой любви, в мир грядущий, и это ощущение высвобождалось «из-под коросты обывательской жизни».

*Поэзия точнейшая наука:
Друг друга отражают зеркала...*

Георгий Иванов (1894-1958)

Понятие о чистоте души как соответствующее общему понятию о мире, свойственно русской социальной поэзии XIX – начала XX ве-

ков. Часто это понятие раскрывается в русской литературе через аллюзивный характер стиха, через определённые символы, слова-сигналы. Рассмотрим данное положение на примере творчества наиболее крупных мастеров слова этого периода.

В последнее время появилось достаточно много публикаций по поводу возникших с 1989 года острых разногласий, касающихся авторства стихотворения «Прощай, немая Россия», прочно вошедшего в лермонтовский лирический канон. Причём, именно фразу «немая Россия» многие посчитали оскорбительной для своей Родины. Именно из-за неё и разгорелся жестокий спор: мог ли это написать Лермонтов, горячо любивший Родину? Вспоминаются слова Булата Окуджавы: *«У нас порой ещё довольно примитивно понимается гражданственность поэзии. ...у нас не умеют отделять Родину от государства. Любить государство невозможно – ему надо платить налоги, оно должно вас защищать, и только. А о любви к Родине говорить неприлично, человек её любит, если не может без неё жить, а если он разглагольствует о своей любви – это подозрительно»*. Недавно появились яркие публикации, в которых подчёркивается, что патриотизм бывает разным (патриотизм правды, например, фигурирует в творческих исканиях В. Г. Короленко¹), но он не должен граничить с идиотизмом².

Несмотря на то, что текст знаменитого восьмистишия неоднократно подвергался научному осмыслению³, часто разногласия по поводу

¹ Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма. М., 1988.

² Захаров В. А. Прощание с «немой» Россией: споры о стихотворении М. Ю. Лермонтова и проблемы историографии. М.: изд-во «Русская панорама», 2017. – 142 с.; Прилепин З. О «немой России» Лермонтова. Патриотизм не должен быть идиотизмом! publizist.ru/blogs/110093/19138/.

³ Андреев-Кривич С. А. Нет, это не Лермонтов // М. Ю. Лермонтов. Проблемы идеала. – Куйбышев – Пенза. 1989. С. 141; Андроников И. Л. Комментарий к стихотворению «Прощай, немая Россия» // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 томах. М.: «Художественная литература», 1993. С. 351-356; Динесман Т. Г. «Прощай, немая Россия», стих. Лермонтова (1841) // ЛЭ. М.: «Советская энциклопедия», 1981. С. 452; Миллер О. В. Кто прощался с немой Россией, уезжая на Кавказ? // Рус. Литература. М., 2005, № 3. С. 216-20; Морозова Л. И. «Синие горы Кавказа, приветствую вас» // Северный Кавказ в истории России. XIX век. М. 2004. С. 126; Очман А. В. Ещё раз об авторстве стихотворения «Прощай, немая Россия» // М. Ю. Лермонтов: межкультурный диалог на Евразийском пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения поэта. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 174-193; Пигарев К. В. Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немая Россия» / Изв. АН СССР, 1955, т. 14, вып. 4. С. 372-73; Шанский И. М. «Прощай, немая Россия...» М. Ю. Лермонтова // Русский язык в школе. 2001. № 1; Эйхенбаум Б. М. О прозе, о поэзии: Сб. ст. // Б. М. Эйхенбаум; Вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1986. – 453 с.; Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ: пер. с англ. М., Изд-во: «Ладомир», 2004.

авторства «Немытой России» носят скорее идеологический, чем научный характер¹. При этом фактом является отсутствие автографа, несмотря на обнаружение новых списков стихотворения², что, собственно, и порождает различные версии.

Так, например, исследователь из Ванкувера Валентин Ефимов выдвинул интересное предположение. Суть его заключается в том, что у Лермонтова могло быть написано не *немытая Россия*, а *немотная* (немая)³. Версия основана на том, что ошибки в восприятии стихов встречаются часто. Вместо одного слова восприятие подставляет другое, субъективно значимое для воспринимающего, иногда похожее по звучанию. Обычно редкое слово заменяют более употребительным, а смысл упрощается. Это явление описано в работах филологов⁴. Кроме того, в черновиках нередко можно встретить два слова, стоящих рядом, и, даже располагая автографом, исследователям порой трудно догадаться, какое слово нужно вычеркнуть, а какое оставить⁵. Однако ещё В. Г. Белинский писал: *«Каждое слово в поэтическом произведении должно до того исчерпывать все значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его»*. Поиск единственно необходимого в тексте слова или образа требует от писателя напряжения творческих сил и неустанного труда. Этот труд часто отражён в рукописях, позволяющих нам ознакомиться с лексическими заменами, которые сделал автор, шлифуя стиль произведения. Например, в черновике повести А. С. Пушкина «Дубровский» находим такую правку: «Члены (суда) встретили его (Троекурова) с изъявлениями глубокого **уважения** [глубокой **преданности**; глу-

¹ Бушин В. Курьёз с шедевром. «Слово», 1989, № 10; Ключёнов Г. Об одной очень старой мистификации // Литературная Россия. 1994. № 7; Краснов П. «Прощай, немытая Россия»: Лермонтов этого не писал // Культура, 2014, 3 февраля; Кутырёва А. А. Кто был автором стихотворения «Прощай, немытая Россия»? – Лермонтов. Тайны жизни и творчества; под ред. Д. А. Алексеева. М., 2014; Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия...» // Звезда. 2004. № 2.

² Буравова С. Н. Сергей Алексеевич Андреев-Кривич (К 100-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2006 год: Краевед. Сб. / СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова. Отд. краевед. лит. и библиографии. – Ставрополь, 2006. С. 201-204.

³ Ефимов В. С какой же Россией прощался М. Ю. Лермонтов <http://nivalent.blogspot.ca/2016/06/blog-post.html>.

⁴ Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерки текстологии / [Вступ. статья Б. М. Эйхенбаума, с. 5-22]. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1959. – 279 с.

⁵ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961; Голованова Т. П. Рукописи Лермонтова // ЛЭ. М.: «Советская энциклопедия», 1981. С. 478-480; Сапрыгина Н. В. И всё-таки Лермонтов! // Докса. Зб. Науковихпрац з філософії та філології. Вип. 10. Стратегії інтерпретації тексту: методи міжліхзастосування. Одесса, ОНУ, 2006. С. 264-272.

бокого *подобострастия*]], – последнее слово наиболее выразительно охарактеризовало поведение подкупленных Троекуровым чиновников, и писатель оставил его в тексте.

Тщательно работали над своими рукописями Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, И. А. Бунин, А. И. Куприн и другие русские писатели. Поиск нужного слова отражает их **авторедктирование**. Интересно сравнить первоначальный и окончательный варианты некоторых текстов наших классиков. Приведём примеры из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

<i>Первоначальный вариант</i>	<i>Опубликованный текст</i>
1. <i>Поднявшийся</i> ветерок давал знать, что уже немного оставалось времени до рассвета.	1. <i>Сорвавшийся</i> ветерок давал знать, что уже немного оставалось времени до рассвета.
2. Зашумели запорожцы и разом <i>почувствовали</i> свои силы.	2. Зашумели запорожцы и разом <i>почуяли</i> свои силы.
3. ... <i>Посмеялись</i> над православною верою.	3. <i>Поглумились</i> над православною верою.
4. – «Добре!» – <i>повторилось</i> в рядах запорожцев.	4. – «Доброе слово сказал и кошевой!» – <i>отозвалось</i> в рядах запорожцев.
5. «Ну, ну, рассказывай, что такое!» – <i>отвечала</i> в один голос толпа.	5. ... <i>кричала</i> в один голос толпа.
6. Эти слова <i>проникнули</i> молнией.	6. Эти слова <i>пролетели</i> молнией.

Стремление найти точные слова побуждает писателей править текст, сопоставляя возможные варианты выражения мысли. Поэтому упоминание первопубликаторами нескольких вариантов текста стихотворения «Прощай, немытая Россия» не должно порождать в сознании современных исследователей конспирологических подозрений. Однако лексема «немытая» не подвергалась изменению ни в одном из известных списков текста стихотворения. Сегодня это слово сотрясает все слои нашего общества. По популярности, пожалуй, невозможно найти аналога этому восьмистишию М. Ю. Лермонтова. Строки из него пишут на политических плакатах, о нём чаще всего спорят на страницах интернета, с ним выходят на демонстрации и митинги.

Отметим, что работа над стилем произведения – это, прежде всего, работа над его лексикой, так как слово – основа для понимания речи. Также важным считаем упомянуть, что к оценке лексической сочетаемости в экспрессивной речи нельзя подходить с обычной меркой, здесь законы «притяжения» слов друг к другу особые. В художественных и публицистических произведениях границы лексической сочетаемости могут быть расширены. Например, замечено, что ограничения семантической сочетаемости не распространяются на переносное словоупотребление: возможны словосочетания, которые кажутся бессмысленными, если составляющие их слова понимать в буквальном значении (закат пылает, годы летят, чёрные мысли). Но семантическая несочетаемость слов не является препятствием для создания художественных образов. Нарушение привычных связей слов, придающее им новые оттенки значения, лежит в основе многих классических образов, ставших хрестоматийными примерами эпитетов, метафор, метонимий: *седой зимы угрозы* (А. С. Пушкин); *Колокольчик звонко плачет, и хохочет, и визжит* (П. А. Вяземский); *Порой влюбляется он страстно в свою нарядную печаль...* (М. Ю. Лермонтов); *пузатое ореховое бюро* (Н. В. Гоголь); *умственное и нравственное декольте, плешивый силлогизм* (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Лексему «немытая» явно можно отнести к вышеприведённым примерам. Она, на наш взгляд, является авторским эпитетом. Интересно обратиться к этимологии этого слова, рассмотреть, когда и кем впервые оно было употреблено в поэзии XIX века. Слово образовано путём прибавления отрицательной частицы *не* к прилагательному *мытый*, далее от глагола *мыть*, далее от православного *түті*, от которого произошло старославянское слово *мыти*.

Представляется перспективным проанализировать вопрос: «Лексема «немытый» в художественных текстах XIX – первой трети XX веков», рассмотреть понимание противопоставления «чистый – нечистый» в социальной поэзии М. Ю. Лермонтова, Д. Д. Ахшарумова, И. С. Тургенева, К. К. Случевского, К. Д. Бальмонта, а также преломление этого понятия в творчестве других поэтов Серебряного века.

«Немытый» – не самый распространённый эпитет поэтического слога. Этого прилагательного нет даже в четырёхтомном «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, составленном в 1863-1866 гг. У Даля можно встретить другую производную от глагола «мыть»: «немытыш», «немытик», «неумывака», т. е. «неопрятный, замарашка». Слово «немытый» появляется в позднейших словарях: так, например, «Словарь русской идиоматики» выстраивает такой синони-

мический ряд: «**немытый** – аморальный, безнравственный, бесстыжий, порочный..., не очищенный от грязи, ... неблагопристойный, невымытый, невычищенный, ... нечистый и т.д.».

Сравним у Лермонтова в стихотворении «Прекрасны вы, поля земли родной» (1831 г.):

*Но этот снег летучий, серебристый
И для страны **порочной** – слишком **чистый**
Не веселит мне сердце никогда...*

Лермонтов в 1831 г. уже назвал страну порочной (Автограф сохранился – находится в ИРЛИ). А **немытый** – **порочный** стоят в одном синонимическом ряду!

Впервые лексема «немытая» встречается в 1825 году у русского поэта эпохи романтизма, одного из ярких представителей золотого века русской поэзии, называвшего себя «поэтом радости и хмеля», а также «поэтом разгула и свободы» – Николая Михайловича Языкова (1803-1846).

В его стихотворении «Корчма» (02.01. 1825 г.) мы находим следующие строки:

*Я пить спросил – рукой **немытой**
Хозяйка кружку мне дала, –
Вода нечистая была:
Душа питья не приняла,
И я с поспешностью сердитой
Корчму покинул и лечу.*

Слово «немытая» в данном отрывке употреблено не только в прямом значении: «немытая рука», но и в переносном: нечистую воду не принимает не тело, а душа.

Интересно сравнить такое понимание с тем, как преломлялось понятие чистоты – нечистоты в масонской антимонархической традиции.

Понятие «чистых» и «нечистых» трактовалось следующим образом:

«Утверждённый Богом» и «Утверждённый силой».

То есть, речь здесь идёт (как и в интересующем нас восьмистишье) отнюдь не о телесной гигиене.

Посмотрим, как тема масонства и чистоты преломилась в русской классике. Обратимся к тексту романа Л.Н. Толстого «Война и мир», к тому эпизоду, где описывается диалог Пьера Безухова и старого масона: «Масон улыбнулся своей кроткой отеческой улыбкой».

– Высшая мудрость и истина есть как бы **чистейшая** влага, которую мы хотим воспринять в себя, – сказал он. – Могу ли я в **нечистый** сосуд воспринять эту чистую влагу и судить о **чистоте** её? Только внутренним **очищением** самого себя я могу до известной **чистоты** довести воспринимаемую влагу».

Очищение не только в масонской мистической традиции, но и в религиозной осуществлялось через символическое омовение. Но кто же был способен «отмыть» Россию от рабской покорности «утверждённым силой» властителям, от нечистоты греха убийства Пушкина? Уж, конечно не те, кто толпой стоял у трона. М. Ю. Лермонтов обращается к ним, используя именно глагол «мыть», «смыть»:

*И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!*
(«Смерть поэта, 1837 г.)

Стилистическая резкость проявилась у М. Ю. Лермонтова в необычной метафоризации. Подобную метафоризацию мы находим и у Н. М. Языкова.

Гоголь называл Языкова своим любимым поэтом: *«Имя Языков пришлось ему недаром, – писал он. Владеет он языком, как араб диким конём своим, да ещё как бы хвастается своею властью»*. О его поэзии говорили, что это – Мысль, вооруженная рифмами.

Мог ли Лермонтов знать тексты Языкова? Безусловно да, об этом говорится в статье В. Э. Вацура на имя Языкова в ЛЭ 1981 года¹.

Языкова пропагандировали «ЛЮБОМУДРЫ» – участники литературно-философского кружка «Общество любомудрия», образованного в конце 1823 в Москве. В него вошли В. Ф. Одоевский (председатель), Д. В. Веневитинов, творческие связи которых с М. Ю. Лермонтовым являются доказанными. Что касается Веневитинова, о нём говорили, что у него стиль лермонтовский до Лермонтова. У него, кстати, тоже находим весьма резкую оценку имперской истории России.

*Грязь, мерзость, вонь и тараканы
И надо всем хозяйский кнут –
И вот что многие болваны
«Священной родиной» зовут.*
(«Природа наша, точно, мерзость!», 1826 г.)

¹ Вацура В. Э. Языков Н. М. Лермонтовская энциклопедия: «Советская энциклопедия». – М., 1961. С. 642.

Любомудры объединялись вокруг «Московского вестника» М. П. Погодина. В 1827 основные участники кружка, Веневитинов и Одоевский, переехали в С.-Петербург, а в 1830 с закрытием «Московского вестника» общество любомудров прекратило своё существование.

В 1833 году был опубликован сборник лирических произведений Языкова, куда вошло стихотворение «Корчма». И уже в 1836 году (через 3 года) Лермонтов употребляет слово «немытая», впервые появившееся в нём, в поэме «Монго» («Мунго») в переносном, метафорическом значении, в 1837-38 гг. возвращается к прямому значению слова в «Тамбовской казначейше».

Действительно, в «Тамбовской казначейше» (1836-1838) поэт употребляет его с нейтральной окраской:

*Но полк прошёл. За ним мелькает
Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых.*

Куда более интересно другое лермонтовское использование редкого эпитета – в поэме «Монго» («Мунго»), характеризуя своего родственника и друга А. А. Столыпина, он пишет:

*Породы английской он был –
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил **немытый** целый день, ...*

В процитированном отрывке происходит столкновение противоположных смыслов: с одной стороны, М. Ю. Лермонтов описывает своего друга и родственника как представителя английской породы, то есть, мы сразу же представляем себе человека чопорного, с хорошими манерами; с другой стороны, как понимать то, что он «ходил немытый целый день»? Поэт сам отвечает на этот вопрос:

*Носил фуражку набекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнул ся наперёд,
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот...*

То есть, «немытость» Монго – скорее бытовая черта человека, не слишком заботящегося о соблюдении норм и правил общепринятого по-

ведения и этикета¹. Это уже метафора. И «немытую Россию» надо понимать метафорически, а не буквально. В 1840-41 гг. появляется отмеченная нами выше метафоризация в «Немытой России». Это уже яркий образ, присущий социальной поэзии. Кем и как он был развит дальше?

Это представляется крайне интересным, т.к. развитие образа происходит в творчестве **наследников социальной поэзии М. Ю. Лермонтова** (Выделено нами – Е.С.) – поэтов-петрашевцев, творения которых буквально пестрят реминисценциями из лермонтовских текстов.

В качестве автобиографического документа до нас дошло стихотворение Дмитрия Ахшарумова «Гора высокая, вершина чуть видна», опубликованное в его «Воспоминаниях», в котором как раз и всплывает слово «**немытая**» по отношению к матери-России. В воспоминаниях оно сопровождается следующим пояснением:

«Одно из стихотворений этого времени, задуманное вроде поэмы, олицетворяло восхождения, по одиночке, на гору крутую, пустынную, местами усеянную костями людей, шедших прежде нас, с соблазнами возвращения назад, в прежнюю жизнь. Стихотворение это, не конечное, возобновляемое иногда позже в памяти, воспроизведено было мною только отчасти впоследствии на Кавказе. Я привожу его как оно есть; оно выражает мрачное, экзальтированное, болезненное состояние человека, истомленного долгим одиночным заключением за стремление выйти из безобразной душной окружающей нас общественной среды²».

*И с ужасом смотрел я на мой путь терновый,
И оглянулся я, нельзя ль назад сойти.
И вдруг глазам моим видение предстало -
Я женщину увидел пред собой:
Чудовище передо мной стояло
Ужасной вышины, с огромной головой,
И руки грязные с участием простирало:*

¹ Очман А.В. Ещё раз об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия» // М.Ю. Лермонтов: межкультурный диалог на Евразийском пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения поэта. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 174-193.

² Посетители Петрашевского были арестованы 23 апреля 1849 г. По делу Петрашевского к следствию было привлечено 123 человека, из которых 32 отданы под секретный надзор, двое умерли в тюрьме, 22 человека было предано военному суду. 21 человек был приговорён к расстрелу. Среди них был и Дмитрий Ахшарумов.

После обряда приготовления к смертной казни на Семёновском плацу (23 декабря 1849 года), по конфирмации Николая I расстрел отменили, петрашевцы были сосланы на разные сроки на каторгу, в арестантские роты и рядовыми в линейные войска. Ашхарумова, например, сослали на Кавказ.

*Старуха мерзкая, отжившая свой век.
Немытая со дня рожденья,
На ней болезнь, разврат и преступленье, -
Всё, чем когда-либо был гадоk человек...*

*Глава косматая покровом величавым
Покрыта вся, как твердою броней,
Кругом штыки, мечи, доспехи дикой славы.
И там же наверху лежал закон кровавый,
И эшафот стоял, с отрубленной главой.
На раменах¹ её столицы возвышались,
Их куполы церквей, блистая, красовались,
И между ними был и наш штык крепостной,
И он не меньше всех блистал своей главой.
И там же близ церквей построены темницы,
И за решетками, едва просунув нос,
Виднелись в окнах все замученные лица:
В глазах их не было ни капли больше слёз,
И нечем было им ни плакать, ни молиться.*

Такая Россия должна была измениться, «очиститься» от греха. Через восемь лет после гибели Лермонтова, отталкиваясь от этого чрезвычайно хлесткого, обидного слова «немытая», метафорически возникающего на грани словесного эксперимента, Ахшарумов развивает столь потрясающий образ современного ему крепостного государства в стихотворении «Гора высокая, вершина чуть видна», созданном по утверждению автора в 1849 году, затем записанном в его «Воспоминаниях» на Кавказе, куда был сослан его создатель, и опубликованному через 56 лет после его написания, но при жизни автора (что существенно). Напомним, что лермонтовское стихотворение было опубликовано через 46 лет после создания, на десятилетие раньше, благодаря усилиям историка Бартенева и первого биографа поэта Висковатого. Возможность же опубликования текста Ахшарумова дала только революция 1905 года, не зря в это время, будучи 83-летним стариком он рвался на баррикады. Но до этого было известно о существовании текста его стихотворения, выцарапанного в своё время гвоздём на стене каземата Петропавловской крепости, и Ахшарумова неоднократно просили устроить на дому чтение его воспоминаний о деле петрашевцев, куда входил и текст его

¹ Рамена – церковно-славянское, устаревшее – плечи («И помчались в Палестину, крест на раменах!» – в поэзии Жуковского).

стихотворного произведения. На одном из таких чтений присутствовал Короленко. Это уже история. Его отзыв и о стихах Лермонтова, и о вызвавшем у него невероятную симпатию современнике поэта, развившем образ «Немытой со дня рождения» России известен. В. Г. Короленко не только с интересом и симпатией отнёсся к современнику Лермонтова, развившему его образ, но и оставил отзыв о самом интересующем нас восьмистишии как о лермонтовском: *«Ярко и сильно. Лермонтов умел чувствовать, как свободный человек, умел и изображать эти чувства. В наше время – это уже анахронизм, этого уже не бывает!.. Теперь уже и за стеной Кавказа от всевидящих глаз не скроешься!»* (дневниковая запись от 7.11.1890 г.).

Самое интересное, это то, с какой любовью Ахшарумов говорит о своей Родине в одном из стихотворений этого же времени: *(Прощай, мой милый край, семья моя родная! / Всё лучшее, что в жизни я любил, / И родина моя, столица дорогая! / Я с вами счастлив был, но счастья не ценил)*¹. И это тот же автор, который пишет о своей стране: «Немытая со дня рождения»! Это ещё один пример «патриотизма правды», когда Родину любят не с закрытыми глазами. Таким образом, появление в стихотворении Д. Ахшарумова 1849 года образа «Немытой со дня рождения» России не случайно. Оно подтверждается всем ходом развития его лирики, тяготеющей к лермонтовской поэзии, и даёт нам повод предположить возможность существования списка восьмистишия «Прощай, немытая Россия» у поэтов-петрашевцев, испытавших огромное влияние лермонтовской гражданской лирики и органически усвоивших это влияние². Факт существования этого образа в поэзии конца 40-х годов XIX века, в период обострённого кризиса крепостничества в николаевскую эпоху, делает несостоятельными попытки некоторых современных исследователей привязать написание знаменитого восьмистишия к дате его опубликования, объявив при этом его возможными авторами пародиста Минаева, либо издателя Бартенева. **«Минаевская» и «бартеневская» версии просто не выдерживают критики.**

Из вышесказанного можно сделать ещё один важный вывод: те, кто оспаривает авторство М. Ю. Лермонтова на основании того, что один и тот же человек не мог написать строки «Родины» и «Немытой России», **идут против исторических примеров.**

¹ Цитируется стихотворение Д. Ахшарумова «Судьба жестокая свершилась надо мной» 1849 г.

² О влиянии М. Ю. Лермонтова на членов кружка Петрашевского Писал литературовед В. Жданов (см.: Жданов В. В. Поэзия в кружке петрашевцев // Сб. Поэты-петрашевцы. Л., 1940). Он отмечал, что лермонтовская тема явственно звучит в стихах Плещеева, Пальма, Дурова, Ахшарумова.

Но как же мотив душевной немытости развивался дальше в русской социальной литературе? Весьма интересно он преломился в стихотворении И. С. Тургенева «Сон» из романа «Новь».

Сон (из романа «Новь»)

*Давненько не бывал я в стороне родной...
Но не нашёл я в ней заметной перемены.
Всё тот же мертвенный, бессмысленный застой,
Строения без крыши, разрушенные стены,
И та же грязь, и вонь, и бедность, и тоска!
И тот же рабский взгляд, то дерзкий, то унылый...
Народ наш вольным стал; и вольная рука
Висит по-прежнему какой-то плёткой хилой.
Всё, всё по-прежнему... И только лишь в одном
Европу, Азию, весь свет мы перегнали...
Нет! Никогда ещё таким ужасным сном
Мои любезные соотчичи не спали!*

*Всё спит кругом: везде, в деревнях, в городах,
В телегах, на сонях, днём, ночью, сидя, стоя...
Купец, чиновник спит, спит сторож на часах,
Под снежным холодом и на припёке зноя!
И подсудимый спит, и дрыхнет судья;
Мертво спят мужики: жнут, пашут – спят; молотят -
Спят тоже; спит отец, спит мать, спит вся семья...
Все спят! Спит тот, кто бьёт, и тот, кого колотят!
Один царёв кабак – тот не смыкает глаз;
И, штоф очищенный всей пятернёй сжимая,
Лбом в полюс, оперишись, а пятками в Кавказ,
Спит непробудным сном Отчизна, Русь Святая!*

Наблюдая увядающую, неактивную, безынициативную Россию, Иван Сергеевич Тургенев в стихотворении «Сон», включённом в роман «Новь», который сегодня рассматривается филологами как одна из самых лучших страниц его творческой биографии, подобно М. Ю. Лермонтову, обращается к понятиям «грязь» и «рабство», являющиеся для него неотделимыми. Прав был Захар Прилепин, когда, обращаясь к оппонентам лермонтовского авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия», написал, что нельзя судить о стихах человеку, который не чи-

тает их в принципе¹. А ведь действительно не читают! Иначе работы интересантам от литературы прибавилось бы. Пришлось бы им доказывать, что и А. И. Тургенев не писал роман «Новь», и не вкладывал в уста Нежданову стихов, столь пронизанных лермонтовским духом! Впрочем, в данном случае с «доказательствами» было бы сложнее. Ведь тургеневский автограф сохранился².

Стихотворение из романа «Новь», приписанное Тургеневым персонажу Нежданову, выходило как отдельное произведение в 1876 году. Этот роман связан с событиями потерпевшего провал студенческого «хождения в народ», достигшего своего апогея весной и летом 1874 г., хотя автор перенёс действие на конец 1860-х годов. Главным героем – молодой революционер незаконнорожденный сын князя студент Нежданов кончает жизнь самоубийством после очередной неудачной попытки пропаганды среди мужиков. В стихах Нежданова мы находим сетование на социальную «сонливость» русского народа, в них также понятие грязи ассоциируется с бедностью, тоской и рабством. И всё это касается чистоты души народа. При этом приходит на ум лермонтовское понятие «немьтости».

С Лермонтовым у Тургенева было всего две встречи, относящиеся к концу декабря 1839 года, которые не привели к тесному знакомству. Но известно, что молодой Тургенев восхищался поэзией Лермонтова, испытал огромное её влияние на себе, усваивал самый ритм и строфику, стилистику и синтаксические особенности стихов Михаила Юрьевича, прибегал к переосмыслению тех или иных стихотворных строк и образов.

Но не только свой последний роман «Новь» (1876 г.) Тургенев посвящает революционному движению в России. В 1874 году, уже на скло-

¹ Прилепин З. О «немьтой России» Лермонтова. Патриотизм не должен быть идиотизмом! publizist.ru/blogs/110093/19138/.

² Подготовительные материалы к роману «Новь» (Заметка о замысле романа, «Формулярный список лиц новой повести», две редакции конспекта романа – «Краткий рассказ новой повести» и «Рассказ новой повести», Разные заметки). 41 л. Хранятся в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 76; описание см.: *Mazon*, p. 79-80; фотокопия – *ИРЛИ*, P. I, оп. 29, № 339. Опубликовано: *Revue des études slaves*, 1925, т. V, вып. 1-2, p. 85-112 (вторая редакция «Рассказа», не полностью; разные заметки опубликованы впервые: *Т, ПСС и П, Сочинения*, т. XII, с. 340-342). «Новь», роман Ивана Тургенева. Черновой автограф в 3-х тетрадах. 492 листа авторской пагинации. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 89, 90, 91; описание см.: *Mazon*, p. 86-88; фотокопия – *ИРЛИ*, P. I, оп. 29, № 320-322. «Новь». Наборная рукопись – белой автограф. 298 листов авторской пагинации. Хранится в Отделе рукописей *ГПБ*, ф. 795, № 25; описание см.: *Отчет ИРЛ* за 1883 г. СПб., 1885, с. 259; Заборова Р. Б. Рукописи И. С. Тургенева. Л., 1953, с. 20-21.

не жизни, И. С. Тургенев написал повесть «Пунин и Бабурин»¹.

В начале этой повести он рассказывает о двенадцатилетнем мальчике, внуке богатой помещицы владелицы старинной дворянской усадьбы. По рекомендательному письму бабушка приняла на работу конторщиком Парамона Семёныча Бабурина. В письме упоминались две присущие ему странности. Бабурин пояснил, что не допускает телесного наказания крестьян, и что с ним проживает его товарищ Николай Вавилыч Пунин, убогий человек, грамотный, примерной нравственности. Мальчик подружился с трогательным и смешным Пуниным. Но общение с ним внезапно окончилось, бабушка уволила Бабурина, приказала рассчитать и удалить его из имения вместе с Пуниным. Однако жизнь ещё не раз сведёт героя повести с Пуниным и Бабуриным.

Со страниц повести встаёт образ незаурядной личности мещанина-республиканца, энергично протестующего против деспотизма и произвола власть имущих. В конце повествования оказывается, что Бабурин **был участником дела петрашевцев** (выделено нами – Е.С.), оставившего глубокий след в русской общественной жизни. Именно Бабурина, а не «помещика-рассказчика» делает Тургенев наследником идей дворянских революционеров-декабристов. В свете этого обстоятельства особый интерес приобретает признание писателя о том, что Бабурин «списан с живого лица». Принципиально важным становится вопрос о реальном прототипе этого героя. Известно, что среди членов кружка Петрашевского у Тургенева было немало знакомых – Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, А. Н. Плещеев, близкие к этому кругу И. П. Араптов, Н. В. Ханьков, и писателю было многое известно о деятельности кружка. Например, с Н. В. Ханьковым, писатель тесно общался в Париже в период создания своей повести.

Но самое потрясающее это то, что, возможно, описание происхождения Бабурина от грузинских князей было подсказано Тургеневу биографией петрашевца Д. Д. Ахшарумова – современника М. Ю. Лермонтова, развившего образ «Немытой России»! Такую версию высказала исследовательница А. З. Розенфельд². То есть, исторически мы можем констатировать преемственность интереса мастеров слова к событиям, связанным с движением петрашевцев – наследников вольнолюбивой

¹ «Пунин и Бабурин. Рассказ И. С. Тургенева», черновой автограф, 52 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 86; описание см.: *Mazon*, p. 81; фотокопия – *ИРЛИ*, P. I, оп. 29, № 324. «Пунин и Бабурин. Рассказ И. С. Тургенева», белой автограф первой половины рассказа (до слов: «я отправился домой» – с. 36), 36 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 77; фотокопия – *ИРЛИ*, P. I, оп. 29, № 223.

² Розенфельд А. З. Тургенев и Н. В. Ханьков. – Тургенев и его современники. Л., 1977, С. 77-88.

лирики М. Ю. Лермонтова, филологически – мы обращаем внимание на развитие образности, отражающей творческие поиски в социальной поэзии.

Кроме того, анализ тургеневских текстов помогает осознанию лермонтовского образа «Немытой России», так как значение методов атрибуции стихотворения «Прощай, немытая Россия» представляется особенно значительным в тех случаях, когда их применение сопровождается освещением важных социальных вопросов словесно-художественного творчества не только отдельного писателя, но и целого литературного направления определённого исторического периода. Важной при этом представляется мысль Ю. М. Лотмана, который утверждал, что в построении стихотворения «Сон» отражена общая композиция «Нови», где, как и в других романах Тургенева, действие развивается *«в трёх планах: во-первых, это современно-бытовой, во-вторых, архетипический и, в-третьих, космический»*¹. Все эти три плана в том или ином виде присутствуют не только в стихотворении, приписанном автором персонажу Нежданову, но и в лермонтовском произведении: через лермонтовский текст мы двигаемся от констатации определённых бытовых черт к образам-архетипам несвободы, рабства, крепостничества, а от них – к парадигме поэтической мысли, согласно которой Россию можно увидеть лишь с космической высоты. У Тургенева это выражается в видении того, как она спит *Лбом в полюс, опершись, а пятками в Кавказ*, у Лермонтова – в желании укрыться от её несовершенства за виртуальной, вневременной *стеной Кавказа*, в которой отражены мало того, что все многочисленные хребты этого края (действительно, взгляд из Космоса!), но и такое понятие как *Великая Кавказская Стена*, некогда существовавшая здесь (чтобы её обозреть, нужно не только бросить на неё взгляд с огромной высоты, но и через прошедшие века).

Далее лермонтовская «немытость» проступает в стихах К. Случевского.

К. К. Случевский. Думы. На публичном чтении (1881)

*В догадках, вымыслах и выводах мудрёных
Коцунствуют при всех и, на правах учёных,
В любезном чаянье различных благостынь
Немытою рукой касаются святынь.*

Кстати, факт знакомства И. С. Тургенева с К. К. Случевским отно-

¹ Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия: <http://philo-logos.narod.ru/lotman/russpase.htm>. С. 15.

сится к 1859 году. Известны 20 писем Тургенева к Случевскому (1860-1879). В статье «Одна из встреч с Тургеневым» Случевский рассказал о своём знакомстве в конце 1859 года сначала с литературным критиком Григорьевым, которому передал его стихотворения Всеволод Крестовский, а затем с Тургеневым. Лирика К. Случевского с первых творческих опытов этого автора вызывала противоречивые оценки масштабов его таланта и степени его оригинальности. Дебют поэта, состоявшийся в 60-е годы, вызвал восторженную реакцию А. Григорьева: *«Понимаете ли вы, – говорил он, – что струю свежего, совсем свежего воздуха брызнули на меня эти стихи <...> Нет, я вам говорю, тут сразу является поэт, настоящий поэт, не похожий ни на кого поэт, а коли на кого похожий – так на Лермонтова. На Лермонтова, – повторил он, – да только по силе, по стали мысли, образов и стиха, но это и не Лермонтов, а это, говоря словами Лермонтова,*

*– Другой,
Еще не ведомый избранник.*

Да-с! Говорю вам это прямо. Тут размах силы таков, что из его, вследствие случайных обстоятельств, или ровно ничего не будет, или уж если будет, то что-нибудь большое будет»¹.

Сопоставление дарования Случевского с лермонтовским некоторыми современниками было воспринято как курьёз, анекдот. Так, например, А. Галахов в своих воспоминаниях приводит следующий отзыв И. С. Тургенева о таланте Случевского-поэта: *«По уходе его <Случевского. – Л.П.> И<ван> С<ергеевич> обратился к нам с такими словами: “Знаете ли, кто это был у меня? Это такой талант, которому Лермонтов не достоин будет развязать ремень обуви”²».*

Однако, так называемый, «лермонтовский» цикл стихов существует в творчестве К. Случевского, а его размышления, движущиеся в русле символизма в осмыслении темы «народ и природа / родина», напоминают тургеневский «Сон» из романа «Новь»:

Вот она, великая трясина!..
Вот она, великая трясина!

¹ Григорьев А. Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности // Сын Отечества. 1860. № 6. С. 167.

² Галахов А. Д. Сороковые годы: (Воспоминания) // Исторический вестник. 1892. № 1. С. 138.

*Ходу нет ни в лодке, ни пешком.
Обмотала наши весла тина,—
Зацепиться не за что багром...*

Отметим при этом, что слова *трясина* и *грязь* этимологически связаны. Слово «грязь» известно древнерусскому и старославянскому языкам и восходит к общеславянскому *грезь* с древним значением «вязкое, илистое дно», откуда возникли похожие трактовки «топкое место», «болото», и уже позже (на восточнославянской почве) появилось современное значение.

Эта тургеневская тема мертвенного застоя и сонливости дополняется лермонтовским понятием нечистоты в стихотворении «Мало свету».

Мало свету

*Мало свету в нашу зиму!
Воздух **тёмен и нечист**;
Не подняться даже дыму —
Так он грузен и слоист,
Он мешается с туманом;
В нём снуют со всех сторон,
Караван за караваном,
Стаи галок и ворон...
Мгла по лесу, по болоту...
Да, задача не легка —
Пересиливать дремоту
Чуть заметного денька!*

Благословленный на литературное служение дружественным словом Тургенева в 50-е годы XIX столетия, Случевский начинал в поэзии как современник Тютчева и Фета, в 60–70-е он становится другом Некрасова, гордится знакомством с Достоевским, в 80-е – 90-е коротко дружит с Владимиром Соловьёвым, в начале 900-х встречается с Константином Бальмонтом, создавшим собственный лермонтовский цикл.

Многие современники в напористости бальмонтовского голоса усматривали революционные смыслы. Бальмонт, действительно, отдал дань социальному протесту. Однако его «революционность» – не следствие сознательной и крепкой общественной позиции, а скорее анархический бунт «негодующего при виде несправедливости» поэта, – бунт, способный принести скандальную славу. Так было в 1901, когда за стихотворение *Маленький султан*, отклик на разгон студенческой демон-

страции, Бальмонту запретили два года проживать в столицах. Так было и со сборниками периода революции 1905-1907 годов. *Стихотворения* (1906, конфискован полицией) и *Песни мстителя* (1907, вышел в Париже, в России запрещён к распространению).

Интересно отметить, что в стихотворении «Маленький султан» К. Бальмонт, подобно Лермонтову, обращаясь к современным ему событиям в России, переносит место действия своего произведения в Турцию¹.

Маленький султан

*То было в Турции, где совесть – вещь пустая,
Там царствуют кулак, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя
И глупый маленький султан.*

*Во имя вольности, и веры, и науки
Там как-то собрались ревнители идей,
Но сильных грубостью размашистых плетей
На них нахлынули толпы башибузуков.*

*Они рассеялись... И вот их больше нет;
Но тайно собрались изгнанники с поэтом.
«Как выйти, – говорят, – из этих тёмных бед, –
Ответствуй нам, певец, не поскупись советом!»*

*И он собравшимся, подумав, так сказал:
«Кто может говорить, пусть дух в нём словом дышит,
И если кто не глух, пускай то слово слышит,
А если нет – кинжал».*

К. Бальмонт. Между 4 и 14 марта 1901.

¹ Стихотворение «Маленький султан» было написано в связи с событиями 4 марта 1901 г. в Петербурге: разгоном полицией и войсками студенческой демонстрации у Казанского собора. Избиение демонстрантов казаками и убийство нескольких студентов вызвало в России широкую волну общественного протеста. В справке департамента полиции, датированной июнем 1901 г., указано: «Бальмонт Константин Дмитриевич... 14 марта 1901 г. на благотворительном вечере прочел с эстрады не дозволенное к исполнению цензурой сочиненное им крайне дерзкое и возмутительное стихотворение, за что по постановлению Особого совещания от 7 мая 1901 г. ему воспрещено жительство в столицах, столичных губерниях и университетских городах сроком на 3 года» («Русская литература», 1963, № 3, с. 162).

Кстати, именно Константин Дмитриевич Бальмонт поднимает тему: «И. С. Тургенев как поэт»: «Тургенев начал со стихов, но скоро бросил их и сам своих стихов не любил. Совершенно напрасно те, кто пишет и говорит о Тургеневе, повторяют эту тургеневскую несправедливость к стихам Тургенева и обходят их молчанием, как нечто не заслуживающее внимания. В своих лирических стихах и в поэмах Тургенев нередко достигает истинного изящества и подлинной силы»¹.

К. Бальмонт в стихотворении, посвящённом памяти И. С. Тургенева, прочитанном автором 31-го октября 1893 года в Москве, в заседании Общества Любителей Российской Словесности, концентрирует внимание на социальном аспекте творчества Ивана Сергеевича, создавая интересный образ *цветов «среди грязной тины»* – как выражение любви к родине и её народу, несмотря на все несовершенства общественной среды.

*И ты спустился в тёмные пучины
Народной жизни, горькой и простой,
Пленяющей печальной красотой,
И подсмотрел цветы среди **грязной тины**,
Среди грубости – любви порыв святой.*

Позднее, уже в 1913 году, К. Бальмонт вернётся к лермонтовским образам социальной нечистоты и голубого мундира, назвав своё стихотворение «Дурной сон», возможно продолжая тему тургеневского «Сна». Во всяком случае обращает на себя внимание несомненная близость двух первых строк этих двух произведений, как, впрочем, близким представляется и их лейтмотив.

Дурной сон

*Мне кажется, что я не покидал России,
И что не может быть в России перемен.
И голуби в ней есть. И мудрые есть змии.
И множество волков. И ряд тюремных стен.*

***Грязь «Ревизора» в ней.** Весь гоголевский ужас.
И Глеб Успенский жив. И всюду жив Щедрин.
Порой сверкнёт пожар, внезапно обнаружась,
И снова пал к земле земли убогий сын.*

¹ Впервые опубликовано: «Последние новости», Париж, 1933, 15 и 22 июня.

*Там за окном стоят. Подайте. Погорели.
У вас нежданный гость. То – голубой мундир.
Учтивый человек. Любезный в самом деле.
Из ваших дневников себе устроил пир.*

*И на сто вёрст идут неправда, тяжба, споры,
На тысячу – пошла обида и беда.
Жужжат напрасные, как мухи, разговоры.
И кровь течёт не в счёт. И слёзы – как вода.*

Интересно, что мотив «немытости» изначально появляется именно в связи с упоминанием противоречий государства, державы в имперский период истории России, который получил весьма неоднозначные оценки у передовых мыслителей своего времени (достаточно вспомнить взгляд Маркса и Энгельса на создание Российской империи: «Новорождённый капитал явился на свет, покрытый с головы до пят кровью и грязью, сочащимися из всех его пор» – неправда ли, напоминает строки из «Немытой России»?).

Посмотрим, как шло использование лексемы «немытый» в русской литературе дальше. То есть, мы рассматриваем литературу, как единый процесс.

Особенно часто эту лексику можно встретить в дальнейшем в поэзии «Серебряного века». Поэты-символисты этого времени с большой охотой обратились к словесным экспериментам. То есть, Лермонтов был воспринят иначе в символистской культуре XX в., его творчество сыграло огромную роль в становлении основных художественных принципов символизма. А. П. Авраменко отмечает: «Лермонтов попытался предугадать не только свою кончину, но в приливе мрачного неверия в жизнь пытался пророчествовать гибель всему сущему в России – и поэтому твёрдо был причислен жрецами нового искусства к кругу поэтов-теургов»¹.

И хотя М. Ю. Лермонтов был поэтом совершенно другой эпохи, по выражению А. Белого в его творчестве литераторы символизма находили ощущение новой любви, в мир грядущий, и это ощущение высвобождалось «из-под коросты обывательской жизни»². М. Ю. Лермонтов не случайно считается предтечей русского символизма в поэзии.

¹ Авраменко А. П. Преодоление (А. Блок и М. Лермонтов) // Авраменко А. П. А. Блок и русские поэты XIX в. М., 1990. С. 216.

² Белый А. О Блоке. М., 1997. С. 35.

Среди всех символистов наиболее глубокие контакты с поэтическим миром Лермонтова имел А. Блок. Он тоже относился к России без показного патриотизма и лживого приукрашивания действительности. Вспомним как развивалась им тема Родины в стихотворении «Россия»:

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слёзы первые любви!*

«Тяжёлый русский дух, нечем дышать и нельзя лететь», – говорил Александр Блок. Через эти строки вновь проступает лермонтовская «немытость».

Кстати, рассматривая мотив «немытости», важно определиться: «Немытая Россия» – литературный образ, или всё-таки символ? Чем символ отличается от образа? Движение и игра смысловых оттенков создают неразгадываемость, тайну символа. Если образ выражает единичное явление, то символ таит в себе целый ряд значений – подчас противоположных. А. Белый определял символ как «соединение разнородного вместе».

Не случайно понятие «Немытая Россия» включает в себя множество смыслов. Причём часто разные читатели открывают для себя разное смысловое наполнение этого словосочетания. Отсюда и возникает полемика: кто-то увидел в нём телесную, кто-то духовную немытость; кто-то связывает её с пролитой кровью А. С. Пушкина, кто-то с рабской покорностью и немотой народа. Безусловно, символ, вобравший в себя многие значения! Символ России, которую хочется видеть обновлённой.

Более того, в стихотворении, состоящем из восьми строк, мы видим восемь символов! Второй символ: «*страна рабов – страна господ*» заставляет нас думать о степени подчинения народа власти, о деспотизме, утверждённом силой, о двух мирах, соединённых в одном государстве, об исторических примерах общественного устройства, когда один человек является собственностью другого.

Третий символ: «*мундиры голубые*» – очень яркий и тоже порождающий споры. Кого же имел в виду поэт: жандармов или представителей высшей власти, которые исторически носили голубые мундиры. Голубой цвет при этом всегда оставался маркером власти. Опять многозначность, обобщение!

Четвёртый символ: «*преданный народ*» снова порождает полемику. Преданный – *отданный* в руки властям, или же всё-таки преданный

в значении *верный* своим господам? А может быть и то, и другое?

Пятая строка стихотворения даёт нам потрясающий символ *стены Кавказа*. Некоторые исследователи просто сломались на нём. Вдруг перестали воспринимать литературное произведение как художественный текст и стали трактовать его с географической точки зрения: «доехал – не доехал до стены» (интересно до какой, ведь на Кавказе много цепей гор, напоминающих стену, и хребтов, имеющие свои географические названия?). Другие, ратуя за метафорическое понимание, стали скрупулёзно перечислять лермонтовские выражения «стены гор», встречающиеся в творениях поэта. Ну а мы ещё напомним о существовании исторического термина «Кавказская стена», обозначающего уникальный архитектурный памятник, поражающий воображение всех, кто интересовался кавказской древностью. О нём в своё время писал А. Дюма, посвятив этому грандиозному фортификационному сооружению целую главу своей книги «Кавказ»¹.

В шестой строке мы находим не менее загадочный образ *паши*. По отношению к России этот образ воспринимается как экзотизм. Кто-то, кто, видимо, в детстве сказки «Ашик-Кериб» не читал, а во взрослом состоянии лермонтовского частотного словаря не видел, почувствовав этот экзотизм, начал рьяно протестовать против его использования, объявив образ «кривым» и «нелермонтовским». Однако М. Ю. Лермонтов не только писал про восточного властителя, но ещё и рисовал турецкого пашу (известен его рисунок 1833 года, ныне хранящийся в фонде ГАРФ). Тема жестокого восточного правителя стала в тексте восьмистишия символом произвола власти, а также рабской покорности ей.

Седьмая строка произведения представляет нам широко известный масонский символ *Всевидающего глаза*, или Всевидающего ока. Представляется важным отметить, что его изображение – глаз, вписанный в треугольник, – присутствовал в определённый период на наградах Российской Империи (например, на Медали «В память Отечественной войны 1812 года»), которыми отмечалась российская военная и политическая элита.

Восьмой и последний символ – «*всеслышащие уши*» – редкий в поэтической речи словообразовательный неологизм, характерный для М. Ю. Лермонтова (вспомним его «всесожигающий костёр» в «Молитве» 1829 года). Это так называемый гомеровский (сложносоставной) эпитет, историю бытования которого можно чётко проследить в русской литературе. Он идёт в связке с предыдущим символом, получая при этом новое смысловое значение. Возникающая языковая параллель

¹ Дюма А. Кавказ. Тбилиси: «Мерани», 1988. С. 103-106.

всевидающий – *всеслышающий* может быть рассмотрена как скрытое сопоставление с двадцать седьмым и двадцать восьмым из 99 имён Аллаха, упоминаемых в Коране:

27. **Ас-Сами** (Всеслышащий)

28. **Аль-Басыр** (Всевидающий)¹.

Это скрытое сопоставление усиливает тему восточного деспотизма и рабской покорности, соотносясь также с лексемой «паша». Таким образом, буквально в нескольких символах в тексте стихотворения даётся ёмкая характеристика двух духовных составляющих имперской России: с одной стороны – это европейская составляющая, пришедшая с темой масонства; с другой стороны – восточная, глубоко проникшая в русскую культуру (христианство по восточному типу; образ Византии, испокон веков привлекавший внимание русского человека, претерпевший трансформацию в султанской Турции).

При этом автор восьмистишия показывает, что речь идёт не о Творце, которому как высшей сущности не нужны органы чувств, чтобы быть *всевидающим* и *всеслышающим*, а о тех, кто возомнил себя вершителями судеб. Это приращение смысла достигается прибавлением лексем «глаза» и «ушей», добавляя в контекст нотку иронии.

Желание лирического героя сокрыться от проявлений деспотизма совпадает с желанием избавить Россию от того, что ей не нужно, очистить её душу, то есть символически её «отмыть». При этом лексема «немытая» включает все символические значения целого произведения.

Символисты не могли не испытать влияния Лермонтова. Помимо его стиховых достижений, бесспорное влияние на лирику символистов имела богатая лермонтовская поэтическая символика. Сам тип стихотворения с символическим образом был утверждён Лермонтовым. В этом смысле трудно переоценить значение его знаменитых восьмистиший.

Форма восьмистишия характерна для М. Ю. Лермонтова (так, например, только за период 1831-1832 гг. поэт создал их свыше десяти, среди них: «Как дух отчаянья и зла», «Силуэт» и «Я не люблю тебя; страстей...»). В дальнейшем развитие этих мотивов происходит в стихотворении «Расстались мы, но твой портрет», также состоящем из восьми строк. В это же время он создаёт восьмистишия и на французском языке.

¹ Исследователями (Назарьян Р.) отмечалось, например, что «Лермонтову не были чужды представления о числах, свойственные исламу» (См.: Назарьян Р.Г. Символика цифр в восточной сказке М. Лермонтова «Ашик-Кериб» // М.Ю. Лермонтов и его время в мировой науке и культуре. Материалы Международной научной лермонтовской конференции 12-14 мая 2016 г. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – С. 179-180). Обращение к образам исламской культуры перекликается и с лермонтовскими словами: «/*Быть может, небеса Востока / меня с ученьем их пророка / Невольно сблизили...*».

Примером может служить «NON, SI J'EN CROIS MON ESPÉRANCE» («Нет, если верить моей надежде»), местонахождение автографа которого неизвестно; в 1951 он был продан с аукциона в Мюнхене (ФРГ); принадлежал в своё время Верещагиной¹). А маленькому шедевру «Из Гете (Горные вершины...», созданному в 1840 г., была суждена долгая жизнь в искусстве: к нему обращались Брюсов, Анненский, Пастернак, композиторы положили стихи на музыку. Романсы, в которых поется о горных вершинах, стали появляться с 40-х гг. XIX в. Всего насчитывается более 40 музыкальных вариантов лермонтовского восьмистишия.

Отметим, что символический иносказательный пейзаж – примета зрелого лермонтовского стиля. Так, можно вспомнить одинокую сосну из ещё одного знаменитого лермонтовского восьмистишия «На севере диком...», или утёс из восьмистишия «Ночевала тучка золотая...», – изображая природную зарисовку, автор повествует о состоянии души: одиночестве и неприкаянности, обречённости на скитальчество и жажде покоя или бури. В приведённых примерах использованные автором **лицетворения** можно смело назвать символами. В них речь идёт не просто об образе, наделённом одушевленными чертами, а именно о **символе** – обобщённом выражении главной идеи стихотворения.

Причём малая форма не мешает признать восьмистишия М.Ю. Лермонтова законченными гениальными творениями. Так, К.Д. Бальмонт признавался: «Из всех стихов в мире я больше всего люблю «Горные вершины» Лермонтова (не Гёте, Лермонтова)». **К.Д. Бальмонт. «Очерки» 27 июля 1907.**

Не случайно Борис Пастернак считал восьмистишие идеальной формой стихотворения. Он говорил, что, по его мнению, – восемь строк, два четверостишия вполне достаточно, чтобы выразить мысль и чувство любой силы и глубины. В этом смысле «Прощай, немытая Россия» является ярким примером квинтэссенции социальной поэзии. Уникальный опыт жизни в драматический период истории России интересен не только сам по себе, но и тем, как он превращается в литературу.

Поэзия символистов наполнена скрытым смыслом, знаками. «Помимо конкретного содержания, есть ещё содержание скрытое, соединяющееся с ним органически и сплетающееся с ним нитями самыми нежными», – утверждал Бальмонт. «Символ – окно в бесконечность», – говорил Ф. Сологуб. Если В. Жданов отмечал, что, например, «В эзоповском языке поэтов-петрашевцев была зашифрована лермонтовская лексика его вольнолюбивой поэзии», то сегодня интересно посмотреть,

¹ Копия (сделанная по бумагам Верещагиной) – ИРЛИ. Впервые стихотворение было опубликовано П. Висковатовым в «РС», 1882, т. 35, № 8. С. 391.

как эта лексема-символ «немытая» уводит в бесконечность поэзии Серебряного века.

1924 год

Корявыми **немытыми** речами
Они свою обсуживают «жись»...
С. А. Есенин. Русь советская (1924 г.)

Не народ, а дрохва / Подбитая.
Русь нечёсаная, / Русь **немытая!**
Вы послушайте / Новый вольный сказ.
С. А. Есенин. Песнь о великом походе (1924 г.)

В тебе / омерзенье / и страх родит
этот / **немытый** / омут.
В. В. Маяковский. На помощь (1924)

1926 год

Я пойду в **немытую** деревню,
Я пойду к забытому отцу, —
Не скулить, не каяться плачевно,
Не кадить корявому лицу.
Н. Г. Полежаев. «Перевешу сапоги на плечи...» (1920.08.26)

1927 год

Иной мыслитель неизбежно
Симптомы века в нём найдет —
Разврат под музыку бедлама;
Иная пишущая дама
Или копеечный пиит

О прежних танцах возопит;
Но для меня, скажу открыто,
Особой прелести в том нет,
Что грубоватый и **немытый**
Маркиз танцует менуэт.
В. В. Набоков. Университетская поэма (1927)

Простывшим голосом,
вчерашними рукам и,
Немытой лаской любовь копал.
А мы ещё кого – то ругаем:
Тот, мол, некультурен, этот отстал.
Н. Г. Оболдуев (1898-1954)

1932 г.

В **немытых** стеклах день изломан
Над городом, где счастья нет.
Мария Вега. «Мне скучно, бес. Встаёт рассвет...» (1932)

В приведённых примерах мы явно видим и метафоричность лексем «грязь», «немытость», и то, какое она оказала влияние на многих крупных отечественных поэтов. Особенно интересной представляется эволюция мотива «немытости» в социальной поэзии XIX-начала XX вв. на примере сопоставления: М. Ю. Лермонтов – И. С. Тургенев – К. Д. Бальмонт. Но, конечно же, наши сопоставления будут неполными, если мы не коснёмся творчества одного из самых ярких поэтов Серебряного века, русского поэта-символиста М. Волошина, который, подобно К. Бальмонту и К. Случевскому, создаёт образ России-трясины, грязной тины:

*В болотной мгле клубились клочья марев:
Российских дел неизжитые сны...*

В творчестве М. А. Волошина понятие грязи и немытости чисто по лермонтовски сочетается с понятием пролитой крови:

Кровавый пар столбом стоит над Русью...

XIX век для Волошина оборачивается прежде всего временем удушения интеллигенции. В поэме «Россия» он выражает эти мысли, созвучные с высказанными в автобиографическом стихотворении «На дне преисподней» 1922 года:

*Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.*

Поэт признаётся, что его память невольно искала аналогий судьбам России в истории падений и разрушений других империй и останавливалась, конечно, на Риме. Здесь мы также вправе зафиксировать параллель с Лермонтовым, вспомнив его «Умиряющего гладиатора».

Утверждая историческую неизбежность государственных обручей, скрепивших Российскую Империю, Волошин, следуя своей манере перечисления показательных исторических эпизодов, развёртывает список, начинающийся в поэме «Россия» с трупов пяти декабристов:

*Пять виселиц на Кронверкской куртине
Рифмуют на Семёновском плацу;
Волы в Тифлис волочат «Грибоеда»,
Отправленного на смерть в Тегеран;
Гроб Пушкина ссылают под конвоем
На розвальнях в опальный монастырь;
Над трупом Лермонтова царь: «Собаке –
Собачья смерть» – придворным говорит;
Промозглым утром бледный Достоевский
Горит свечой, всходя на эшафот...
И всё тесней, всё гуще этот список...*

Видимо, Волошин допускал, что и он может оказаться в продолжении этого списка жертв – лучших людей русской литературы, погибающих в неравной схватке с кровавой государственностью. Говоря об истине и государстве, поэт утверждает:

*Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.
Она готовится
Из грязного белья
Под бдительным надзором государства*

*На все потребности
И вкусы и мозги.*

13 апреля 1922

Коктебель.

Образ Родины в историософской лирике Максимилиана Волошина рисуется как страна исторических миражей:

*Вот лежит она, распята сном,
По вековечным излогам,
Расплесканная по дорогам,
Искусанная огнём,
С запекшимися губами,
В грязи, в крови и во зле,
И ловит воздух руками,
И мечется по земле.*

Из книги стихов «Неопалимая купина».

Но этой, лежащей в грязи России, автор готов поклониться:

*Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище,
И пошла поруганной, и нищей,
И рабой последнего раба.*

*Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя,—
Ты — бездомная, гуляющая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!
«Святая Русь».*

Поэт видит причину всех бед в самом народе. И пока мы таковы, ничего не может измениться: всё равно рано или поздно «*Вчерашний раб, усталый от свободы, // Возропцет, требуя цепей...*».

Эта мрачная картина навеивает аналогию с лермонтовским образом народа, преданного «голубым мундирам» (символу власти), учитывая

все значения этого коварного глагола.

В письме А. М. Петровой от 9.12.1917 года М. Волошин интересно рассуждает об имени «славяне»: «Знаменательно имя «славяне». Для Запада оно звучит как имя рабов (esclavi). Раб и славянин по-латыни – синонимы... Но внутренний смысл славянства, то, что оно тайно несёт в себе, – это Слава, Слово: Право Славии». Для Запада – рабы, а для самих себя – тайные носители божественного Слова, нездешней Славы. В этом особое призвание России.

Вот в чём заключается та «странность» любви к Родине, о которой говорил М. Ю. Лермонтов, – в двойственной сущности её природы. Вот почему М. Волошин, человек, сказавший: *«И в мире нет истории страшней, // Безумней, чем история России»*, – всё-таки видит свет в, казалось бы, крошечной тьме. *«У меня есть вера в Русь, но есть и отношение европейца к Российскому государству, и от него я не хочу и не могу отказаться»*, – пишет М. Волошин. Русь и Российское государство здесь разделены. Государство – нечто преходящее; Русь – вечная сущность России, её тайная духовная миссия, которую М. Волошин ставил превыше всего.

От преходящего – к вечному, таково очистительное таинство, заключённое в поэзии символистов. И снова вернёмся к лермонтовскому конкретному воплощению образа России: *«У России нет прошедшего, она вся в настоящем и будущем»*¹. М. Ю. Лермонтов рисует это воображаемое будущее:

*Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.*

*Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..*

(М. Ю. Лермонтов «Отрывок», 1830 г.)

¹ Автограф в книге Вл. Ф. Одоевского.

Тот же мотив странной, мистической любви и веры в Россию звучит в волошинском стихотворении 1922 года «На дне преисподней», в котором поэт рисует свою весьма вероятную судьбу: *«И на дне твоих подвалов сгину // Иль в кровавой луже поскользнусь»*, – и здесь же удивительная строчка: *«Горькая детоубийца Русь!»*. А дальше поэт пишет: *«Но твоей Голгофы не покину, // От твоих могил не отрекусь...»*.

М. Волошин показывает, как человек, видевший свою страну ужасной, абсурдной, кровавой «детоубийцей», – всё-таки может любить её, верить в неё. Оба поэта – М. Волошин и М. Лермонтов сошлись в одной точке – в любви к России, к России не как к географическому месту, а как к надмирной метафизической идее.

Что касается М. Ю. Лермонтова – невзирая на все несовершенства современного ему общественного быта, в душе поэта цветут цветы любви к Отчизне, живёт вера в будущее России.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать несколько важных выводов:

1) Лексема «немытая» не может быть заменена в контексте художественного произведения на любую другую, так как именно это слово в поэтическом творении исчерпывает все значение целого произведения. Именно слово «немытая» сегодня сотрясает все слои нашего общества, делает стихотворение М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия» архипопулярным.

2) Оправданным можно считать только метафорическое значение лексемы в контексте социальной поэзии, совершенно нелепыми выглядят попытки проиллюстрировать стихотворные строки изображениями тазиков и бань, рассуждениями о том, как мылись на Руси, тем более, что дальнейшее развитие образа в русской поэзии («**немытыми** речами» – С. Есенин, «**немытый** омут» – В. Маяковский и т.д., см. вышеприведённые нами примеры) полностью исключает какую-либо другую возможность понимания данного эпитета.

3) Факт существования образа «Немытой России» в поэзии пестрашевцев конца 40-х годов XIX века, в период обострённого кризиса крепостничества в николаевскую эпоху, делает несостоятельными попытки некоторых современных исследователей привязать написание знаменитого восьмистишия к дате его опубликования, объявив при этом его возможными авторами пародиста Минаева, либо издателя Бартенева. **«Минаевская» и «бартеневская» версии просто не выдерживают критики.**

4) Те, кто оспаривает авторство стихотворения М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия» на основании того, что один и тот же чело-

век не мог написать строки «Родины» и «Немытой России», **идут против исторических примеров** (вспомним аналогии с Д. Ахшарумовым, М. Волошиным и др.).

5) Те «знатоки» русской словесности, которые сегодня пытаются отнести лексему «немытая» к «корявым» образам, демонстрируют своё непонимание русской литературы как единого процесса, тенденциозно игнорируют тот факт, что лексема, имеющая символическое значение, оказала влияние практически на каждого крупного поэта послелермонтовского периода, обратившегося к осмыслению социальных проблем, остро стоящих перед их родиной.

Литература:

1. Авраменко А. П. Преодоление (А. Блок и М. Лермонтов) // Авраменко А. П. А. Блок и русские поэты XIX в. М., 1990. С. 216.
2. Андреев-Кривич С. А. Нет, это не Лермонтов // М. Ю. Лермонтов. Проблемы идеала. – Куйбышев – Пенза. 1989. С. 141.
3. Андроников И. Л. Комментарий к стихотворению «Прощай, немытая Россия» // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 томах. М.: «Художественная литература», 1993. С. 351-356.
4. Белый А. О Блоке. М., 1997. С. 35.
5. Буравова С. Н. Сергей Алексеевич Андреев-Кривич (К 100-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф на 2006 год: Краевед. Сб. / СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова. Отд. краевед. лит. и библиографии. – Ставрополь, 2006. С. 201-204.
6. Бушин В. Курьёз с шедевром. «Слово», 1989, № 10.
7. Вацуро В. Э. Языков Н. М. Лермонтовская энциклопедия: «Советская энциклопедия». – М., 1961. С. 642.
8. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
9. Вишневский К. Д. Традиции и новаторство в стихотворной технике М. Ю. Лермонтова // Язык и стиль произведений М. Ю. Лермонтова. Пенза, 1969. С. 78-88.
10. Галахов А. Д. Сороковые годы: (Воспоминания) // Исторический вестник. 1892. № 1. С. 138.
11. Григорьев А. Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности // Сын Отечества. 1860. № 6. С. 167.
12. Голованова Т. П. Рукописи Лермонтова // ЛЭ. М.: «Советская энциклопедия», 1981. С. 478-480.
13. Динесман Т. Г. «Прощай, немытая Россия», стих. Лермонтова (1841) // ЛЭ. М.: «Советская энциклопедия», 1981. С. 452.
14. Дюма А. Кавказ. Тбилиси: «Мерани», 1988. С. 103-106.

15. Ефимов В. С какой же Россией прощался М.Ю. Лермонтов <http://nivalent.blogspot.ca/2016/06/blog-post.html>. Дата обращения 02.06. 2017.
16. Жданов В.В. Поэзия в кружке петрашевцев // Сб. Поэты-петрашевцы. Л., 1940.
17. Захаров В.А. Прощание с «немой» Россией: споры о стихотворении М.Ю. Лермонтова и проблемы историографии. М.: изд-во «Русская панорама», 2017. – 142 с.
18. Ключёнов Г. Об одной очень старой мистификации // Литературная Россия. 1994. № 7.
19. Колтунова Е. А. К вопросу о лингвистической экспертизе конфликтных текстов // Учёные записки Волго-Вятского отделения Международной славянской академии, выпуск пятнадцатый. Нижний Новгород, 2004.
20. Колупанова Т. Ю. Лексико-семантические особенности репрезентации концепта Россия в поэзии М. Ю. Лермонтова // «Мир русского слова» № 1. СПб.: Изд-во: «Общество преподавателей русского языка и литературы», 2015. С. 57-61.
21. Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. М., 1988.
22. Краснов П. «Прощай, немая Россия»: Лермонтов этого не писал // Культура, 2014, 3 февраля.
23. Кутырёва А. А. Кто был автором стихотворения «Прощай, немая Россия»? – Лермонтов. Тайны жизни и творчества; под ред. Д. А. Алексеева. М., 2014.
24. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 томах. М.: «Художественная литература», 1993. С. 351-356.
25. Лорер Н. И. Из записок декабриста // Лермонтов М. Ю. в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1989. С. 401.
26. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия: [http:// philo-logos.narod.ru/lotman/russpase.htm](http://philo-logos.narod.ru/lotman/russpase.htm). С. 15.
27. Мануйлов В. А. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. М.-Л. 1964. С. 54.
28. Миллер О. В. Кто прощался с немой Россией, уезжая на Кавказ? // Рус. Литература. М., 2005, № 3. С. 216-20.
29. Морозова Л. И. «Синие горы Кавказа, приветствую вас» // Северный Кавказ в истории России. XIX век. М., 2004. С. 126.
30. Назарьян Р. Г. Символика цифр в восточной сказке М. Лермонтова «Ашик-Кериб» // М. Ю. Лермонтов и его время в мировой науке и культуре. Материалы Международной научной лермонтовской

- конференции 12-14 мая 2016 г. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – С. 179-180
31. Очман А. В. Ещё раз об авторстве стихотворения «Прощай, немытая Россия» // М. Ю. Лермонтов: межкультурный диалог на Евразийском пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения поэта. Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 174-193.
 32. Пигарев К. В. Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия» / Изв. АН СССР, 1955, т. 14, вып. 4. С. 372-73.
 33. Прилепин З. О «немытой России» Лермонтова. Патриотизм не должен быть идиотизмом! publizist.ru/blogs/110093/19138/. [Дата обращения 30.06. 2017].
 34. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ: пер. с англ. М., Изд-во: «Ладомир», 2004.
 35. Розенфельд А. З. Тургенев и Н. В. Ханьков. – Тургенев и его современники. Л., 1977, С. 77-88.
 36. Сапрыгина Н. В. И всё-таки Лермонтов! // Докса. Зб. Наукових праць з філософії та філології. Вип. 10. Стратегії інтерпретації тексту: методи міжліхзастосування. Одесса, ОНУ, 2006. С. 264-272.
 37. Сергиенко Н. А. Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификаторами «чистый/грязный» и «clean/dirty» (по материалам лексикографии). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Екатеринбург – 2006.
 38. Скатов Н. Всеведение поэта // Литературная газета. 2004. № 38-39. С. 8.
 39. Соснина Е. Л. Роль имманентного анализа художественного текста и литературное осмысление драматизма истории имперской России // Русский язык и межкультурная коммуникация, № 1 (15). – Пятигорск: ПГУ, 2017. С. 175-184.
 40. Соснина Е. Л. «Прощай, немытая Россия» – стихи на смерть общественного быта (патриотизм правды и литературное осмысление драматизма истории имперской России). Пятигорск: ПГУ, 2017. – 110 с.
 41. Соснина Е. Л. М. Ю. Лермонтов. Стихи на смерть общественного быта // «Кавказ». Открытый литературно-художественный альманах. Вып. № 21. – Ессентуки: «Творческая мастерская БЛГ», 2017. С. 8-40.
 42. Томашевский Б. В. Писатель и книга. Очерки текстологии / [Вступ. статья Б. М. Эйхенбаума, с. 5-22]. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1959. – 279 с.

43. Трошин А. Общие вопросы анализа литературного произведения. М., 2015. С. 180.
44. Турьян М.А. Комментарии: И.С. Тургенев. Пунин и Бабурин // И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1982. Т. 9. С. 430-446.
45. Шанский И.М. «Прощай, немытая Россия...» М.Ю. Лермонтова // Русский язык в школе. 2001. № 1.
46. Эйхенбаум Б.М. О прозе, о поэзии: Сб. ст. // Б.М. Эйхенбаум; Вступ. ст. Г. Бялого. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1986. – 453 с.
47. Эльзон М. Об авторе стихотворения «Прощай, немытая Россия...» // Звезда. 2004. № 2.

Ещё раз о «немытой» России М. Ю. Лермонтова

В последнее время всё чаще появляются публикации (да и устные выступления), отрицающие факт принадлежности стихотворения «Прощай, немытая Россия» перу М. Ю. Лермонтова¹. Хотя споры по поводу авторства этого стихотворения ведутся давно. Однако сомнений в лермонтовском авторстве не было у маститых лермонтоведов. Все собрания сочинений Лермонтова, до- и послереволюционные и по настоящее время, в т.ч. академические, как и сборники избранных произведений публикуют восьмистишие «Прощай, немытая Россия» как принадлежащее его перу.

И «Лермонтовская энциклопедия» даёт чёткую оценку стихам, без сомнения, кто их автор, и приводит историю появления произведения в печати². Впервые оно было обнаружено в 1873 г. в письме редактора «Русского архива» П. И. Бартенева к библиографу и литературному критику П. К. Ефремову, ставшему серьёзным и последовательным издателем полных (на тот период) собраний сочинений М. Ю. Лермонтова. Бартевев писал: «Вот ещё стихи Лермонтова, списанные с подлинника» и привёл два четверостишия.

Другой список с некоторыми разночтениями тот же Бартевев послал Н. В. Путяте с сообщением, что текст списан с подлинника руки Лермонтова; он был найден в ЦГАЛИ К. В. Пигаревым уже в 1955 г.³ Напечатано стихотворение было П. А. Висковатовым в журнале «Русская старина» только в 1887 г. (№ 12), а в 1890 г. появилось и в «Русском архиве» (№ 11) с примечанием опять же Бартевева: «Записано со слов поэта современником». В своих письмах издатель не писал, что он сам делал список стихотворения; стало быть, кто-то из окружения поэта видел автограф и сделал список, а кто-то слышал чтение Лермонтовым своего стихотворения и записал его со слов. К сожалению, мы не знаем, кто эти современники поэта. Но почему нельзя верить Бартевеву, который трижды сообщил на бумаге, что «Прощай, немытая Россия» – стихи Лермонтова? Верят же

¹ Ключёнов Г. Об одной очень старой мистификации // Лит. Россия. 1994, 18 февр., № 7. С. 12; Очман А. В. «Прощай, немытая Россия»: Лермонтов или... // Кавказ. здравница. 1996.

² Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1984. С. 452.

³ Пигарёв К. В. Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия» / Изв. АН СССР, 1955, т. 14, вып. 4. С. 372-73.

литературоведы свидетельствам разных лиц в аналогичных случаях, тогда как П. И. Баргенов – уважаемая в издательском мире личность, создатель «Русского архива», первый пушкиновед.

Полагаю, что первый биограф Лермонтова П. А. Висковатов логично предположил написание поэтом рассматриваемого стихотворения перед последним отъездом из Петербурга на Кавказ. Советская идеология придавала стихотворению политическую направленность против режима в Николаевской России. Но разве не мог далёкий от политики поэт быть уязвлённым категорическим требованием властей 11 апреля 1841 года покинуть столицу и через 24 часа отправиться для дальнейшего несения наказания на Кавказ? И стихи – это экспромт в духе эпиграммы с её лаконичностью, простотой и подтекстом, выражающим в целом безысходность русской действительности и чувство обречённости. Огромный коллектив учёных Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) согласился с Висковатовым¹ и отразил дату их написания – апрель 1841 года – в «Лермонтовской энциклопедии».

Этой же точки зрения придерживается исследовательница и писательница М. Ф. Николева в книге о Лермонтове: «*Стихотворение «Прощай, немая Россия» было ответом на приказ Лермонтову покинуть Петербург весной 1841 года*»². В этих стихах, считает она, перед читателем предстаёт угнетённая Россия, и приводит слова В. Г. Короленко о них из его дневника 1890 г.: «Ярко и сильно. Лермонтов умел чувствовать, как свободный человек, умел и изображать эти чувства»³.

В защиту авторства Лермонтова имеется немало опубликованных материалов. Среди них статья поэтессы и писательницы Ларисы Васильевой, вышедшая в 1989 г. под названием «Ясновидец». В ней стихотворению «Прощай, немая Россия» уделено особое внимание. Автор пишет: «...любовь к отечеству... не из одних сладких речей состоит... Поклонимся тем строкам Лермонтова за пронзительность и актуальность»⁴.

В 2004 г. в печати появилась переведенная с английского языка любопытная статья американского слависта, специалиста в области психоанализа Даниэля Ранкура-Лаферьера «Прощание Лермонтова с «немой» Россией: исследование нарциссического гнева»⁵. Её автор

¹ Мануйлов В. А., Назарова Л. Н. Лермонтов в Петербурге - Л. «Лениздат», 1989. С. 204.

² Николева М. Ф. Михаил Юрьевич Лермонтов, Жизнь и творчество. – М. 1956. С. 244-45.

³ Короленко В. Г. О Лермонтове // Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма. М., Сов. Россия, 1988. С. 331.

⁴ Васильева Лариса. Ясновидец // Лит газета, № 41, 1989, 11 октября. С. 3.

⁵ Ранкур -Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ: пер. с англ. – М., Изд-во: «Ладомир», 2004. С. 243-255.

нисколько не сомневается в авторстве Лермонтова, анализирует текст стихотворения сквозь призму психоанализа. И делает следующее объяснение смысла стихов: *«Конечно, Лермонтов отнюдь не в восторге от России... И тем не менее в лермонтовском «прощай» звучит некая почтительная нотка ... поэт уезжает с этнической родины не добровольно, а был вышвырнут из страны..., и читатель чувствует, сколь должен быть привязан к России Лермонтов, чтобы бросить ей в лицо такое оскорбление» ... Именно, с точки зрения психоаналитика, еле сдерживаемый гнев поэта «...не мог быть беспричинным. Он должен был являться следствием нанесённой раньше обиды. Так сильно уязвить способно лишь любимое существо. Михаил Юрьевич горячо переживал за Россию, иначе она не сумела бы его обидеть. Вот он и бичует её с разящей отточенностью в стихотворении, которое больше похоже на эпиграмму ...». «Чем же Россия обидела Лермонтова? – вопрошает автор статьи. – Ответ на этот вопрос даёт сам текст стихотворения. Нет нужды напоминать о ссылке поэта на Кавказ...».*

Из приведенных фрагментов данной статьи абсолютно ясно, что специалист из США заключает, насколько лермонтовское стихотворение пронизано одновременно и гневом опального офицера, и болью за Россию. Другой крупный учёный-славист из США, почётный член Лермонтовского общества доктор филологии Антония Глассэ разделяет этот взгляд, как и ряд других исследователей творчества Лермонтова.

Совершенно не понятно, какова причина нового всплеска негативного отношения к авторству Лермонтова исследуемого в настоящей статье стихотворения. Мнения, что это не Лермонтов, придерживаются довольно известные и серьёзные специалисты в разных областях, к примеру: журналист и литературный критик В. Бушин¹; поэт и писатель из Казахстана В. Ф. Михайлов² и др. В Интернете на разных сайтах можно найти целый ряд фамилий, в числе которых академики, преподаватели вузов. Есть даже среди «отрицателей» и те, кому известно, чьё это стихотворение, хотя и в помине нет какого-то автографа. Например, писатель Сергей Сокуров уверен, что это Д. Минаев, и назвал «Прощай, немытая Россия» «скандальным стихотворением». К его мнению присоединился и Александр Смирнов³. Особенно усердствуют в присоединении своих голосов к мнению вышеперечисленных авторов журналисты. Так, один из них В. Хатюшин считает «спорное» стихотворение «жи-

¹ Бушин В. Курьёз с шедевром // М.: Слово, 1989, № 10. С. 45-48.

² Михайлов В. Ф. Не мог он назвать Россию «немытой» / Интервью с писателем: И. Чернышова // Лит. газета, № 40. 2014, 15-21 окт. С. 4.

³ Мальшев В. Другой Лермонтов // Интернет-газета 02.04.2014. stoletie.ru/kultura/drugoilermontov.

вучей фальшивкой»¹, а его коллега договорился до абсурда: «Если кто в начальной школе учил стихотворение «Прощай, немытая Россия», забудьте о нём. Это не Лермонтов, а идеологическая диверсия Запада»². Вот так! А Павел Краснов озаглавил свою статью ««Прощай, немытая Россия»: Лермонтов этого не писал»³.

Грустно, что к сторонникам отказа Лермонтову в авторстве этих восьми строк присоединились создатели нового издания к 200-летию поэта – лермонтовского «Энциклопедического словаря». В статье, посвящённой стихотворению, её автор современный лермонтовед профессор И. П. Щерблякин предлагает «исключить это стихотворение из основного корпуса публикаций поэта – отнести сомнительные строчки в разряд приписываемых автору произведений»⁴. Для обоснования данной позиции им сформулированы следующие доводы:

- 1) нет автографа (подлинника) Лермонтова;
- 2) разночтения в нескольких вариантах;
- 3) не мог Лермонтов назвать Россию «немытой», нет в его наследии такого понятия;
- 4) присутствует неправильная грамматическая конструкция в стихах, несвойственная лермонтовскому стилю.

На основании исследования объективности изложенных аргументов нами предлагаются как результат контраргументы в соответствии с тем же порядком перечисления.

1. Отсутствие подлинника – весьма слабый довод, т.к. считается, что около 100 произведений поэта не имеют автографов, и авторство устанавливалось по дополнительным источникам, в числе которых были воспоминания и переписка. Почему же тогда сведения от авторитетного в литературных кругах П. И. Бартенева, повторенные неоднократно, исключают доверие?

2. Да, в более ранних публикациях стихов имеются разночтения. Анализ их сделал И. Л. Андроников в примечаниях к изданию собрания сочинений М. Ю. Лермонтова в 1975 г. Он считал, что содержание стихов «Прощай, немытая Россия» не позволило им появиться в течение около полувека. За это время оно приобрело 4 редакции. Разночтения появились и по этой причине, и оттого, что современник поэта, услышав стихи из его уст, мог забытое слово заменить другим, близким по зна-

¹ Хатюшин В. Живая фальшивка. // Своими именами, № 3, 2011, 18 января. С. 2.

² Кондрашов А. Про Россию с любовью // Лит. газета № 47, 2013, 27 ноября – 3 декабря. С. 10.

³ Краснов П. «Прощай, немытая Россия»: Лермонтов этого не писал // Культура. 2014, 3 февраля.

⁴ М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. – М.: «Индрик», 2014. С. 403.

чению¹. Недавно ушедший от нас член Лермонтовского общества поэт, писатель и исследователь Лермонтова Г. А. Готовцев также полагал, что вполне возможно, что сам поэт мог изменить какие-то строки (он это делал в разных редакциях), если списки были только с автографов, но и с его слов.

Андроников, кроме того, думал, что во избежание осложнений с цензурой в текст вмешивались и сами издатели, отсюда вариант: народ – послушный или преданный, или покорный; вождей или царей, или пашей; за хребтом Кавказа или за стеной Кавказа. Однако все эти изменения не нарушают смысл стихотворения – он предельно ясен. И можно согласиться с решением целого круга лермонтоведов, обсудивших, какой вариант из всех разночтений принять для публикации в качестве единого образца. Остановились на тексте, приведённом Бартеневым в «Русском архиве», который стал эталоном для последующих изданий, а именно: «пашей» (для рифмы – «ушей»), т. к. «мундиры голубые», в которые были одеты жандармы – это не вожди и не цари. От их слезки хотел укрыться поэт, но не был в этом уверен – «быть может ...».

Кстати, этот оборот в начале строки используется поэтом неоднократно в стихах. Например:

*... Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлёт...*
(Т. 2, С. 97)

*...Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их Пророка
Невольно сблизили...*
(Т. 1, С. 90)

*...Быть может, мыслию небесной
И силой духа убеждён,
Я дал бы миру дар небесной ...*
(Т. 1, С. 411)²

¹ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4-х томах / Вступ. статья и примечания И. А. Андроникова. М.: «Худ. литература», 1975. С. 547-49.

² Фрагменты из стихов здесь и ниже даны по изданию: «Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений в 10 тт.». – М.: «Воскресенье», 2000-2001.

3. Что касается «немытой» России, то при внимательнейшем прочтении лермонтовских произведений были найдены очень важные и нужные строки, опровергающие утверждение, что поэт не мог употреблять такой уничижительной характеристики для России, т.к. любил её «странной любовью». В стихотворении «Журналист, Читатель и Писатель» (1840 г.) есть рассуждения Писателя о поэзии и поэте. Поэт живёт в мечтах о светлом будущем:

...Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним ОЧИЩЕН и ОБМЫТ.
(Т. 2, С. 79)
(выделено автором – Е.Ф.)

Однако мечты поэта «...осмеёт, забудет свет». Следовательно, во времена Лермонтова мир не очищен и не обмыт, т.е. немытый. Где здесь аналогия с понятием – грязный? Имеется в виду, естественно, цивилизованность, развитость, культура, высокая мораль, чего нет в России, оттого и она – «немытая».

Ещё более хлесткая и жесткая характеристика России у совсем юного Лермонтова в стихотворении «Прекрасны вы, поля земли родной» (1831 г.):

Но этот снег летучий, серебристый
И для страны ПОРОЧНОЙ – слишком ЧИСТЫЙ
Не веселит мне сердце никогда...
(Т.1, С. 360)

При всей искренней любви к Родине юноша-поэт очень рано познал её пороки, задумывался об этом и страдал, а в зрелом возрасте нашёл обобщение этому состоянию России (да и мира в целом) – «немытая». А устами Читателя в упомянутом выше стихотворении также звучит нелестная характеристика России:

Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретёт язык простой
И страсти голос благородный?
(Т. 2, С. 77)

Лермонтов убеждён, что народу надо говорить правду, какой бы она ни была, не прикрываясь ложью. И это тот настоящий Лермонтов, который именно любил свою Отчизну, душевно страдал из-за её пороков: отсталости, недостаточной культуры, бесправия, бедности. Поэт обращается «Прощай ...» не к самой Родине (с одноимённым стихотворением которого пытаются сопоставить противники авторства анализируемого произведения поэта), а к властям, допустившим состояние бесправия её народа. Никакой «русофобии» здесь нет, в русской литературе, начиная с Радищева, много примеров критики существующего общественного устройства. Следует целиком согласиться с точкой зрения Л. Васильевой, американского психоаналитика, а также других авторов, что стихотворение «Прощай, немая Россия» пронизано той самой болью и любовью «горькой и страдающей» за свою страну. Отсюда и строки – «страна рабов, страна господ». Можно вспомнить, что у поэта немало изречений в произведениях со словом «раб» и производных от него:

*...пятою рабскою поправшие обломки...*¹
(«Смерть поэта», 1837 г.)

...пред властлю – презренные рабы
(«Дума», 1838 г.)

... там стонет человек от рабства и цепей
(«Жалобы турка», 1829 г.) и др.

По воспоминаниям славянофила Ю. Ф. Самарина, Лермонтов о состоянии современной ему России высказался так: «Хуже всего не то, что некоторые терпеливо страдают, а то, что огромное большинство страдает, не осознавая этого»². Эту мысль и содержат строки «страна рабов», а потому её народ – послушный, преданный, покорный... Не важно, какая редакция была в лермонтовском автографе, суть в том, что народ пребывает фактически в рабстве. А сколько аналогичных мыслей в других сочинениях: «Вадиме», драмах, поэмах...

4. Наконец, последний довод о несогласованности стилистической конструкции в стихах, как-то: «всевидающего глаза» (ед. число), «всеслышащих ушей» (мн. число). Этот художественный приём для стройности ритма и рифмы у Лермонтова встречается и в других сочинениях. На-

¹ Кстати, в данном случае эпитет «рабский» употреблён именно применительно к представителям «страны господ» – Прим. редактора.

² М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М., 1964. С. 304.

пример, в стихотворении «Я не хочу, чтоб свет узнал ...» (1837 г.) поэт использует образ гранитного утёса, неподвластного светскому мнению:

*Пускай шумит волна морей
Утёс гранитный не повалит...*

*И кроме бури и громов
Он никому не вверит думы...*
(Т. 1, С. 36).

В этих примерах аналогично не согласованы между собой слова с единственным и множественным числами, от этого текст стихотворения не теряет своей выразительности и образности.

Итак, в результате проведенного исследования можно заключить, что нет неопровержимых доказательств в том, что стихи «Прощай, немытая Россия» не принадлежат перу М. Ю. Лермонтова. И надо ли было так торопиться отразить сомнение в этом в новом издании «М. Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь»? Вот их современная редакция:

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

*Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышающих ушей.*

Литература:

1. Ключёнов Г. Об одной очень старой мистификации // Лит. Россия. 1994, 18 февр., № 7. С. 12.
2. Очман А. В. «Прощай, немытая Россия»: Лермонтов или...// Кавказ. здравница. 1996.
3. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1984. С. 452.
4. Пигарёв К. В. Новый список стихотворения Лермонтова «Прощай, немытая Россия» / Изв. АН СССР, 1955, т. 14, вып. 4. С. 372-73.
5. Мануйлов В. А., Назарова Л. Н. Лермонтов в Петербурге – Л. «Ле-

- низдат», 1989. С. 204.
6. Николева М.Ф. Михаил Юрьевич Лермонтов, Жизнь и творчество. – М.1956. С. 244-45.
 7. Короленко В.Г. О Лермонтове // Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. М., Сов. Россия, 1988. С. 331.
 8. Васильева Лариса. Ясновидец // Лит газета, № 41,1989, 11 октября. С. 3.
 9. Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ: пер. с англ. – М., Изд-во: «Ладомир», 2004. С. 243-55.
 10. Бушин В. Курьёз с шедевром //М.: Слово, 1989, № 10. С. 45-48.
 11. Миллер О.В. Кто прощался с немьтой Россией, уезжая на Кавказ? // Рус. литература, М., 2005, № 3. С. 216-20.
 12. Михайлов В.Ф. Не мог он назвать Россию «немьтой» / Интервью с писателем: И. Чернышова //Лит. газета, № 40. 2014, 15-21окт. С. 4.
 13. Мальшев В. Другой Лермонтов // Интернет-газета 02.04.2014. [stoletie.ru>kultura\drugoilermontov](http://stoletie.ru/kultura/drugoilermontov).
 14. Хатюшин В. Живая фальшивка. // Своими именами, № 3, 2011, 18 января. С. 2.
 15. Кондрашов А. Про Россию с любовью // Лит. газета № 47, 2013, 27 ноября – 3 декабря. С. 10.
 16. Краснов П. «Прощай, немьтая Россия»: Лермонтов этого не писал // Культура. 2014, 3 февраля.
 17. М.Ю. Лермонтов.Энциклопедический словарь. – М.: «Индрик», 2014. С. 403.
 18. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах / Вступ. статья и примечания И. А. Андроникова. М.: «Худ.литература»,1975. С. 547-49.
 19. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М., 1964.С.304.

**Стихотворение «Прощай, немытая Россия...»
в контексте политической и гражданской лирики
М. Ю. Лермонтова: к проблеме авторства стихотворения¹**

Разногласия о принадлежности М. Ю. Лермонтову стихотворения «Прощай, немытая Россия...» начались с момента первых публикаций найденных списков, затрагивая также вопрос издания текста в академических собраниях сочинений поэта. Аргументация отказа Лермонтову в авторстве, в первую очередь, была связана с отсутствием автографа и непрояснённой историей происхождения трёх списков стихотворения, содержащих некоторые лексические разночтения, а также отсутствием диалога современников поэта с этим текстом.

Продолжившиеся в наше время дискуссии об авторстве касаются в большей мере самого произведения, его проблематики и формы. Так, например, авторитетный литературовед, завершая юбилейную статью о Лермонтове, отмечает, что «дело даже не в отсутствии оригинала, главное – это противоречит всей системе взглядов Лермонтова, всё более укреплявшегося в своем русофильстве, которого даже называли русоманом и который писал: (вот здесь-то автограф в альбоме Вл. Ф. Одоевского как раз сохранился): «У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем...». Участвующие в дискуссии литературоведы, публицисты, любители поэзии Лермонтова отмечают невозможность признать за данным стихотворением авторство поэта, создателя «Родины», с её глубоким патриотическим содержанием. В художественном строе текста находят «кривоватость», слога, убогие сравнения. Высказываются сомнения и в профессионализме П. И. Бартенева и П. А. Висковатова, сделавших его первые публикации. На основе давно отмеченной исследователями переключки первой строки «Прощай, немытая Россия» с началом пушкинского послания «К морю» («Прощай, свободная стихия...») возникла версия полного пародирования слога стихотворения другим поэтом². В спорах об авторстве Лермонтова присутствует и идеологическая составляющая. Первая строчка стихотворения используется для негативной оценки

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 15-04-00498

² Подробный обзор высказанных мнений представлен в статье О. В. Миллер «Кто прошался с немойтой Россией, уезжая на Кавказ?» // Русская литература, № 3, 2005. С. 216-220.

России в ее прошлом и настоящем, ценная тем, что она высказана великим русским поэтом.

В размышлениях о существующей проблеме авторства мы вернёмся ко времени, когда обсуждался вопрос о публикации стихотворения в академических изданиях советского времени и известными филологами были проведены текстологические исследования и первые атрибуции списков. Обзор результатов и свои текстологические наблюдения высказал академик В. В. Виноградов. Не сомневаясь в авторстве Лермонтова, он писал о текстологических проблемах, связанных с наличием трёх списков стихотворения, о вариантах и заменах в них (царей – пашей, преданный – покорный, укроюсь – сокроюсь), призывая аргументированно относиться к выбору основного варианта с учетом стиля автора и речевых форм и словоупотреблений эпохи. Завершая пояснения различий, В. В. Виноградов пишет, что «...исторические (в том числе и документальные, библиографические, историко-биографические или историко-филологические) приёмы и принципы атрибуции могут быть разной степени точности, доказательности и убедительности. Значение этих методов атрибуции представляется особенно значительным в тех случаях, когда их применение сопровождается освящением или разрешением важных вопросов словесно-художественного творчества отдельного писателя или целого литературного направления»¹.

Таким образом, для реконструкции или атрибуции авторского текста В. В. Виноградов призывал к глубокому изучению всей стилистической системы автора.

Помня об этой рекомендации, попробуем рассмотреть контекстуальные связи стихотворения «Прощай, немытая Россия». Т. Г. Динесман пишет, что от этого произведения тянутся скрытые нити к «Родине», к «Пророку», «Завещанию», «Выхожу один я на дорогу», к роману «Герой нашего времени»². Продолжая эту работу, мы обратимся к лирике Лермонтова, которая по своему стилю и художественному строю в целом также может быть соотнесена со стихотворением «Прощай, немытая Россия». Гневный тон и обличающий пафос сближает его с так называемой *политической лирикой* (курсив здесь и далее мой – Л.Х.). Из ранних текстов этим признакам отвечает «Предсказанье» (1830), содержащее хоть и достаточно глухой, но очевидный отклик на события пугачевского восстания. В 1835 году Лермонтов пишет одическое стихотворение

¹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. – М.: ГИХЛ, 1961. С. 119.

² Динесман Т. Г. «Прощай, немытая Россия» // Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 452.

«Опять народные витии...», в котором признаки политической лирики очевидны. Это протестный отклик поэта на польские события низложения третьим сеймом верховной власти Николая I, выступление в Брюсселе И. Лелевеля, идеолога демократического крыла польской оппозиции, на серию оскорбительных для России публикаций во французской прессе. В 1837 году написана «Смерть поэта». Фактически всё стихотворение, а, в особенности добавленные последние 16 строк являются блестящим образцом политической лирики. В 1841 году по поводу торжественного перенесения в Париж праха Наполеона написано «Последнее новоселье», сочетающее в себе черты философско-исторической медитации, политической инвективы и ораторской оды с её специфической фразеологией, синтаксисом и ритмико-интонационным строем¹.

Все названные произведения созданы как непосредственный отклик на события русской и европейской политической жизни. Лирический герой черпает свой пафос в ярких современных явлениях общественной жизни. Звучат или узнаются имена, события, только что совершившиеся и даже еще не завершённые, которые будоражат сознание, взрывают общественное мнение.

В субъектной структуре этих стихотворений важнейшей формой выступает инвектива, прямая атака, которая используется у Лермонтова для полемического обличения. У «народных витий» «грязные руки», они «мелкие безумцы», их призывы «бешены». Особенно резко прямое обличение звучит в «Смерти поэта»:

*А вы, надменные потомки,
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!* [I, С. 373]².

В «Последнем новоселье» народ Парижа – «вздорная толпа», «жалкий и пустой народ», «с насмешкой глупою ребяческих сомнений» растоптавший все великое.

Слово поэта в этой лирике имеет статус публично произнесенного. Лирический герой здесь оратор, поэтом его монолог построен по законам

¹ Аринштейн Л. М. «Опять народные витии» // Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 436.

² Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах/ М. Ю. Лермонтов / Отв. ред. В. А. Мануйлов. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979-1981. Все цитаты приведены по этому изданию и указаны в тексте римской цифрой том, арабской страница.

красноречия, с использованием характерных приемов декламационного стиля. Аудиторией становится всё общество, и одновременно инвектива предельно конкретизирована, объект сатиры назван в непосредственном обращении к нему. Строфическое построение с усеченными последними или первыми стопами, особый поэтический синтаксис с риторическими вопросами, рублеными предложениями придают чеканность, подчеркивая однозначность, твердость краткой оценки. Лирический герой не размышляет, не осуждает, а публично выносит приговор. Развитие мотива суда в «Смерти поэта» от эпитафии до последних строф ярко и выразительно завешается угрозой Божьего суда с его неотвратимостью и высшей правдой. Б. М. Эйхенбаум, отмечая общее движение русской лирики 1830-х гг. к «отягощению мыслью», отмечает развитие в стиле лирики Лермонтова «стиховых формул», придающим стихотворению «особый смысловой вес и рельефно выступающих на фоне остальных строк»¹, связывая этот приём с тяготением к ораторскому стилю. В композиции этих лирических текстов большинство исследователей отмечают явно ощутимые традиции оды с её декламационностью, четкостью композиции, особым финалом, в котором заявлена нравственная, религиозная, философско-историческая нормативная оценка.

С собственно *политической лирикой* смыкается гражданская поэзия Лермонтова, в которой общественная жизнь, образ современного поколения раскрыты во внутреннем монологе лирического героя, без обращений к обществу впрямую, без громких риторических вопросов, а в форме глубоких аналитических размышлений, развёрнутых характеристик. Из ранних стихотворений к ним принадлежат «Жалобы турка», где формируется поэтика лермонтовской «социальной элегии». В творчестве 1837–41 гг. этот тип лирического монолога представлен в «Думе», «И скучно и грустно...», «Как часто пёстрою толпою окружен...», эта форма присутствует и в стихотворном диалоге «Журналист, писатель и читатель», «Родина». В этих текстах развивается оппозиция современного строя общественной жизни и мирообраза родины, отчизны, с которым связаны дом, историческое и родовое прошлое, героика и ценность которых в современном мире утрачена. Прямая инвектива в этих стихотворениях практически исчезает. В этой лирике соединяются стилевые начала, которые до Лермонтова были разделены и никогда не существовали в одном поэтическом произведении – одический, «железный» стих и элегические мотивы. Характеризуя эту особенность поэзии Лермонтова, Б. М. Эйхенбаум отмечает «рядом с вещами напев-

¹ Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет / Б. М. Эйхенбаум. – М.: Советский писатель, 1987. С. 172.

ного стиля, где доминантой служит лирическая интонация или стиховая мелодика, мы находим яркие образцы риторического стиля, где господствует ораторская интонация и где движение речи определяется декламационными контрастами¹.

Обращаясь в отмеченном контексте к художественной структуре стихотворения «Прощай, немытая Россия» попробуем определить в его художественной форме типологические черты, которые органично присутствуют в лирике Лермонтова.

Оппозиция, придающая внутреннюю динамику всему тексту, заявлена как движение из России на Кавказ. Какие традиционные для поэта мотивы ее наполняют? Используя метод так называемого *медленного* чтения, обращаемся к первому слову – «Прощай». Оно актуализирует семантику устремления во вне, мотив расставания, конечно, корреспондируясь с традиционными романтическими мотивами бегства, скитания, характерными для лирики Лермонтова. В следующих стихах первой строфы мотивировка движения приобретает социально-политическое содержание. Это добровольное изгнание, добровольное прощание с Россией, её рабством, жандармским режимом. В этом малом контексте строфы первый стих «Прощай, немытая Россия!» из переживания конкретного, с оттенком элегизма события расставания лирического героя превращается в инвективу, содержащую резкую прямую нападку-оценку. Сравним: «ты жалкий и пустой народ!», «и как рабы вы предали его!» («Последнее новоселье!»).

Вокруг образа «немытой России» возникло множество суждений, вплоть до упоминания о чистоте как ментальной черте русского народа с подробными ссылками на традиции, упоминания бань и мовниц в древнейших источниках. Более убедительными выглядят толкования, связанные с высказываниями П. А. Вяземского, А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, в которых с горечью говорится о рабском сознании народа, о его долготерпении, вечной нищете. Приводятся также известные оценки маркиза де Кюстина о николаевской России, несомненно, корреспондирующие с этой резкой характеристикой².

Но вернемся к лермонтовскому окружению накануне второй ссылки на Кавказ. Размышления и суждения об историческом пути России, о ее избранничестве, о самобытности ее исторической судьбы звучат и в русском обществе по поводу уваровской доктрины 1832 года, противостоящей французской триаде, становясь характерной чертой русской

¹ Там же, С. 225.

² Миллер О. В. «Кто прощался с немытой Россией, уезжая на Кавказ?» // Русская литература, № 3, 2005. С. 217-218.

общественной мысли 1830-х начала 1840-х гг.: спор А. С. Пушкина и П. Я. Чаадаева, первые славянофильские диалоги, критика русской политики в европейской прессе и ответы на нее, о которой мы говорили выше, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. В связи с этим можно предположить, что это выражение вбирает весь комплекс идей, концепций, оценок, являясь своего рода «чужим словом», которое осмысливает лирический герой. Немытая, следовательно, отсталая, нецивилизованная. Самодержавие в полноте его власти для европейского и европеизированного сознания становится главным знаком такой отсталости. Второй, третий и четвертый стихи первой строфы – признание этой правды, как бы ни горька она была: рабы и господа, режим и покорность.

Отдельно остановимся во второй строфе на слове «преданный». Можно согласиться мнением о том, что слово «преданный», замененное на «покорный», «послушный» меняет акценты, усиливая семантику зависимости. Но необходимо отметить, что у этих слов есть своя история в лермонтовском словоупотреблении. Мы рассмотрим его только в указанном контексте. Лексема появляется в зачеркнутой части строфы из стихотворения «Опять народные витии»: (Первая публикация 1856 года в журнале «Библиографические записки» сделана без строфы, содержащей это слово)

*Безумцы мелкие, вы правы,
Мы чужды ложного стыда ...
Далее следовало в автографе:
Так нераздельно в деле славы
Народ и царь его всегда.
Веленьям власти благотворно
Мы повинемся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять упорно
За честь его как за свою [I, С. 588]*

Покорность как повиновение в этом черновом варианте соединена с верностью и верой в царя, что отражает ментальные основы отношений русского народа к царю.

Этот текст в автографе зачеркнут. Трудно сказать, кто его зачеркнул. Возможно, сам Лермонтов, поскольку стихотворение не было напечатано, и это могла быть дальнейшая авторская правка. Возможно, редакторы посчитали несовместимыми эти строки с последующей поэ-

зией и судьбой Лермонтова.

Но при этом проведенная правка не уничтожила семантику *покорности* народа своему царю, в данном тексте синонимичную слову *преданность*, поскольку с ними остаются соединены высокие чувства единства нации.

*Давно привыклише венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Все, что высоко благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит* [I, С. 360]

Смысловое наполнения слов *послушный*, *преданный*, *покорный*, которые вариативны в списках стихотворения «Прощай, немытая Россия...», отразило смену оценок. В оценке преданности народа звучит горькая ирония, потому что преданность царю как доверие сменила иная оценка: «страна рабов и страна господ», народ, преданный «голубым мундирам». Слово *преданный* обретает семантику подчинения, передачи, и все замены только усиливают эту семантику.

Мы отметили в гражданской лирике поэта ведущую смысловую оппозицию – миробраз родины и современный строй жизни. Стихотворения «Прощай, немытая Россия» и «Родина» являются одним из ярких ее воплощений. В лермонтоведении отмечается, что контрастируя и дополняя друг друга, оба стихотворения раскрывают «странную любовь» поэта к родине, в которой заявлен новый для русской литературы характер патриотизма, его основой становится разрыв со строем современной жизни России¹.

Несколько слов необходимо сказать о лирическом хронотопе стихотворения «Прощай, немытая Россия». Его пространственную составляющую образуют два топоса – Россия, с которой лирический герой прощается, и Кавказ, обретающий черты защитительного пространства. В.В. Виноградов подчеркивал органичность лермонтовскому тексту слова *сокроюсь*: «...очевидно, сокроюсь более гармонирует с лирически возвышенным стилем стихотворения, в котором горит ярким блеском

¹ Динесман Т.Г. «Прощай, немытая Россия» // Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 452.

лишь один разговорный эпитет – немытая Россия»¹. Сократься значит удалиться. Попробуем развить эту семантику в общем контексте лермонтовской поэзии.

«Стена Кавказа», своего рода граница этих пространств, знак удаления. В толкованиях этого образа встречаются прямые отсылки к топологическим характеристикам горной страны, в которой горы встают как стены. Есть и иронические замечания о несоответствии восприятия Кавказа как защитительного пространства по отношению к реальной биографии поэта. Стихотворение написано перед второй ссылкой, где будет оставаться негласный надзор. Но художественный текст не есть иллюстрация реальной биографии поэта. Поэт формирует ее сам, выбирая то, что для него духовно близко, выражая это своим ему присущим языком.

Сократься, удалиться из ставшего чуждым ему мира, и одновременно, остаться одному – прощай, Россия. В таком соединении начала первой и второй строф возникает отсылка к характерному для творчества Лермонтова мотиву бездомья, скитальчества, одиночества. В лирике 1840-41 гг. он появляется в стихотворениях «Тучи», «Листок», получая завершение в элегии «Выхожу один я на дорогу». Гражданский пафос с прямой инвективой в первой строфе оказывается соединён во второй строфе с характерным для Лермонтова внутренним размышлением («быть может, за стеной Кавказа...»), мелькнувший элегизм («Прощай...») поддержан во второй строфе надеждой и сомненьем. В целом субъектная структура отражает смену инвективы внутренним монологом.

Столь же органичен для лермонтовской поэзии образ «стены Кавказа». Образ Кавказа с семантикой защиты появляется с отчетливой коннотацией этого восприятия горной страны уже в раннем творчестве, получая развитие в стихотворении «Спеша на Север издалека», написанном в 1837 году после возвращения из первой ссылки, а затем перерастает в мифопоэтический образ «серебряного Кавказа», как могучего великана, в последней строфе мемориальной элегии «Памяти А. И. О<доевского> 1839, воплощая в единстве с природой защитительный покой и вечность:

Любил ты моря шум, молчанье синей степи –

б

И мрачных гор зубчатые хребты...

И, вокруг твоей могилы неизвестной,

Все, чем при жизни радовался ты,

¹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей/ В. В. Виноградов. – М.: ГИХЛ, 1961. С. 112.

*Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряный Кавказ её объемлет;
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Чёрное шумит не умолкая [I, С. 421]*

Рассматривая стихотворение «Прощай, немытая Россия...» в контексте политической, гражданской и психологической лирики поэта, мы стремились показать связь этого авторского текста с теми стилевыми и жанровыми формами, с поэтической лексикой и символами, которые являются поэтическим языком Лермонтова, его кодовыми знаками.

В качестве заключения вспомним, что герой последнего романа Печорин, выйдя в отставку, не хочет возвращаться в Россию? «Еду в Персию – и дальше... Право, мне нечего рассказывать... Однако прощайте, мне пора ...я спешу. Благодарю, что не забыли, сказал он, взяв его за руку... Так вы в Персию? ... а когда вернётесь? кричал вслед Максим Максимыч... Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! Да и за чем?» [IV, С. 222].

Напряжённая интеллектуальная внутренняя жизнь, постоянная рефлексия делают героя бездомным, одиноким, оторвавшимся от всего, что могло бы стать родным. Как справедливо отметил исследователь, «ни с одним из пространств идентифицировать себя он [Печорин – Л.Х.] не может, погружаясь в состояние вечной скуки как предвестия инобытия»¹. При несомненной близости к этой позиции лирического героя лирики Лермонтова 1837-41 гг. необходимо отметить и другое. Россия, мир Востока, Кавказ становятся в ней предметом все более глубоких размышлений, представленных в стихотворениях «Я к вам пишу случайно, право», «Прощай, немытая Россия», «Родина», «Спор», «Пророк». В их художественной форме отразились философско-исторические идеи Лермонтова, рождавшиеся в глубоких раздумьях над современным строем жизни.

Литература:

1. Аринштейн Л. М. «Опять народные витии» // Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981.

¹ Кривонос В. Ш. Метафизика пространства в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения –2014: сб. статей. – СПб.: Лики России, 2015. С. 171.

2. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов. – М.: ГИХЛ, 1961.
3. Динесман Т. Г. «Прощай, немытая Россия» // Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981.
4. Кривонос В. Ш. Метафизика пространства в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтова // Лермонтовские чтения – 2014: сб. статей. – СПб.: Лики России, 2015.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырёх томах / М. Ю. Лермонтов / Отв. ред. В. А. Мануйлов. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979-1981.
6. Миллер О. В. «Кто прощался с немытой Россией, уезжая на Кавказ?» // Русская литература, № 3, 2005. С. 216-220.
7. Эйхенбаум Б. М. О литературе. Работы разных лет / Б. М. Эйхенбаум. – М.: Советский писатель, 1987.

Лирическая ситуация прощания в лирике М. Ю. Лермонтова¹

Вопрос об авторстве стихотворения «Прощай, немая Россия...» можно прояснить, рассмотрев, как в нем реализуется лирическая ситуация прощания, и сопоставив с тем, как Лермонтов выстраивает ее в других произведениях: кто (или что) становится его адресатом, какие эмоции сопровождают прощание, как говорит он свое прощальное слово.

Это известный прием, который используют текстологи при атрибуции произведений, автор которых либо неизвестен, либо сомнителен. В отношении творчества Лермонтова этот прием особенно действенен, так как поэт принадлежит к такому типу художников, которые долго и разносторонне осваивают тот или иной образ, троп, строчку, сюжет. Однажды найденные метафора, сравнение появляются в его произведениях в разных контекстах, разных воплощениях, пока не воплотятся в совершенный развернутый образ-символ. Этим обусловлены частые самоцитирования у Лермонтова, возвращение к ранее написанным произведениям, когда не просто отдельные словесные обороты, фразы, а целые строфы, фрагменты включаются в новый текст, помещаются в новые сюжетные ситуации, тем самым обнаруживая новые смыслы. Ряд таких примеров огромен, но мы обратимся к одному – образу кинжала. Сначала у Лермонтова появляется стихотворение с этим названием, а затем этот самый образ используется в стихотворении «Поэт» и получает совершенно иное смысловое наполнение – он служит для выражения представлений Лермонтова о смысле и назначении поэзии, о сущности поэтического слова. В первом случае кинжал как раз связан с ситуацией расставания, а сам лирический монолог вырастает из воспоминания о прощании с возлюбленной.

Кинжал – это «знак памяти», «залог любви немой». Контекст ситуации воспоминания о прощании с возлюбленной открывает в этом образе-символе парадоксальные смыслы: то, что несло смерть и создавалось с вполне определенной целью – стать смертоносным оружием («Задумчивый грузин на месть тебя ковал, // На грозный бой точил черкес свободный»), теперь, преподнесенное любящей рукой, приобретает прямо противоположную функцию – оберега, защиты. Заметим, что и сам предмет косвенно проясняет образ возлюбленной – цельной, страстной,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта № 15-04-00498 «Концептуальные основы современного лермонтоведения»

не выплескивающей свои чувства вовне; даритель оказывается отражением своего дара: «И черные глаза, остановясь на мне, // Исполнены таинственной печали, // Как сталь твоя при трепетном огне, // То вдруг тускнели, то сверкали»).

Характерна обращенность, диалогический жест в этом стихотворении. Лирический герой обращается к предмету, который наполнен воспоминанием, и воспоминанием сокровенным, дорогим. Так возникает диссонанс сути предмета и той эмоции, которую он вызывает: грозное, опасное оружие, упоминание о котором было бы уместно и естественно в батальной, политической, тираноборческой лирике, в этом стихотворении связан с любовной темой и его сопровождают элегические интонации грусти. Характерно, как Лермонтов интонирует финал стихотворения: «Да, я не изменюсь и буду тверд душой, // Как ты, как ты, мой друг железный». Здесь нет восклицательного знака, хотя он «просится». Тем самым клятва, зарок произносится не с пафосом, напоказ, и приобретает интимность, сокровенность. Это клятва самому себе.

Как видим, развитие в этом стихотворении получают мотивы одиночества, воспоминания о прошлом, также здесь декларируется верность своим убеждениям.

По сути, в этом стихотворении воспроизведена структура лирической ситуации прощания такой, как она была разработана Пушкиным. Именно он закрепляет за ней приметы элегического стиля¹, обязательным элементом делает обращение к прошлому. Как замечает В. А. Грехнёв, «новая психологическая глубина открывается там, где элегические мотивы переключаются в иное эмоциональное измерение, в котором мир прошлого встает как мир, исполненный душевных потрясений, трагических страстей, острейших противоречий. Ведь прошлое предстает <...> не только как свершившееся, отошедшее в небытие и потому смягченное элегической музыкой прощанья, но и как совершающееся, вновь оживающее перед духовным взором поэта, воскрешенное во всей его мучительной реальности. И этот аспект изображения (прошлое как совершающееся) уже не подвластен элегической поэтике, рассматривавшей минувшее только в ретроспективе»². Так лирическая ситуация прощания приобретает двойственность и трагическую дисгармонию – «умиротворяющая элегическая мелодия вплетается в драматически

¹ Грехнёв В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: изд-во «Нижний Новгород», 1994. С. 297.

² Грехнёв В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: изд-во «Нижний Новгород», 1994. С. 302.

напряженное изображение страстей»¹. «Прощальные» стихотворения Пушкина – не только «утверждение разлуки с прошлым, но и подтверждение живой связи с ним»². Это же мы наблюдаем и у Лермонтова. Два поэтических стиля – пушкинский и лермонтовский – при всем их принципиальном отличии оказываются схожими в той двойственности, которая сопутствует прощанию, в особом характере прошлого, которое выше было определено как «прошлое как совершающееся». Однако прощание Лермонтова иное – оно лишено спокойного созерцания, которое характерно для пушкинской лирики, а эмоциональнее и категоричнее.

Момент прощания в лирике Лермонтова, как правило, представлен в двух вариантах: как непосредственно переживаемое событие и как воспоминание о нем. В первом случае стихотворение приобретает форму прямого обращения к тому, с кем или чем прощается поэт. Во втором – предметом поэтической рефлексии становится то чувство, которое испытывал герой при прощании.

Надо заметить, что прямых «прощаний» в лирике Лермонтова немного. Численно больше их в раннем творчестве³. И прежде всего это прощания с возлюбленной. Вот один из ранних образцов такой лирики:

*Свершилось! Полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут – зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,
Ко мне внезапно подлетел.
Свершилось! Голосом бесценным
Мне больше сердца не питать.
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!*
1830

Событием в нем становится сам факт прощания. Оно внезапно, неожиданно, застаёт героя, когда тот находится на самом пике своего чувства. Избежать расставания нельзя – его можно только пережить, лелея

¹ Грехнёв В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: изд-во «Нижний Новгород», 1994. С. 302.

² Грехнёв В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: изд-во «Нижний Новгород», 1994. С. 325.

³ Некоторые из них – не оригинальные произведения, а переводы из Байрона; условно, они отражают переживания самого Лермонтова, но пока своя эмоция облекается в чужую форму и чужое слово.

в душе то чувство одиночества, грусти, в которые погружается герой. Разлука с возлюбленной вызывает страдание, но формы проявления переживания вполне традиционны: «Запрусь в углу уединенном// И буду плакать... вспоминать!».

Это юношеское, почти пасторально-сентиментальное стихотворение, скорее, исключение в лермонтовском творчестве, так как чаще у него при расставании с возлюбленной доминируют иные интонации – гневные, бескомпромиссные, а само прощание – трагический разрыв с той, в кого был влюблен сильно и страстно. Наиболее ярко такой тип прощания с возлюбленной выражен в стихотворении «Я не унижусь пред тобою...». Если в первом стихотворении герой не отказывается от своей любви, а оплакивает разлуку, то во втором происходит бесповоротный отказ от своего чувства, полная перемена себя, своей сущности («Отныне стану наслаждаться // И в страсти стану клясться всем: // Со всеми буду я смеяться, // А плакать не хочу ни с кем; // Начну обманывать безбожно...»), и вызван этот перелом тем, что он открывает для себя несоответствие внешнего и внутреннего в объекте любви. В момент расставания (прощания) герой прозревает, ему открывается истинное знание о ней – о ее неискренности, коварстве, изначальном равнодушии к нему. У него возникает даже не объективное, а прямо противоположное видение той, кем он восхищался, той, которая казалась ему «ангелом», воплощением всех самых лучших и светлых качеств. Он испытывает потрясение и разочарование, понимает, что его чувством манипулировали.

Недоумение и гнев, захлестывающие эмоции определяют и форму лирического монолога, который представляет собой ряд вопросов, адресованных возлюбленной, но на которые герой не ждет ответа. Эти вопросы – выплеск эмоций, но таких, что они превращаются в обвинение не только ветреной и коварной избранницы, но и миропорядка в целом.

Уже в ранней лирике у Лермонтова появляются стихотворения, в которых реализован сюжет «прощание с родиной». Одно из первых стихотворений в этом ряду – «Романс» (1829). Считается, что это произведение «написано <...> по поводу отъезда С. П. Шевырева в Италию»¹.

Структура стихотворения такова, что в нем сочетается объективное (факт отъезда) и субъективное (монолог), событийное и рефлексивное. Первая строфа не только обозначает ситуацию бегства из родной страны – в ней воссозданы те внешние обстоятельства, которые сделали это бегство неизбежным: «коварная жизнь», обман, «низкая клевета». Ро-

¹ Чистова И. С. Романс («Коварной жизнью недовольный») // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 473.

дина предстает как враждебный мир, и это восприятие усиливают природные реалии: «снега и вихрь зимы холодной» – сурова природа, но и в отношениях людей царит холод.

Однако в монологе героя речь идет не о том, от чего бежит герой и что надеется обрести в «стране Италии златой», а о том, что дорого, чего он лишается, покидая родной край, а это друзья, дружеские пиры, русский мир («балалайки звук народный»), возлюбленная...

Характерно, что монолог героя так же, как и в предыдущем случае, композиционно представляет собой ряд вопросов, которые герой адресует самому себе («Забуду ль...?»). Он как бы пытается предугадать будущее через обращение к реалиям того, что становится прошлым, и в его размышлениях намечается интересный поворот – чужая страна («золотая Италия») превращается в «страну печали», так как память о возлюбленной будет сопровождать его «и под миртом изумрудным, // И на Гельвеции скалах, // И в граде Рима многолюдном...». Таким образом, уже в момент разлуки у Лермонтова звучит мысль не только о том, что его ждет там, в чужой стране, но прежде всего о том, что он покидает, чего лишается.

Этот же самый мотив бегства из родной страны развивается и в стихотворении «Прости, мой друг...» (1830). Причиной бегства в «далекий край» является несчастная любовь, стремление обрести забвение, которое достигается путем мучительных усилий, но так и не будет обретено полностью. Неразделенная любовь навеки опалает душу.

В 1832 году Лермонтов пишет стихотворение, в котором использует новый вариант лирической ситуации прощания, когда герой уезжает на войну в чужую сторону – «К* («Прости! – мы не встретимся боле...»)). Это прощание навсегда, герой едет на смерть и даже не помышляет о возвращении.

Как видим, уже в ранней лирике намечаются разные варианты лирической ситуации «прощания с родиной». В ней всегда обозначается мотив разлуки с возлюбленной, а размышления героя совмещают в себе осмысление того, что он оставляет, и прогнозировании будущего (что ждет меня).

В зрелой лирике образ далекой утраченной родины получает развитие в лирической ситуации прощания с жизнью («Умиравший гладиатор», «Завещание»). В этих стихотворениях отчий край предстает таким, каким его помнит лирический герой, каким он живет в его сердце. Возращение на родину невозможно – смерть настигает героев в чужом краю. Но если тоска по родине, любовь к отчему дому в «Умиравшем гладиаторе» становится главным и открыто декларируемым чувством,

то в «Завещании» оно остается невысказанным – герой даже перед лицом смерти говорит не то, что по-настоящему хочет сказать, скрывает свои истинные желания. Именно поэтому «в предсмертном слове, обращенном к «брату»-армейцу, раскрывается душевная драма человека, которому суждено умереть на чужбине, вдали от «родного края». Главным источником переживаний героя становится его одиночество, социально и психологически мотивированное, особенно остро ощущаемое им перед лицом смерти»¹.

Таким образом, лирическая ситуация «прощание с родиной» возникает уже в раннем творчестве Лермонтова, а затем получает разнообразное воплощение. При этом она сопровождается устойчивым комплексом мотивов: разрыва с прошлым, бегства, воспоминания, неразделенного чувства. Герой, покидающий родину, не помышляет о возможности возвращения. Для структуры лирического высказывания прощания характерна вопросная форма: вопросы следуют один за другим, происходит их нагнетание.

¹ Ермоленко С. И. «Завещания» М. Ю. Лермонтова: к проблеме творческой эволюции / С. И. Ермоленко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133) [С. 27-39]. С. 33-34.

РЕЦЕНЗИЯ
НА СТАТЬЮ О СТИХОТВОРЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
«ПРОЩАЙ, НЕМЫТАЯ РОССИЯ» В НОВОМ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ 2014 ГОДА

Лермонтов или ...?

В начавшейся немногим более четверти века назад и продолжающейся по сию пору полемике относительно авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» одна из последних по времени публикаций принадлежит пензенскому лермонтоведо профессору И.П. Щерблыкину (М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь. Главный редактор и составитель И.А. Киселева. М., «Индрик», 2014, с.403). От небольшого по объему материала энциклопедического характера читатель вправе ожидать максимальной объективности, всех имеющихся на данный момент точек зрения по освещаемой проблеме и по возможности полного библиографического списка работ, серьезных и профессионально основательных, ознакомившись с которыми получаешь объёмную и многомерную картину дискуссии.

Однако текст И.П. Щерблыкина, кроме приводимых некоторых общеизвестных данных о времени обнародования трех вариантов стихотворения, в остальном субъективен, выражая его личную точку зрения: стихотворный образец, воспроизводимый в изданиях лермонтовских сочинений не принадлежит поэту, т.е. написан кем-то другим, - кстати, без попытки обозначить имя возможного автора, что уже сделано другими.

Свою позицию И.П. Щерблыкин конструирует на основе стилистических особенностей восьмистишия по принципу: такого Лермонтов не мог написать никогда: о народе – «преданный» («послушный», «покорный»); «немытая Россия» (в то время как в поэмах «Монго» и «Тамбовская казначейша» дважды употребляется это определение).

Сомнительной кажется автору строка «за стеной Кавказа», за которой поэт надеется скрыться от «пашей», «всевидающего глаза», «всеслышащих ушей» по той причине, что «в 30-40-е годы кавказский регион находился под особым присмотром III отделения» и Лермонтову это было будто бы известно. А ведь на самом деле все обстояло ровно наоборот. Чем дальше от центра, тем свободнее, вольготнее чувствовала себя армейская молодежь.

Предложение И.П. Щерблыкина в последующих изданиях перенести «Немытую Россию» в раздел «Dubia» (приписываемое автору) вряд ли уместно при столь шатких аргументах.

В библиографическом списке, весьма неполном, приведены под разными названиями две работы В. Бушина, затеявшего дискуссию, совершенно одинаковые (слово в слово!), зато почему-то отсутствует статья на соответствующую тему из «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981), в которой лермонтовское авторство не подвергается сомнению.

01.02.2017

А. В. Очман,
кандидат филологических наук,
профессор Пятигорского
государственного университета

РЕЗОЛЮЦИЯ КРУГЛОГО СТОЛА

Подавляющее большинство участников Круглого стола, куда вошли ведущие лермонтоведы России и представители зарубежного лермонтоведения, считает, что стихотворение «Прощай, немытая Россия» органично вписывается в русло лермонтовского творчества и все его компоненты есть производное лермонтовского пера. Оно обоснованно включено в издания произведений М. Ю. Лермонтова, а также в школьные программы по русской литературе, именно как лермонтовское (а не как приписываемое перу поэта). Восьмистишие не случайно стало знаменитым, оно имеет влияние на дальнейший литературный процесс в России. Его нельзя удалить из основного корпуса стихотворений поэта и отнести к приписываемым произведениям поэта. Этот вывод основывается на историко-филологическом анализе стихотворения «Прощай, немытая Россия», проведённом учёными при применении современных методов исследования (имманентный анализ, интертекстуальный анализ, метод «слово — образ» и др.).

Проведение Международного Круглого стола по проблеме авторства стихотворения «Прощай, немытая Россия» дало новые веские аргументы по поводу лермонтовского авторства произведения с точки зрения различных гуманитарных наук: истории, источниковедения, филологии, психологии, теории перевода, культурологии, лингвистики. Они доказывают несомненное лермонтовское авторство произведения.

Аргументы «против» лермонтовского авторства, появившиеся в публикациях исследователей (как правило не зарекомендовавших себя в области лермонтоведения серьёзными научными трудами), вышедших в последнее время, не являются вескими, часто появляются в результате либо плохого знания фактов, либо являются характерными примерами применения метода передёргиваний и натяжек в литературоведении. Таким образом, нет никаких оснований ставить под сомнение лермонтовское авторство.

Участники Круглого стола считают нецелесообразным исключение лермонтовского стихотворения «Прощай, немытая Россия» из школьных учебников, так как некорректное цитирование текста некоторыми радикалами в наши дни с целью идеологической пропаганды своих идей не является аргументом для пересмотра культурного наследия России.

Необходимо обратить внимание на то, что лермонтоведение в наши дни нередко оказывается в плену псевдонауки. Причина идеологической поддержки лженауки в том, что она реализует соблазн простых решений, обслуживает социальный запрос на общедоступную, понятную

массам и не требующую специальной профессиональной подготовки расшифровку тех или иных постулатов.

Участники Круглого стола настаивают на необходимости ознакомления с выводами, сделанными в рамках данного научного мероприятия, при распределении грантов на фундаментальные научные исследования.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Багратион-Мухранели И.Л.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории литературы филологического факультета Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, г. Москва.
2. **Береберова Е.Г.** – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Финансы и налогообложение» Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске.
3. **Ван Лидань (Wang Lidan)** – доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Нанькайского Университета, Китай (КНР).
4. **Гекки Магомед** – лауреат всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова.
5. **Гальцев В.А.** – член союза журналистов России, г. Ессентуки.
6. **Ефимов В.** – независимый исследователь, г. Ванкувер (Канада).
7. **Ефимов Г.** – независимый исследователь, г. Ванкувер (Канада).
8. **Заславский О.Б.** – доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Украина.)
9. **Захаров В.А.** – кандидат исторических наук, профессор, директор Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона, член Союза писателей России, член Союза писателей Армении, Лауреат Всероссийской Лермонтовской премии, г. Москва.
10. **Колупанова Т.Ю.** – аспирант ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского».
11. **Купцова Н.Е.** – доктор бизнес администрирования и организационной психологии, директор по персоналу ООО «Бакарди Рус», член Московского Лермонтовского Общества.
12. **Ли Чжэнжун (Li Zhengrong)** – доктор филологических наук, профессор, заведующий центром исследования христианской литературы и искусства Пекинского Педагогического Университета, Китай (КНР).
13. **Маркелов Н.В.** – главный хранитель фондов Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске.
14. **Миллер О.В.** – лермонтовед, в течение полувека заведовавшая Лермонтовским кабинетом в Пушкинском Доме РАН, состави-

тель уникальных библиографических пособий, включающих литературу о Лермонтове, изданную с 1825 по 2001 гг., член редакционной коллегии «Лермонтовской энциклопедии» 1981 г. и редакционного совета «Лермонтовских чтений» в Санкт-Петербурге.

15. **Очман А.В.** – кандидат филологических наук, профессор пятигорского государственного университета.
16. **Погребная Я.В.** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской зарубежной литературы Ставропольского государственного института.
17. **Прилепин З.** – писатель, журналист, поэт, лауреат национальной литературной премии «Большая книга» (2014 г.), премии Правительства России в области культуры (2016 г.), г. Нижний Новгород.
18. **Пылёв А.И.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
19. **Сапрыгина Н.В.** – кандидат филологических наук, доцент кафедры социальной и прикладной психологии Одесского национального университета им. Мечникова, (Украина).
20. **Сафарова И.В.** – кандидат исторических наук, директор Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске.
21. **Сиротин В.И.** – член Союза Художников России (1988 г.), исследователь в области истории, литературы, философии, г. Москва.
22. **Соснина Е.Л.** – кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске.
23. **Фадичева Е.Н.** – учёный секретарь Московского лермонтовского общества, автор многочисленных публикаций по лермонтоведению.
24. **Ходанен Л.А.** – доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы и фольклора ФГБУ ВПО «Кемеровский государственный университет».
25. **Юхнова И.С.** – доктор филологических наук, профессор ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

